

Калинаускас И. Н.

В поисках Света — СПб.: Фонд “Лики культур”, 2001. — 232 с. (Серия: «Тайна Мастера Игры Игоря Калинаускаса»). УДК 159.9 ББК 87.3

Калинаускас И. Н.

В поисках Света

Свет вылепил меня из тьмы.

Игорь. 55 лет

Я сделан из невидимого огня.

Егор. 5 лет

*Написано Слово о сказанном Слове.
Какой аромат в нарисованном плове?
И карта, увы, не расскажет дорогу.
Но, может быть, книга кому-то в подмогу
Средь шума мирского услышать Отца,
И, в поисках Света, дойти до Лица.*

Абу Силг

Игры в просветление

Я хочу начать с того, чтобы подумать вместе с вами о самой идее духовности; о духовности не как о пласте человеческой культуры, а о духовности как способе жить. Как бы само собой разумеется, что это ценность. И как бы само собой разумеется, что это удел немногих, что это какая-то высшая цель.

"Вот она, жизнь, она дана, я ее не выбирал, я манией величия не страдал, я понимал, что я изменить ее не могу. А что могу? Она такова, и она развивается как-то там по своим законам. Но когда я встретился с Традицией, я понял: "Вот она – другая жизнь". То есть изначально это для меня было: "Вот она, ТА САМАЯ жизнь, которую я искал, о которой мечтал, которую хотел". Естественно, как всякому неофиту, мне казалось: "Все! Все! Все! Счастье состоится здесь и сейчас и немедленно". А потом выяснилось, что другой жизни надо учиться. Я учился, задумываясь о том, как надо учиться, учиться задумываясь. Разучивать все с начала... Но уже это было столь здорово, что все сложности учебы только вдохновляли, больше ничего. В моей жизни было несколько эпизодов, когда я отказывался от хорошей карьеры, потому что это не входило как-то. Ну, какой эпизод вам привести, чтоб было понятно? Вот когда мы сыграли "Клопа" у Александра Михайловича Паламишева, Юрию Петровичу Любимову это очень понравилось, они приятели с Александром Михайловичем. И он сказал, что берет любых двух парней к себе на стажировку, сам выбирай кого. И Александр Михайлович предложил мне, говорит: "Ты если хочешь, вот есть такая возможность". Что такое стажировка у Любимова по тем временам? Да это все, обеспеченная карьера, год ты там стажировешься, и понеслось.

А я приехал домой и думаю: "Господи, за год я поставлю три спектакля сам... Мне не важно, что это будет не в Москве, а так я год буду болтаться около Любимова и изображать то, чего во мне нет. Он для меня не учитель". И я позвонил Александру Михайловичу, говорю: "Александр Михайлович, я..." Он: "Ты что, почему?!" Я что-то там придумал в качестве причины. Он, естественно, не поверил, может быть, даже как-то рассердился на меня, не знаю, надо у него спросить. Другие были смешные предложения вроде фиктивного брака в Москве, со всеми удобствами. Квартира, машина, дача, должность в московском театре. Потом, когда уже настали времена, когда ГБ нас начала гонять, предлагали за границу бесплатно вывезти, опять же через фиктивный брак. Но у меня все уже было внутренне ясно. Я знал, что должен быть здесь, что тут мое место работы и жизни моей и что мне никуда не надо. И пусть гоняют, пусть учат, пусть учат. И действительно, то, что нами ГБ интересовалась, очень многому поспособствовало, потому что, во-первых, слабые места сразу обнаруживали, во-вторых, это привело в такие ситуации, в которые иначе я бы никак не попал. Я имел возможность увидеть и узнать, что такое настоящие сидхи, что такое люди, у которых это есть.

Впервые я почувствовал, что я дома, через лет одиннадцать после встречи с Традицией. Я был не очень усердный ученик, наверное, поэтому вместо девяти лет я потратил одиннадцать. Я сделал пару крупных ошибок, на полгода связь с Традицией потерял, пока выловил все последствия ошибки, нейтрализовал, но когда впервые пережил ощущение: "Я дома, я, наконец, там, где и хотел быть", – это было совершенно прекрасно и очень здорово. Но соблазны всегда были, сначала одного рода, потом другого рода: то заманивали в другие традиции, то еще чего-нибудь. "Разгрузи два арбуза". Я легко оставлял имущество, социальную позицию, карьерную позицию, у меня не было проблемы встать и уйти. Я помню, как встретил одного моего одноклассника, солидный такой дяденька, ровесник мой. Я пацан пацаном рядом с ним. Он такой солидный. У него

все нормально, он никуда из Вильнюса не уезжал, он нормальный специалист, он сделал нормальную карьеру, у него семья, квартира, машина, дача, ну все как положено, а мы с ним зашли в кафе, поболтали. Он говорит: “Ой, как ты интересно живешь, ля-ля-ля, а вот я – мо, мо, мо...” Я отвечаю: “Пошли со мной”. – “Да ты знаешь, – па, па, па...”

Человек обучен схватывать, схватывать и, схватив, держаться. Даже в любви, казалось бы, любовь, это что-то абсолютно бескорыстное, ты любишь человека, и все, что ты хочешь, это чтобы ему было хорошо. И все нормальные люди знают, что так должно быть, но все равно есть схватывание. Схватил и держишься. Есть хорошая притча на эту тему:

– На дне реки жили существа, каждое из которых держалось за камень, чтобы его не вынесло наверх, и они очень любили разговаривать между собой о том, что там, наверху. Пока один, наконец, не решился и отпустил камень. Он узнал, что там, наверху. Он говорил, что надо решиться, а ему говорили: “Ты что, с ума сошел? Даже если тебе потом удастся спуститься на дно, где ты найдешь свободный камень?” Человек должен стать солидным к определенному возрасту. А если ты легко передвигаешься, то тебя называли – летун, несерьезный человек.

Вот я и был такой несерьезный человек. Летун. Мне это не было сложно. После того как я встретил Традицию, все жизненные сложности, и иногда довольно серьезные, перестали такими казаться. Когда знаешь, что вот-вот тебя возьмут и посадят, – это не очень приятно. Хотя понимаешь, что если посадят, значит, так надо, тоже можно учиться, ля-ля, фа-фа.

Но если спросить: хочешь ли ты этого?.. Нет, не хочу. И однажды был такой импульс: срочно надо уехать. Я просто, сколько у меня денег было, в карман сунул, туда же документы, сел в поезд и уехал в Москву. Александр Михайлович тогда помог, и я оказался в Рыбинске, поставил там спектакль, мне предложили главным режиссером быть, в общем, я даже главным режиссером побывал, номенклатурным работником, пока “телега” меня не нашла. А моя мама потом мне рассказывает, что через два дня после этого она на улице встретила случайно старого боевого приятеля отца, ветерана КГБ. И он ей говорит: “Как хорошо, что Игорь уехал. А то бы мы его вчера арестовали, по письмам трудящихся. У нас их кто-то организовал”. У них там просто груда писем трудящихся, полных возмущением моей буржуазной сущностью. А так, я уехал, ну оно как-то рассосалось. Потом меня нашли в Рыбинске, они медленно работают, бюрократия, из Литвы в Россию, да еще в Рыбинск. Пока нашли. Я уже успел четыре спектакля поставить. Приехали, провели со мной профилактическую беседу. И все”.

Когда на рекламных щитах читаешь массу различных объявлений, где смелые люди называют себя всякими смелыми словами и обещают всякие смелые достижения, то невольно рождаются такие прозаические мысли: вот рынок этой самой духовности, или, как мы иронически говорим, “духовки”, вот на этом рынке предлагаются такие, такие, такие товары, и, как всегда, во все времена, находятся люди, которые хотят это купить.

Что же эти люди покупают на самом деле? (Если можно вообще использовать такое выражение “на самом деле”.) Какую мотивацию возбуждают эти предложения? Понятно, что раз это цели, значит, они возбуждают мотивацию достижения целей. “Давайте станем свободными”, “давайте станем духовными”, “давайте станем достигшими” и – как высшая такая цель, особенно популярная в наше время, “давайте станем просветленными”. Строго говоря, это все, конечно, бред. Почему бред? Потому что духовность как способ жить построена не на мотивации достижения, – она построена на мотивации постижения. Это путь от смысла к смыслу, это раскрытие все новых и новых пластов смысла нашего пребывания в этом мире. И прежде всего это штучное, индивидуальное, субъективное. Все предания, все тексты рассказывают о том, как это было с кем-то. Эти рассказы возбуждают и, возбуждая, превращают то, о чем рассказывается, в цель.

Можно ли поставить перед собой цель стать просветленным и при этом достигнуть этой цели? Ну, человек все может, конечно, но то, чего он достигнет, будет ли это раскрытием смысла его пребывания в мире? Скорее всего, нет. Как говорили мудрые древние: “Просветление есть, а просветленных нет”. Просветление – это некоторое психологическое событие, которое меняет смыслополагающий, а не целеполагающий момент в жизни человека. Размышляя над всем этим и наблюдая, как все это происходит в наших реалиях, не где-то там в таинственной Шамбале, не где-то там в экзотических Гималаях или, как говорил Гурджиев, “в антисанитарных пещерах Гиндукуша”, а в нашей с вами жизни, я пришел к выводу, что это такая... громадная мистификация, громадная социальная игра в духовность. И как всякая социальная игра, она приходит из мира потребления и, собственно говоря, является рекламной кампанией по продаже этих товаров. Ничего плохого в этом нет. Конечно, когда бизнес построен на чистом жульничестве, это неприлично, но когда человек искренне уверен, что он продает качественный товар, и люди, которые покупают этот товар, искренне уверены, что получили то, что хотели, – все прекрасно, все замечательно. Но имеет ли это отношение к тому, о чем мы пытаемся думать и что мы пытаемся иногда не достичь, а постигнуть?

Я думаю, что нет. Рынок с его набором экзотических товаров не имеет отношения к духовности как способу жить и пребывать в этом мире, по той простой причине, что товары все эти суть украшения камеры нашей жизни, в которой мы вынуждены жить. Это фотообои, на которых изображено окно, а за окном вечность. Повесить в одном углу какие-то картинки, поставить какие-то вещи, которые напоминают о чем-то этаким, священном, духовном, subtilном. И таким образом организовать себе ситуацию прибежища, убежища, в котором можно хотя бы прикоснуться к вкусу какой-то, пусть псевдо-, но все-таки субъективной значимости собственной жизни. Я думаю, это происходит из-за того, что эти идеи превратились в определенное плюс-подкрепление. Определенная часть социума все эти идеи превратила в товар, поставила на очень высокую полку, обозначила очень высокую цену и сказала, что это высшее, а раз высшее, то к этому надо стремиться. Это мне очень напоминает более просто организованный идейный рынок: есть такое высшее под названием “светлое будущее”, и к нему надо стремиться.

Мне кажется, что духовность – это просто другой способ жить. Он не лучше, не хуже, не выше, не ниже. Он другой. И первый, самый простой признак этой инаковости состоит в том, что мотивация достижения при таком способе жить не работает, ибо нечего достигать. Возьмите хорошие тексты, и вы увидите: сансара та же нирвана, великий квадрат не имеет углов. Есть такая книжечка, которая состоит сплошь из изречений: “Океан удовольствия для мудрого”. Семь вещей, которых следует избегать, семь вещей, которых не следует избегать, и т.д., а в конце написано: “И не забывай, что все это проекция твоего сознания”. Вот эта проективность нашего отношения к духовности, превращение ее в некоторую цель, которую необходимо или хочется достичь, привела к тому, что, как все в мире профанировано, так профанировалась сама идея духовности, божественности, веры, религии и превратилась в набор вещей, в дорогой товар, который якобы имеет высшую ценность и его надо приобрести. И это, конечно же, не может быть содержанием всей жизни, потому что есть еще так называемая повседневность, есть так называемые обязанности, долг перед, долг за и прочие механизмы, из которых состоит жизнь, и поэтому это такое хобби, маленький уголок, который мы украсили цветочками, и этот уголок нам напоминает о том, что все-таки есть что-то за пределами этой жизни. На самом деле этот уголок стал частью этой же самой жизни, с разборками между сектами, течениями, ересями, с разборками между лидерами, каждый из которых старается как-то более деликатно или менее деликатно разоблачить других лидеров, со всеми этими утверждениями: “наше учение – самое ученое”, и “наш путь к истине – самый короткий”, и “если там за сорок рублей, то у нас всего за десять”, т.е. нормальный рынок, нормальная конкурентная борьба на рынке. И это даже не борьба за души людей, как раньше любили красиво писать в советской периодической печати, – это борьба за покупателя.

Есть замечательный в этом отношении человек, Мун, он организовал такой колоссальный рынок, с таким колоссальным спросом, который сам же и создал со своей командой. И все это функционирует, несмотря на гневные разоблачения в печати различных стран, где он работает.

Что же такое “другая” жизнь? Что такое духовность как некое иное по отношению к жизни? Ну прежде всего, я уже говорил, это переход от мотивации достижения к мотивации постижения, переход от доминирования различных практик к доминированию осознания, переживания, вчувствования в ту реальность, в которой мы находимся и которая является частью нас. Что меняется при переходе от мотивации достижения к мотивации постижения? Прежде всего, меняется отношение к любому достижению, исчезает некоторый спортивный принцип организации жизни: кто быстрее добежит, кто больше поднимет и дальше кинет. Достижение становится атрибутом жизни, которую **надо** жить, и поэтому ЖИЗНЬ превращается в своеобразную ИГРУ. Вы как бы начинаете видеть ее извне. А видя извне, вы, естественно, лучше понимаете устройство этой игры, механизмы этой игры, правила этой игры. И у вас появляется гораздо больше шансов, если вы хотите выигрывать и проигрывать. Это, конечно, как бы сказать, поверхностной частью социума воспринимается как асоциальность, или как когда-то при советской власти придумали замечательный термин “внутренняя эмиграция”: эмигрировал в самого себя, бяка нехорошая.

Второе следствие перехода от мотивации достижения к мотивации постижения – это восприятие происходящих вокруг вас и внутри вас событий не как следствия ваших усилий, не как награды за труды или отсутствие оных, а просто как события. И тогда: от меня ушла любимая, а на улице идет красивый снег – это два равнозначных события. И то и то поэзия. И то и то доступно созерцанию, не пофигизму, а созерцанию и постижению. Постижению мудрости, печали, радости, красоты; предательство, верность – все это разноцветные события, они не лучше и не хуже одно другого.

Третье следствие перехода от мотивации достижения к мотивации постижения – другие отношения со временем. Время бега по дорожке и очередного финиша заменяется временем, в которое вы погружены, потому что постигаете себя, мир, вселенную, жизнь, бытие. Вы оказываетесь в неизменном настоящем, настоящее превращается в вечность. Будущее и прошлое перестают быть актуальными, они входят в настоящее. И ровно настолько, насколько они входят в настоящее, они для вас актуальны и интересны. При смене мотивации достижения на мотивацию постижения наступает покой, потому что эта мотивация дает реальное переживание собственной полноценности и полноценности своего пребывания в мире. Нет проблемы достижения некоторых идеалов, нет проблемы несоответствия этим идеалам, нет проблемы переделать другого человека и переделать мир, – есть деятельность, необходимая для процесса жизни. И эта деятельность – это только обеспечение постижения. И человек открывается как сокровенный смысл, и мысль открывается как сокровенный смысл, слово открывается как смысл, природа, социум, государство и т.д. и т.п. Вы оказываетесь в мире настоящей поэзии, гармоничной, прекрасной. Вы избавляетесь наконец-то от маятника, который постоянно вас дергает между манией величия и комплексом неполноценности. Вы избавляетесь, ничего для этого не делая специально, от самой страшной болезни: важности так называемого самого себя. Потому что никакого самого себя в прежнем смысле не оказывается. Этот сам себе важный оказывается просто иллюзией, порожденной мотивацией достижения.

У меня часто спрашивают: “А как же тогда деятельность?” Нормально, это часть устройства жизни. Можно быть более деятельным, менее деятельным, в зависимости от того, что вы хотите сделать с этим произведением вашего, в идеальном случае вашего, творчества. Это уже не проблема, это такой момент творчества. Это все равно что нарисовать картину, сочинить песню, симфонию. И тогда если вам захотелось и удалось увеличить соотношение между мотивацией достижения и мотивацией постижения в пользу постижения, тогда вы понимаете, что нет никакого просветления, нет никакой нирваны, нет никаких мокш, аватаров, архатов, что это все морковки. Морковки, созданные для того, чтобы хотелось идти в эту сторону. И, дойдя, обнаружить, что это морковка. Рассмеяться и стать свободным. Вот это и есть просветление. Обнаружение этой морковки и радость по поводу того, как ловко меня

обманули, – это и есть просветление. После этого нельзя говорить “я дважды просветленный Советского Союза”, “трижды просветленный”. Это акт принятия поражения. Вот я шел по пути достижения, я достиг высшей из высших целей, я вошел в нирвану, я вошел в просветление, я достиг высших степеней знания, и если я при этом искренний человек и действительно искренне достигал, то обязательно обнаружу, что это морковка. И естественно, это жутко смешно. Вот во многих преданиях они хохотали, когда с ними случалось просветление. Я не знаю, почему они впрямую нам не сказали, что смеялись над собой, над устройством жизни, потому что оказывается, что это все банально. Я, осел, механический, запрограммированный социальными целями, восстал против пошлости и обыденности жизни, двинулся в духовность, достиг путем невероятных усилий, углубленных медитаций, сверх супер-мупер-практик, отрезал все привязанности, как там Гребенщиков поет: “Пойдет йогин на кладбище обрезать привязанности”, – обрезал все привязанности, освободился “от” и “для”, достиг, а это морковка! Ослу, потому что он ленивое животное, вешают впереди морковку, и тогда он двигается. Он движется за ней. А самая грандиозная морковка для жадного зайца. “Ну, заяц, погоди!” называется просветление. Я понимаю, что я “дерзю”, но я говорю о своем субъективном убеждении. Вот это и есть просветление. Истинное просветление. Если человек понял, что это морковка и все остальное морковки, и рассмеялся, он имеет шанс освободиться от мотивации достижения. Это и есть та свобода, о которой бесконечно идет речь. И тогда появляется шанс на другую жизнь. Шанс на пребывание в мире смысла. И это совсем другое занятие, если это можно назвать занятием. Это совсем другое путешествие. Это и есть то, что в других источниках называется “я пришел домой”. И путь в том понимании, как путь к чему-то, т.е. опять целевая мотивация, заканчивается. Очень красиво это сделано в традициях, которые используют канон, т.е. ты должен стать таким-то, таким-то, таким-то, соблюдать то-то и то-то. Понятно? Это вовлечение в традицию через мотивацию достижения, потому что просто иначе не замотивировать. И когда человек достигает, реализует канон, ему говорят: “Ну, вот теперь начнем учиться”. Как? Я выполнял 168 правил и 14 заповедей, и это только для того, чтобы начать учиться! Если он рассмеется радостно, если он обнаружит, что это морковка, у него есть шанс. Если он не обнаружит, что это морковка, то тогда он сядет у врат, как говорят, и будет торговать морковкой. Два выхода. Либо съесть ее и избавиться от нее навсегда, либо ею торговать. Можно резать по частям, можно говорить, что наша морковка самая сладкая, в ней больше всего каротина, она экологически чистая, она самая большая, она непосредственно посажена Буддой.

Мы живем в иллюзии, что мы свободные существа, и совершенно не помним, что мы сделаны из людей. А люди – это жизнь, социум, социальное наследование, социальная суггестия, социальное давление, та или иная политическая система. Социум – это вечное, это Великое Среднее человечества. “И сжег он то, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжег”. Спасибо тебе, морковка, что ты довела меня до места, где я смог рассмеяться над всем этим. Но не злобным смехом разоблачителя, не ироническим смехом сатирика, а рассмеяться радостным смехом оттого, что свободен, больше морковок нет. И вы вольны отныне делать все, что хотите. Вам не надо никуда бежать, вам не надо ничего достигать, вы уже всего достигли, морковка съедена. Без этого события шансов что-то узнать и постичь из того, что завещали нам наши замечательные друзья Будда, Иисус, Магомет, Рама Кришна, Вивекананда и т.д. и т.п., нуль целых, нуль, нуль, нуль, нуль, нуль, нуль. Так что вперед к просветлению.

Вопрос: Можно ли сказать, что вы не верите в духовные ценности, тексты, практики?

И.Н.К: Конечно, конечно, я свято верю, что все это существует, что это возвышенные ценности. А иначе бы я не шел. Ведь это мудро устроено. У Раджниша есть замечательные слова, что просветление не наступает вследствие работы, но без работы оно не наступает никогда. Такой парадокс. Ведь понимаете, если мы пойдем, осознаем, переживем, нам откроется, что жизнь, человеческая жизнь, обычная, – подвергается постоянному социальному прессингу, построенному на стимулировании мотивации достижения; если мы сможем это сделать, то мы можем попытаться взглянуть на это растождествленно. И сколько кому понадобится на это времени, астрономического, неизвестно. Важно другое. Если вас

стимулирует, возбуждает как цель нечто, то вы, если можете, отслеживайте, что это достижение. Понятно? И тогда если без насилия над собой от этого избавиться невозможно, то давайте прямо, откровенно, как говорится, и достигайте. И съешьте эту морковку. Лучший способ избавиться от соблазна – это соблазниться. Соблазнился – и свободен. Приблизительно так. Потому что попытка решить эту задачу простым отрицанием этих ценностей: “Это все морковки, и поэтому мне это все не нужно” – приводит к тому, что вы попадаетесь на другие морковки, на морковки цинизма, на морковки псевдорационализма, на морковки “простых ценностей, простой жизни”. Вся наша активность – это либо активность достижения, либо активность постижения. У нас другого способа существовать нет. Я же ведь не говорю о том, что надо отказаться от достижения вообще, – я говорю о том, что надо его увидеть. И книжечка у меня последняя называется “Жить надо!”. Надо этим заниматься; весь вопрос: из какого места? Либо вы фигура на доске, либо вы игрок, играющий этими фигурами. Либо вы собака, бегущая за зайцем, либо вы охотник, либо вы тот, кто видит и собаку, и охотника, и зайца, и понимает, что это такое. Суть состоит именно в понимании, что активность основана на моментах постижения или достижения. Хотя некоторые утверждают, что без достижения нет преобразования и постижения, что это вещи взаимосвязанные. Возможно. Скорее всего, так, потому что сначала надо стать тем, кто дошел до морковки, увидел и понял, что это морковка. Мне 53 года, и я по-настоящему это увидел как морковку в прошлом году. И со вчерашнего дня, когда я узнал название сегодняшней беседы, у меня было очень сильное напряжение, очень сильное, я честно говорю. Не потому, что я не знал, что буду говорить, я действительно не знал, что я буду говорить, но напряжение по поводу того, из какого места говорить. И в конечном итоге я принял решение: только из одного места – из места искренности. Я действительно так думаю, так воспринимаю. И я решил, что не надо делать какие-то там морковки для вас, а просто сказать то, что я думаю. Но честно сказать это было не легко.

Вопрос: Существуют ли специфические трудности на Пути у женщин?..

“Что это за тема такая – мужское и женское? Что это вокруг нее столько жару? Жару-пару? Это Цветаева вмешалась, очевидно, и “не возьмешь мою душу живу, не дающуюся как пух, жизнь, ты часто рифмуешься с жиром...” Меня потрясло – это ж надо так здорово! О, женщина! Есть женщины в русских городах столичных. Жизнь, ты часто рифмуешься с жиром. Класс. Поэт, настоящий! Что так волнуются все вокруг этого психологического беспокойства? Знаете, мне, как всегда, повезло. В юношеском возрасте гормоны стучат, я весь в мышцах, чемпион республики по толканию ядра и метанию диска, рекордсмен в беге на шестьдесят метров, махина такая, удар – пятьсот килограммов. Одной рукою рву восемьдесят, сто беру на грудь и десять раз делаю от груди в темпе. Вы можете себе представить: машина... А воспитание... Девочки-одноклассницы от меня шарахаются почему-то, я страдаю от неразделенной любви, а мой тогдашний по жизни наставник, режиссер народного театра Владимир Федорович Долматов – замечательный человек, который собственными усилиями, самоучкой, из выпускника ПТУ стал заведующим отделом технической эстетики Научно-исследовательского института технической эстетики, попутно он был еще режиссером одного из лучших народных театров, – он меня вызвал к себе, как-то так, за роль поговорить, и говорит: “Игорь, смотрю я на тебя, здоровенного бугая, и вижу, как ты мучаешься. Что такое, что за проблема?” Я говорю: “Вот, понимаете, Владимир Федорович, ну как бы вот и хочется, но а как вот это вот, а как?” Он говорит: “Игорь, запомни, простой я тебе даю совет, не указание, а совет: хочешь женщину – ищи женщину, которая хочет мужчину. Все. И никогда в жизни у тебя не будет никаких проблем на этом месте”. Я так и сделал. И все было прекрасно, пока не возникли matrimониальные планы. Вот тут начались сложности другого порядка. Не было кому дать совет, очевидно, – что делать с этими матри... Да. Планами. Да. А тут я что-то вокруг все время слышу – мужское, женское, третье, десятое, секс, эротика, проблематика. Все очень просто: самое мудрое любовное послание – это записка,

которую нашли при раскопках в Великом Новгороде среди берестяных грамот. Там было написано: “Я хочу тебя, ты хочешь меня, давай будем вместе”. Ну что вокруг этого антимионю развозить, объясните мне, дорогие мои? Но народ начинает шевелить извилинами, говорит: “Вот я хочу, а меня не хотят”. Ну, отойди в сторону, не мешай человеку. Найдете. Нет такой, уверяю вас, нет такой ситуации, в которой кто-нибудь не хотел бы вас. Значит, у вас выбор такой: из тех, кто вас хочет, а с другой стороны, у вас внутренний выбор: кого же вы хотите из тех, кто вас хочет. Там уже вот такой список! Нет, вам надо того, который вас не хочет. Мазохисты. Ну, что я могу сделать? Мазохисты. Сами создаем препятствия, сами головой бьемся. Отдайте кесарю – кесарево, отдайте! Перестаньте заниматься мазохизмом, жизнь будет радостная, счастливая, веселая и для вас, и для тех, кому вы будете дарить свою радость. Что это за культ болезненности? Извращение какое-то. Если не больно, то не интересно, да? Есть, конечно, другая крайность. Вот я со спортсменами поработал в их простом, очень простом социально-психологическом мире. У меня приятель, я ему говорю: “Сколько у тебя было женщин?” Он говорит: “Три тысячи шестьсот с чем-то”. Ему 35 лет, спортсмен, потом тренер... Он меня все доставал, что я такой вот, невинного из себя корчу, на их языке. Я говорю: “Со сколькими тебе было хорошо?” Он, не задумываясь, мгновенно говорит: “С тремя”. Он их помнит. Я говорю: “Вот и вся разница между нами: я сразу нахожу этих трех за этот же промежуток времени, пока ты перебираешь 3624”. Он успокоился. И когда ко мне кто-нибудь на сборах из тренеров приставал на эту тему, предлагая различные блюда из их кухни, он всем говорил: “Не трогайте его, у него другая метода”.

Мне кажется, нужно сохранить в этом какую-то... красоту, чувственность, поэзию, музыку. Вот для меня отношения интимные с противоположным полом – это музыка. Если музыки нет, я вообще не понимаю, зачем этим заниматься? Это – музыка. Тогда – да! Три дня, десять лет – какая разница, как сложилось, но красиво. Остается в тебе, в ней что-то такое... Я помню: был в молодости роман, три дня. Я до сих пор все помню, все! И финальный аккорд: “Ты на мне женишься?” – “Нет”. – “Ну, прощай”. Так и не отдалась. Но очень хотела. И я хотел. И все было красиво, романтично, страстно. Но финальный аккорд – такой. “Спасибо, – сказал я ей, – за все, что было, спасибо. Я тебя никогда не забуду”. Я, действительно, ее уже смутно, честно говоря, помню, но то, что было между нами, помню очень хорошо. Я шучу. Конечно, я помню, потому что это – музыка, понимаете? Вы услышали хорошую музыку один раз в жизни, неужели вам надо слушать ее с утра до ночи, каждый день? Нет. А когда люди защищаются и превращают это в примитив, предельный примитив, например: читаю в книжке! В книжке! – почтенный старец, разработавший систему закаливания и прочее, пишет: “Половой акт – это взаимный массаж половых органов”. Да, думаю, на хрен мне твое долголетие после этого. Это он долголетием занялся. Да на фиг мне твое такое долголетие. Или когда молодежь: свобода, свобода же, “от”, свободу “для” никто не ищет, все ищут свободу “от”, от этого, от того, от пятого, от десятого, ходят свободные и пустые как пробки. И начинают это сводить к каким-то примитивным физическим взаимодействиям в антисанитарных условиях или в состоянии сильного наркотического или алкогольного опьянения. Я в жизни ничего страшнее не слышал, чем признание одной женщины, что она своего первого мужчину не помнит, потому как была пьяная вдрабадан. Я думаю: эх, не Шекспир я, вот бы написал трагедию, все человечество бы вздрогнуло. А можно так – а подумаешь: первая, последняя, двадцать восьмая. А музыку ведь не забудешь, она звучит в тебе. Я никогда не забуду, как я первый раз слушал Шестую симфонию Чайковского. А так, упрощение, потом умаление, потом умиление по этому поводу, а потом страдания, страдания, страдания, которые все облагораживают. Да не облагораживают пробку никакие страдания! Если внутри пусто, то там пусто. Нет там музыки, ну нет ее. А когда люди под видом духовности начинают подводить базис под свою примитивность и нежелание вообще делать какие-то усилия в

области человеческой культуры, то, извините меня, гунны по сравнению с этими людьми – высокодуховные существа, выполнившие божественную миссию по разграблению Рима”.

И.Н.К.: Женщина больше подвержена социальному давлению. В силу ее основной социальной роли. Естественно, что в процессе формирования человечества оно уделяло очень большое внимание вопросу продолжения рода как одной из основных жизненных функций, и поскольку мужчины рожать еще не научились, то, естественно, социальное давление на мать, настоящую или будущую, гораздо выше, чем на отца. Это до определенного места, с определенного места мужчины вдруг оказываются какими-то нерешительными, потому что они больше хотят быть победителями. Они на морковку “победитель – побежденный” ловятся просто как форель на красную икру, забывая всякую осторожность.

Вопрос: Вы говорили о том, что способ жить определяется формулой “движение целого в целом в точке координатора посредством нуль-перехода”, но разве эта формула не содержит цели и, следовательно, достижения?

И.Н.К.: Необязательно, необязательно. Движение целого в целом в точке координатора посредством нуль-перехода цели не имеет. Просто так устроен мир. Привычка все проводить через целеполагание обнаруживает себя в вашем высказывании. Конечно, совершить этот переход – это цель, но после этого никаких целей нет, потому что больше нечего достигать, а мы сейчас говорим о духовности. Жизнь вся построена на целях, на этом строится вся мотивация, вся стимуляция через плюс-минус-подкрепления, победитель – побежденный, достиг цели – не достиг цели, соответствует идеалу – не соответствует идеалу. Вплоть до красивый – некрасивый, привлекательный – непривлекательный. Таково устройство жизни, это не хорошо и не плохо, это факт. Вы просто спокойно подумайте. Представьте себе ситуацию мотивации постижения. Там нет еще, еще, и еще, и еще. Там есть сейчас, а если нет будущего, нет и целей. Цель всегда ловушка в будущее, и она всегда обесценивает настоящее, поэтому в нашей культуре настоящее и не является ценностью. Сколько мы ни кричим “здесь и сейчас”, повторяя идущее с Востока выражение, ничего не происходит. Мы все равно живем завтра. “Есть только миг между прошлым и будущим”, но этот миг равен вечности, потому что он называется жизнь. А прошлое и будущее – это иллюзии. Нет никакого прошлого, никакого будущего, в строгом смысле этого слова. Ибо все, что есть, есть сегодня. И прошлое, и будущее той частью, которой они входят в настоящее, реальны. Самое бесполезное занятие на свете из всех бесполезных занятий – это борьба за прошлое. Так я думаю. Так я стараюсь жить.

Вопрос: Как давно вы соблюдаете традицию?

И.Н.К.: Я не соблюдаю традицию. Я в ней живу. И оттуда на это смотрю.

Я постигаю свою традицию много лет, и не прекращается процесс удивления и радости открытия все нового и нового смысла. Оказалось, что традиция тоже не цель, а смыслополагающая система, помогающая перейти от целеполагания к смыслополаганию.

Я не теоретик. Я самый обыкновенный практик, “ползучий эмпирик”. Меня никогда не интересовала теория как таковая. Если я что-то узнавал, я пытался это делать. У меня всегда был такой критерий: работает – не работает. В книге “Наедине с миром” есть часть, которая называется “Десять бесед о школе”. Я там все сказал, что можно сказать.

Из зала: Какие практики кажутся вам наиболее эффективными?

И.Н.К.: Все, что угодно. Я за свою предыдущую историю перепробовал огромное количество самых разных практик.

Конечно, они нужны. Без них вообще нечего делать. Лежу под пальмой без этих хлопот. Помните анекдот-притчу: “Ну, чего ты лежишь под пальмой, ждешь, когда упадет кокос? Ты бы залез на пальму, собрал кокосы, поехал бы в город, продал, был бы при деньгах, свободный человек, лег бы под пальму и лежал”. – “Я и так лежу без этих хлопот”. Есть более красивая

притча. Едет повозка, запряженная лошастью, куда-то, и за ней бежит собака, привязанная на веревке. Тут подбегает вольная собака и говорит: “Ты чего? Давай перегрызай веревку, пойдем побегам по полям, половим зайцев. В свое удовольствие”. – “А мы на базар”.

“А мы на базар”, т.е. не просто так я волочусь за телегой на веревке, “мы на базар”. Еще раз повторяю, самое главное – увидеть. Сможете увидеть; если сможете и захотите, то сможете увидеть, что это просто два разных способа быть. Один способ построен на мотивации достижения, другой способ построен на мотивации постижения. Вот и все. На то, чтобы мне это увидеть, мне понадобилась вся моя предыдущая жизнь. И теперь на мне едет Насреддин и меня погоняет. Морковки уже нет. Теперь на мне сидит Насреддин и говорит: “Давай, давай, давай”. Конечно, это образ. Иногда мне кажется, что Насреддин – это я, и еду на самом себе.

Ходжа Насреддин не тяжел. Это дух. Ходжа для меня – это символ самого свободного духа, который существует в человеческой культуре. Самый свободный. У Соловьева в “Повести о Ходже Насреддине” замечательно описан момент, когда ему явился звездностранствующий дервиш и сказал: “Ты выполнил мое поручение, и теперь я тебя приглашаю к себе, и ты будешь таким же звездностранствующим дервишем”. И он взлетел на небеса, посмотрел вниз и сказал: “Нет, это не интересно. Я хочу жить”. Он не купился даже на такую морковку. Вот человек. И легенда, и дух, и друг. Помните, Иисусу искушитель сказал: “Пожелай, и все царства будут твои”. И это было не примитивное искушение властью, он говорил – “твое учение заполонит весь мир”. И Иисус, который хорошо владел текстами, смог сказать только одно: “Изыди, Сатана”. Вот это приглашение в компанию, в изысканную компанию, это морковка покруче просветления. Меня ребята, как-то так сложилось у них, они меня любят называть время от времени Мокша. Я слушал, слушал, говорю: “Ребята, все замечательно, но если вы думаете, что я такой идиот, что всерьез воспринимаю данную мне вами кличку, то тогда давайте расставаться”. Давайте будем петь песни и нюхать цветы. Но там. Мне жутко нравится так жить. Когда-то очень давно, при первой роковой встрече, один мой друг сказал мне: “Вот я сейчас тебе дам текст (если я не ошибаюсь, это была Раджа-йога Вивекананды), это может быть просто еще одна интересная информация, а может быть начало новой жизни. Но запомни: все, что ты сегодня имеешь, ты все потеряешь”. Действительно, все, что я имел тогда, я потерял. Но когда я потерял, я понял, что я делал это слишком долго, потому что это такая мелочь по сравнению с тем, что сейчас. Я думаю, что духовность и творчество – это радостное занятие, это не жертвование, не муки, это радость. А жизнь – это другое, это занятие очень сложное, иногда оно по-разному заканчивается.

Конечно, хорошо, когда приятно. Вообще хорошо, когда жизнь складывается. Но когда не складывается, тоже надо что-то делать. Жить-то надо. Без этого и остального не будет. Такая наша обязанность, плата, если хотите, за то, что мы есть. И это хорошо.

А кто автор упрека?

“Врата больше показывать не буду. Все. Лавочка закрылась. Вчера мне уже все сказали понятным языком: хватит, мол. Это ведь не то что: я захотел, понимаете, – и показал вам это. Я должен связаться с товарищами по работе. Врата – вещь такая, все время открывать-закрывать, открывать-закрывать – испортятся. Товарищи туристы, не затопчите источник! И так мне товарищи по работе или навстречу в большом количестве. У меня же нет такой маниши, что это все я делаю, один, герой такой. Так что давайте будем... чего-то будем... чего мы будем?... а, будем! Будем, будем”.

Волна моды на духовность, слава богу, прошла. Слава богу, что вся та мыльная пена, пузыри, иногда кровавые, – лопнули. И все тихо, мирно потихонечку уходит в забвение. И опять духовность занимает то место, которое она занимала тысячелетия в истории жизни

людей, то спокойное и для подавляющего большинства людей неизвестное и незаметное место. А мода, которая время от времени возникает, такая кризисная мода на духовность – разговоры, передачи по телевидению, книги, экстрасенсы – это все “духовка”. Это социальные игры с использованием экзотической атрибутики.

Все вернулось на круги своя. Люди живут как жили. Тем более жизнь трудная, наполненная в основном заботами о существовании, то есть материальными заботами.

Целый цикл прошел: немодно, модно и опять немодно. Почему это случается с человеком, почему ему вдруг хочется учиться, почему ему вдруг хочется какой-то другой жизни? Это трудно объяснить. Это невозможно объяснить. Даже сам человек, с которым это случается, всю жизнь потом пытается найти для себя какие-то разумные объяснения – почему это с ним случилось? Думая о себе, я все валю на удачную черепно-мозговую травму, а кто-то еще на какие-нибудь экзотические или нестандартные жизненные ситуации. Почему это случается? Но оно случается, и когда оно случается, ты просто без этого не можешь жить.

Однажды я струсил, сильно прижало, а ведь хотелось еще и социальные амбиции реализовать – ставить спектакли, иметь свой театр. Я был один, и социальное давление стало нестерпимым. Я решил перейти в другую традицию, более социально-агрессивную, и честно старался изобразить, что я в нее поверил. Но настал момент, когда за более серьезные знания надо было заплатить одним – признать публично, что никакой Школы не существует и что все это мои выдумки. Мне стало очень стыдно, что я струсил. Я был один. Учитель мой к тому времени уехал в Америку, связи с ним не было никакой. И тогда я начал искать какие-то другие способы связи и нашел их.

Замечательный мыслитель, великий суфий, поэт Бируни сказал: если человек что-то совершил против законов космоса, то это вернется ему как максимум через полгода. Если он что-то сделал против закона людей, то неизвестно, будет ли он наказан или нет. Люди удивляются, почему злых, плохих, с их точки зрения, не наказывает судьба, а хорошие так страдают? Нужно четко разводить закон людей и закон космоса. Это не одно и то же. Как законы убежища и законы пути – это не одно и то же.

Законы пути очень часто предстают, с точки зрения человека, очень жестокими. Не просто жесткими, а жестокими.

Поэтому если мы хотим говорить о безупречности, то можем говорить о разных вещах. С точки зрения социальной, безупречность – это просто хорошая привычка. Как хорошая привычка, скажем, содержать в чистоте полость рта, не только для сохранения кислотно-щелочного баланса, а, скажем, для того, чтобы дурного запаха изо рта не было, это социально полезно. Вот такая же привычка быть безупречным в работе, то есть все, что делаешь, делаешь хорошо. Взятся за работу – старайся сделать хорошо, проверь качество, доведи до конца, не схалтурь. Это просто хорошая привычка – быть безупречным. Тогда постепенно формируется социальный имидж безупречного человека и тебе начинают верить, доверять. Ты перестаешь тратить силы на доказательства своей безупречности, тебя меньше начинают контролировать и больше предоставляют степеней свободы в социуме. Естественно, растет твоя трудовая цена. Это выгодно. Но это должно быть привычкой. Быть безупречным по случаю невозможно – это некоторая такая положительная судорога. Один раз вспомнил, сделал безупречно, потом опять забыл. Это нужно выработать в себе как навык, понимая, что это социальный имидж. Что такое социальный имидж, какой смысл его вырабатывать, сколько он стоит? Ведь мы же бывшие советские люди, мы вообще не понимаем, зачем это нужно. Раньше у нас весь имидж строился так: член партии, не член партии. Все. Если не член, то какой уж ты работник – это дело десятое. Если член, то какой работник – это тоже дело десятое. За исключением некоторых особо ответственных сфер, но там ты автоматически член, потому что хочешь – не хочешь, тебя в партию засунут. Были сферы, в которых талант и профессионализм все-таки довлели над идеологией. Но в этих сферах человек попадал в ситуацию закрытого города, закрытого предприятия – это совсем другая психология.

На Западе люди давно поняли, как важен социальный имидж, и учатся этому. Существует целая наука и множество пособий, объясняющих, как выработать нужные привычки, создать такой социальный образ, который стоил бы максимально дорого.

Итак, **социальная безупречность – это такая хорошая привычка, которая хорошо стоит, за нее хорошо платят.**

С точки зрения духовного пути, безупречность – это прежде всего умение не думать о себе.

Без этого быть безупречным просто невозможно.

Мне раньше казалось, что для человека, хоть сколько-нибудь взаимодействовавшего с традицией, это должно быть довольно просто и понятно, а выяснил, что это очень сложно для большинства.

Речь идет о том, чтобы в прямом смысле слова забыть о себе. У каждого человека в жизни бывают моменты, когда он так думает о другом, так занят другим, что себя вообще никак не учитывает. Вот о таком состоянии идет речь.

Почему это так? Потому что, если человек не умеет думать о другом, он все время вносит в свое восприятие систематическое искажение, систематическую ошибку. Он о себе не может думать как о другом. А только так он должен думать о себе. Потому что все то, что мы привычно называем собой, – это роль. Это Сидор Сидорович Петров. Такой-то, такой-то, такой-то. Такой-то с определенными качествами, свойствами, которые можно изменить в любой момент в любую сторону. Чтобы мог быть и принцем, и нищим, и посох сжимать, и меч. Подобная практика прекрасно описана в книге “Учителя Гурджиева”. Там описывается история о том, как профессор бросает свою кафедру и отправляется в деревню на вакантное место деревенского дурачка. Такая степень творчества во взаимоотношениях с объективной реальностью возможна только при том, что вы о себе не думаете. И когда вы якобы думаете о себе, вы все равно думаете о другом. Для думания о себе вам достаточно “Я есть”. А об этом что думать? “Я есть Я”. Все. Одна-единственная мысль. Мы говорим об этом не первый раз. Но людей, которые пытались бы это практически реализовать, встречаю я редко. Почему? Не знаю. Страшно, наверное.

Очевидно, тут мой личный опыт не совпадает с массовым восприятием, мне это далось относительно легко. Может быть, потому что я по натуре актер, потому что с детства в театральном-драматическом кружке занимался, потом руководил драматическим театром. Актер, режиссер, с театром много дел имел, понятие “образ” там рабочее. “Я” там одновременно инструмент и я же одновременно тот, кто на этом инструменте играет. Может быть, поэтому мне было легче. Не зря Гурджиев сказал, что цель любого учения – сделать из человека Актера, с большой буквы (чтобы не путали с профессией актера).

Это момент фундаментальный, это подтверждается всеми моими наблюдениями за собой, за своими учениками, которых почему-то становится с годами все меньше и меньше. Хотя это естественно. Мода прошла. Учиться-то очень трудно, чем взрослее человек становится, тем труднее ему быть учеником. Человеку хочется самоутвердиться, самовыражаться, возраст личности наступает, надо территорию, надо то, се, а тут учитель ходит, вечно недовольный, придирается, нет чтоб похвалить. В общем, мелкий тиран – находка для воина, а у нас мирное время, строительство, НЭП.

Чем больше я наблюдаю, тем больше убеждаюсь в том, что вопрос безупречности поведения на пути это фундаментальный вопрос. Социальная безупречность, трудовая, скажем так, – это одно. Этическая социальная безупречность – это другое. Все зависит от того, какой образ вы создаете или из вас хотят создать: человек, держащий слово, или, наоборот, человек, всегда нарушающий слово, человек порядочный, человек непорядочный... Множество вариантов. Но это все перестает быть абсолютно однозначным, как только мы начинаем на это смотреть с другой стороны реки. Быть ли в социальном смысле бякой или цацей – решает безупречность поведения на пути, а не жизненная ситуация, которая диктует, как бы мне тут побольше заработать или как бы мне большему количеству людей нравиться. Если надо, конечно, можно понравиться всем сразу, или все будут говорить, что вы беспринципны. У меня

сейчас, например, такой период, многие говорят, что Игорь Николаевич совершенно беспринципный мужчина и, вообще, несет время от времени полную ахиною. С некоторыми людьми я встречаюсь тайно, в другом образе, просто тайно, я серьезно вам говорю, тайно встречаюсь, и они знают, что Игорь Николаевич совсем не маразматик, а очень умный человек, хорошо разбирающийся в некоторых очень деловых вопросах, но почему-то это тщательно скрывающий от масс. С другими я встречаюсь явно, но они знают, что Игорь Николаевич совсем даже не такой, как думают первые и вторые. Это мое хозяйство, и я им распоряжаюсь в соответствии со своими духовными необходимостями.

“Такая интересная была история, я ехал в поезде, зима была, жуть и холод, в вагоне не топили. Я простыл насквозь, приехал в Петрозаводск, меня никто не встретил. Я добрался до гостиницы, у меня температура, не знаю какая, в общем, в глазах – туман. И сутки меня выхаживала добрая женщина, дежурная по этажу, лекарства таскала, чаем с малиной отпаивала, через сутки я пришел в театр. Покачиваясь. Там много было интересного, такой странной была история – весь период в Петрозаводске. Я жил в гостинице, и приехал человек из Москвы в местный театр оперетты ставить что-то. Такой мужик, пожилой уже. Он был характерным танцовщиком в Большом театре, в кордебалете, естественно. А жена у него была солистка. Мы с ним просиживали вечера, я его слушал, провоцировал на рассказы. Он рассказывал мне про мир балета, про мир оперетты. Приходит как-то и говорит: “Ну вот, так я и знал, директор говорит: ты сделай в массовом танце отдельный эпизод для такой-то артисточки. Ну, ладно-ладно, я с него за это возьму. Мне не трудно!” Много разного, интересного он про балет рассказывал, про мир, который там за кулисами.

Большая часть того, что во мне есть, – это все рассказы людей, разных людей, их рассказы о жизни. О том, как они живут, о том, как они думают, о том, как они видят мир. И насколько они его видят. Это огромный, как бы сказать, многосерийный такой фильм из людей. Вот один человек рассказывал, другой человек рассказывал, третий человек рассказывал, и так тысячи. И мне все это было интересно.

Мне не было интересно слушать про себя, мне до сих пор это не интересно, что про меня там могут рассказать. Поэтому я стараюсь первый голос отдать и слушать”.

И сегодня я с вами разговариваю честно и искренне в той степени, которая мне духовно необходима. Мне не нужно врать для этого. Мне достаточно знать, что правда многогранна, и поворачивать ее к вам нужными гранями. Предположим, их двадцать, я поворачиваю к вам шестнадцать, и этого достаточно. Те, кому не достаточно, могут догадаться, повернуть остальные четыре и сказать: “А! Интересны ведь не те шестнадцать, которые он показал, а те четыре, которые он не показал”. В самом тяжелом положении окажутся те, которые подумают: “А ведь он врет”. Я уже давно не вру – нет необходимости. Когда я в одной книге прочитал, что правда – это очень занятная вещь: кусок дохлой коровы и превосходная говьяжья вырезка – это правда об одном и том же объекте, у меня случилось озарение. Вот оно! Вот ключ к социальному поведению. Я врать очень не люблю. Вранье отнимает много сил, надо помнить, кому что сказал. А тут, говори правду, всем. Тоже безупречность.

Я очень рад возможности с вами общаться. На вас посмотреть, себя показать, что еще жив курилка. Может быть, какие-то мифы о себе у кого-то развеять, а может, какие-то мифы о себе у кого-то укрепить. Но самое главное – просто напомнить вам по-честному, что чем бы мы ни занимались, как это ни покажется кому-то невозможным, все наши действия по макрозаконам, подчинены законам Школы. Пусть не везде они ярко проявляются, так чтоб сразу было видно. Школа – это не прожектор, не яркий луч в темноте. Это белое светящееся пространство, которое везде. И пусть его без специальных усилий чаще всего не видно, оно действует. И если в некоторых, особенно затруднительных положениях вспомнить об этом, то это очень часто помогает в самых неожиданных делах, в самых конкретных, бытовых, коммерческих, таких, которые, казалось бы, никакого отношения к духовности не имеют. К духовности либо все

имеет отношение, либо духовности просто нет. Это не я сказал. Впервые это было сказано давным-давно. Либо дух везде, либо его просто нет. Не может что-то не иметь отношения к духовности. Если кто-то заявляет, что нечто не имеет к духовности отношения, значит, он начинает заниматься вырезанием. Начинает выкраивать из духовности некий облик, удобный для него лично. “Наша партия приведет Россию обязательно куда-нибудь!” Ну, конечно, приведет. Мэр Петербурга рассказал по телевизору прекрасный анекдот: пришел избиратель на избирательный пункт. Внимательно изучил весь список, все фотографии рассмотрел, все биографии кандидатов прочитал, потом сказал: “Какое счастье, что выберут только одного”.

Вопрос: Игорь Николаевич, слово “безупречность” – это значит без упреков?

И.Н.: А кто является автором упрека? Это вы выбираете или не выбираете сами. Это вопрос индивидуальный. Есть люди, для которых главный автор упрека – узкий круг близких знакомых; для других – это официальная инстанция; для третьих – абстрактное общественное мнение; для четвертых – это он сам; для пятых – идеал, некая мерка, по которой они себя меряют. Если говорить о пути, о безупречности на пути – то как вспомнил о себе как о самости, таковости, так и упрек. Как только между тобой и Миром появилась таковость, вместо света – тень, вот и упрек. Абу Силг как-то сказал: “Когда человек не может освободиться от думанья о себе, он видит Мир в тени себя самого и называет это мраком Мира”. Если человек не может увидеть Мир без себя, то это и есть упрек. Мир без себя, когда себя видишь просто как другого, – это совсем другой Мир. И тогда понимаешь, то, что закрывало тебе глаза, это не ты произвел на свет божий, а это стенки социальной матки, социальная утроба, в которой ты находился. Это было хорошо, потому что социум тебя сотворил, породил, но это же и плохо, с определенного момента, потому что ты не родился в духовном смысле, не реализовался.

Вопрос: Если говорить о безупречности, то как: безупречность перед кем? перед собой, перед другими? безупречность в чем?

И.Н.: Безупречность всегда для себя. Она нужна тебе. Для кого-то, перед кем-то – это функциональное качество. Допустим, я вижу безупречного работника. Я его начинаю повышать по службе, если я его начальник, но для меня это не его безупречность, а функциональное качество, которое я как начальник оцениваю как один из компонентов его трудовой стоимости. Для меня извне он надежный, а для себя самого он может быть безупречен.

Вопрос: Может ли человек быть в одном месте безупречен, а в другом нет? Скажем, безупречный работник, а в семье далеко не безупречен?

И.Н.: Безупречность – понятие, относящееся к конкретному единичному действию. Допустим, я пью воду. И делаю это безупречно. Безупречность существует или не существует лишь в каждом конкретном случае. А в ситуации, о которой вы спрашиваете, речь может идти о функциональном: хороший работник, но плохой семьянин. Это называется роль. Человек хорошо исполняет социальную роль работника, но плохо исполняет социальную роль семьянина. Не превращайте понятие безупречности в нечто безразмерное, а то оно мыслями по древу растечется, исчезнет конкретность его содержания. Сила этого понятия сохраняется до тех пор, пока оно конкретно. Только тогда это сильное действие. Я доведу сейчас до абсурда, чтоб вы поняли, что такое сильная конкретность. Безупречно нажал на кнопку дверного звонка. Это сильно. А безупречно прожил всю свою долгую жизнь – это абстракция. Не может такого быть. Это художественный образ. Не может человек безупречно прожить, то есть каждое конкретное действие своей долгой жизни совершить безупречно. Где-то он сразу не попал ключом в замочную скважину – уже не безупречно. Но безупречность на пути затрагивает вас как целое. Вот два примера: один из жизни, другой притча.

У меня был знакомый, замечательный такой внутреннего стиля каратэ, причем я его знал, он был такой... руки, ноги. Бах-бах – такой весь. Ну, неинтересный. Потом мы как-то не виделись, а потом вдруг через год-полтора встретились, и неожиданно он такой весь интересный. А он был во Вьетнаме по контракту. Год там работал, что-то строил. Ну и с ребятами, с вьетнамцами познакомился. Бегал с ними, тренировался. “Я, – говорит, – прихожу, смотрю, стоит мужик лет тридцати пяти, одно и то же движение день изо дня повторяет”. Попросил мой знакомый его с этим человеком познакомить. Познакомили. Стал мой знакомец

вьетнамцу предлагать активнее потренироваться, а тот отвечает: “Тебе сколько лет?” - “Двадцать семь”. – “А мне, – говорит, – семьдесят, и я хочу пожить”. (Смех.)

Теперь дзенская история. Один японец захотел стать мастером меча. Пришел он к учителю, к мастеру. Долго ходил. Пока мастер не убедился, что с гордыней тот управился, с самостью тоже. Не так, как у нас. Фыр-пыр. Пошел к другому. Мастер говорит: “Ладно, езжай в город Мур-пур, сядь на деревенской площади, положи кепку, пусть тебе подаяния туда дадут. А сам... Вот меч видишь? Показываю. Ножны берешь. Так вот. И так делаешь: вж-ж-жих. И назад – вжих. Через три года и придешь”. – “Почет тебе”. Не то что у нас: “Ты что, чокнулся?” Едет в Тырпыр, кладет шапку, чтоб кушать там было немножко... и сидит так целыми днями: вжь-вжь, бжь-бжь. Через год около него люди начинают собираться, через два – советов спрашивают, через три – в ученики просятся. Так стал он мастером вынимания меча из ножен и вкладывания меча в ножны.

Таковы безупречность для себя и безупречность на пути.

...Сапожник, портной. Кто ты будешь такой?

(Детская считалочка)

“Ой-е-е-ей. Ну что еще рассказать, даже не знаю. Чтоб что-нибудь, что живо трепещет. Или уже ничего не трепещет живо? А! Я понял, я догадался: вы не задаете вопросы, чтоб не дай бог не услышать ответы. Уже немножко со мной познакомились. Пон-я-я-я-тно. Вот так вот и рассказывай о себе правду-матку. Плакала моя третья функция горячими слезами. Ну, и бог с ней. Самое пронзительное воспоминание о человеках, о природе человеческой, какая она бывает. Был в моей жизни такой случай: сижу как-то вечером дома, а это были уже времена волчьего билета, на работу никуда не брали в Вильнюсе. Приходит ко мне молодой человек лет двадцати трех-четырёх. Приходит, приносит чего-то поесть, бутылочку вина. Сидим мы, значит. Вечер. И он мне совершенно искренне говорит о том, какое счастье, что он меня встретил в жизни, как я ему во многом помог, как он хочет быть похожим на меня. В общем, изливается человек. Я ему говорю: “Спасибо”, значит, неудобно, неловко... Через несколько месяцев вызывают меня на профилактическую беседу в ГБ и говорят: “Ну, какой вы психолог, та-та-та. Вы в людях ни черта не понимаете”. И дают мне для примера донос. Донос писан вот этим молодым человеком, и дата на нем – следующий день после того незабываемого вечера. Спасибо родному Комитету государственной безопасности. С тех пор я всегда это помню. Нет, мы с ним виделись потом. Я ему не стал рассказывать. Тогда. Правда, честно признаюсь, несколько к нему охладел. Но не осуждаю его. Действительно не осуждаю. И то, и другое он сделал совершенно по разным причинам. Один человек в нем пришел ко мне вечером и говорил то, что говорил, другой человек в нем пришел в Комитет государственной безопасности и написал то, что он написал.

Сколько людей, прекрасных, интересных людей, разных, непохожих. Помню, на станции Ростов-товарная, пытались мы подработать, чтоб как-то до дома доехать, вернуться из поисков места для театра-студии. Пришли – сразу стало ясно, что все забито. Познакомился я там с профессиональным бомжом. Потрясающий мужик, из технических интеллигентов. На почве несчастной любви и ревности спился, его отовсюду выгнали, короче говоря, стал бомжом. Но профессиональным бомжом.

Бродягой. Он Советский Союз воспринимал как большую квартиру. Он говорил: “В апреле надо ехать вот туда. Там то-то, то-то, то-то”. И вот он так кочевал... Он свободный человек, понимаете. Я сидел и слушал, разинув варежку, – я вроде сам бродяга, но я бродяга по делам, а он просто свободный. Вот это зрение! Эту огромную страну, в одну шестую часть суши, он видит от края до края и знает, где, когда, что поспекает, какой урожай, и где как можно прокантоваться, и каким товарняком куда можно доехать, и что надо говорить милиции во время облавы, чтобы они тебе дали пинка под зад и никуда не везли. Профи. Восторг. И я тогда вдруг понял: господи, мы сидим на трех улицах, иногда выберемся в городской сквер – и это большое событие... А уж в отпуск куда-нибудь в деревню к бабушке – это целое путешествие. А рядом живет человек, который... от Камчатки до Калининграда, от Архангельска до Керчи. И везде дома. Посылка может прийти в любой форме”.

Меня на протяжении уже многих лет волнует вопрос: что такое духовный искатель? Кто это такой? Почему у него так или иначе складывается биография? Откуда он появляется? Куда он очень часто исчезает? И что это вообще за явление такое – духовные поиски? Размышления на эту тему не прекращаются и, наверное, никогда не прекратятся. Потому что окончательного ответа на этот вопрос я так и не знаю, а может, его и не существует. А может, и не надо, чтобы он существовал.

Духовность, если говорить с точки зрения персональной истории, начинается не тогда, когда человек заинтересовался каким-нибудь духовным учением, и не тогда, когда он стал читать соответствующие тексты, где есть такие замечательные слова: путь, стоянки, просветление, медитация, откровение; и даже не тогда, когда он начал что-то такое практиковать: какую-нибудь психотехнику, какие-нибудь бдения, или какие-нибудь асаны, или какие-нибудь мантры, или какие-нибудь мандалы, или какое-нибудь вуду. Это все еще не признаки того, что человек преобразился в человека духовного. Как известно, через один и тот же объект могут удовлетворяться совершенно разные потребности. Можно любоваться розой чисто эстетически, удовлетворяя свою потребность в эстетических переживаниях; можно воспринимать эту же розу как некий символ социального положения (ни у кого розы нет, а у меня есть); можно воспринимать эту розу даже как пищевой продукт. Итак, перед нами один объект, но по нему мы не можем судить о потребности человека, не зная, почему человек хочет этот объект.

Так как же нам по отношению прежде всего, конечно, к себе самому выяснить, обманываемся мы или нет? Что толкает человека наживать столько неприятностей и сложностей, интересоваться всем этим нечто, ввязываться во все это?

Может быть, признаком какого-то первого происшествия является то, что человек вдруг или не вдруг принимает самого себя. И перестает интересоваться тем, что же такое есть у других, чего у него нет. А начинает интересоваться в основном тем, что есть у него.

Я глубоко убежден, что верующим можно считать только такого человека, который принял самого себя. Если человек не принял самого себя, значит, он не принял дар Божий пребывания в этом мире, то есть жизнь свою, самого себя. Мне кажется, что говорить о человеке как о духовном только потому, что в нем возникла духовная жажда, нельзя, пока он не принял самого себя. Потому что духовность это путь для человека, который заинтересовался наконец собой. И все, что добыто нашими предшественниками, всеми нашими предками и озарено, освещено, объективизировано, передано и засвидетельствовано под названием “духовная жизнь”, предназначено одному человеку. Оно не предназначено сообществам людей. Оно предназначено тебе и только тебе.

Тогда появляется столько интересов, занятий, осмыслений, переживаний, чувствований, связанных с познанием, приятием, переживанием себя, что без всяких усилий исчезает интерес к таким бессмысленным вещам, как: а почему у него нет, а у меня есть? Или почему у меня нет, а у него есть? Исчезает желание быть таким, как он, как она. Приходит знание, что я это я и мне адресовано это послание. Мне! Я толстый. Это хорошо. Мне толстому это адресовано. А

худому – я не знаю и не могу знать. Я худой. Это мне худому... Я умный. Это мне умному. Я не очень умный. Это мне не очень умному. Это мне.

И тогда приоткрывается понимание того, почему человек, якобы социально не очень успешный, светится. А что же ему не светиться? Он принимает себя.

И тогда даже в этом жестоком мире становится более реальной терпимость и любовь к ближнему, все то, о чем говорил Христос, потому что у человека для человека в себе уже все есть. Нет нужды тратить время, силы, нервы, чтобы получить то, что есть у других. Потому что все мое у меня есть, а чужого мне не надо. Потому что чужое не адресовано мне. И чем больше во мне будет чужого, тем меньше шансов у меня услышать глас Божий, потому что глас Божий обращен ко мне, а не к Пете, хотя тот в сто раз меня умнее, богаче, красивее и родители у него прямо как по заказу, и так далее, и так далее.

И этим принципиально отличается то, что называется сущность, лик, суть, от того, что я делаю в социуме. В социуме никакого “Я” нет и быть не может, ибо там все адресовано не мне, а “нам”. Это Мы! Живем и трудимся в **нашей** стране. Это Мы! Переживаем все тяготы нынешнего этапа. Это Мы! И так далее, и так далее, и так далее. Там никакого Я нет. И если кто-то впадает в иллюзию, порожденную социальным статусом: очень большой человек, очень богатый человек, очень сильный человек, и думает, что в этом случае есть он как он, то мы все знаем, чем это для него кончается. Приходят Мы и объясняют ему, что либо Мы, либо Они. А ты... непонятно что, либо ты с нами, либо ты против нас. Все просто. Это формула социальной жизни. Вся социальная жизнь пронизана ею: от самых мелких клеточек: семья, компания друзей – до самых больших: государство, нация, человечество. Либо ты с нами, с человечеством, либо ты против нас, гад, агент инопланетян.

И есть у нас еще третья часть, на которой эти “мы” и “они”, можно сказать, паразитируют. А можно сказать, что это сосуд, в который все это налито. А можно еще как-нибудь сказать. Зверь! Часть, которая кушает и, если не будет кушать, не будет вообще существовать. Часть, которая вообще занимается совершенно непонятным, непотребным делом. Которую надо кормить. Которой нужно спать. Которой нужно одеваться, чтоб холодно не было. Которой нужно... в общем, не очень много-то ей нужно, строго говоря. Но которой нас учили бояться, потому что она может победить это наше “мы”. А почему она может победить наше “мы”? Почему так надо этого бояться? Почему такая в социуме запущена дезинформация, что вот этого вот надо так ужасно бояться? Зачем социуму нужно, чтобы человек этого боялся? Кому нужна эта легенда о звере?

Ну, не покорми три дня, и весь зверь на этом кончится.

Страх на самом деле простой, страх того, что вот эта биологическая масса, не имеющая ни имени, ни фамилии, ни биографии, тело, которое живет по законам биологии, понимаете, оно... видите ли... оно такое, что презирать его надо и что... оскорбляет, вот! Вас оскорбляет, наверно, тоже, да? “Как хорошо, что дырочку для клизмы имеют все живые организмы” – в том числе и организм человека. Но это ж не человек, это его организм. Гурджиев говорил (чтоб красиво), он говорил: машина, на которой я еду. И, естественно, либо я еду на ней с комфортом, с хорошей скоростью, играючи, вовремя заправляюсь, либо она вся, извините, доживает: то тормоза барахлят, то компрессор, то зажигание, то колесо, то еще что-то. Я бесконечно ее ремонтирую. Но при этом я еще еду куда-то. Либо я уже никуда не еду. Приехали. Желаний много, а машина не работает.

Но это твоя машина. Другой у тебя нет. И не купишь другую, не пересядешь. Хотя говорят, слухи кучерявятся, ходят туманные. Слышу: кто-то там переселился в чужое тело. Не знаю, не видел. А в принципе, понятно что, ... если у тебя “Мерседес”, то “Мерседес”. Если у тебя..., то у тебя...

Но можно ее привести в божеский вид, нужный тебе, чтоб ты ехал, куда тебе нужно, так, как тебе нужно. Можно. Один будет рисковать, ехать и жать на тапочку. Другой наоборот: ладно, я опоздаю, зато машина у меня будет целая. Каждый по-своему. Это твое! Это твое! Твое это!

Женщины за эти века патриархата так научились внутри себя спекулировать своим как бы униженным положением, что это очень стало похоже на знаменитую фразу Эмиля Кроткого: “Это был человек, избалованный плохой жизнью”. Вы знаете, есть люди, которые умудряются спекулировать даже своей болезнью. Они торгуются даже на смертном одре. Это их право. Это их жизнь. Вы можете не общаться с таким человеком, но, по моим понятиям, я не имею права осудить этого человека. Это его жизнь. Я могу быть не согласен, я могу агитировать за другое. Но если я внутри себя, не в соответствии с правилами игры, не в социальных игрищах, а внутри себя, его буду осуждать, то мне грош цена. Это мои внутренние законы. Может быть, поэтому мне удастся нормально общаться с людьми из очень разных социальных миров. Они чувствуют, что я их не осуждаю, вот и все, весь секрет. Хотя драться я умею, когда надо. Но это совсем другое. Как там... опять же китайцы: умный человек знает, как выйти из трудной ситуации, мудрый человек знает, как в нее не попасть. Потрясающе! Я так устроен, когда я это, впервые, то ли услышал, то ли прочел – у меня что-то внутри там... И все, с тех пор я всячески стараюсь так жить. Это ж действительно... Это действительно так. Я знаю массу людей, которые попадают в одни и те же ситуации, потому что им нравится потом в этих ситуациях бороться, сражаться, доказывать, что он выйдет, победит, и как-то... победил! И опять уже ищет, как бы вляпаться опять. Но я вот с китайцами согласился сразу, что мудрость-то в том, чтобы в них не попадать.

“Уроки жизни можно рассказывать бесконечно. Бесконечно. Я помню, в одну из сессий – ну так сложилось, познакомили меня с парнем, потрясающим парнем, хипарем. Такой типично московский юноша. Очень талантливый – он каждый год поступал в очередное театральное учебное заведение, скажем, в этом году он решал в Щепкинское, в этом году – в Щукинское, в этом году – во ВГИК, и его всюду принимали. Он недельку, две походит и уходит, и в этом кайф у него был. Он знал, что на будущий год его все равно примут. Увлекался он всерьез сам для себя без всяких внешних причин русской историей, у него была прекрасная небольшая, но очень качественная библиотека, все по русской истории. Хиповал. Ну, естественно, жить на что-то надо – значит, фарцовкой занимался, по случаю. Мы с ним, бывало, приходим вечером на его половину, потом он прокрадется на кухню, из родительского холодильника что-нибудь притащит, поедим и болтаем до утра. О чем мы только не разговаривали. Очень интересный человек, и для меня был очень... ну как... совсем незнакомый мир, “тунеядцев” этих. Оказывается, очень интересные люди попадают среди них. Действительно, очень интересный, талантливый, красавец, высокий, стройный, такое лицо... И тут мне нужно было съездить домой. Я на субботу-воскресенье уехал в Вильнюс, в понедельник приезжаю, прихожу – он говорит: “Эх! Эх! Ты не вовремя уехал, мы там, значит, чего-то фарцанули, у нас была куча денег, мы так гульнули!” Финал гуляния – они у памятника Маяковскому разбрасывали деньги, которые остались, потому что завтра – понедельник. Что не успели потратить – надо было отдать миру, чтобы опять быть свободным и голодным. Тоже урок, еще какой, для меня тогдашнего “бэдного студента”, что и так можно жить и это тоже может быть красиво”.

Я вот у человека одного спрашиваю: “Это твое?” А он: “Ну?” Я говорю: “Твое это?” – “Ну...” Он не может просто сказать: да, мое. Почему?

Все до какой-то степени извращенцы. Про свое собственное тело не можем спокойно сказать: это мое. Так спокойно: мое это. Да, мое. Вот такое. Мое это. Трудно и потому, что образцы у нас есть, образцы идеальных тел. Бред полный совершенно. Хотел бы я посмотреть на того Шварцнеггера, выдержал бы он пятнадцать минут Зикра? Видел я таких шварцнеггеров при эмоциональной нагрузке. Я работал с ними. Падали. Перетаскать двадцать тонн железа за тренировку – это запросто, а пятнадцать минут сильной эмоциональной нагрузки – и они просто падали. Кричали: “Дайте кушать, дайте анаболика, дайте нафаршироваться”. Машины разные нужны, машины разные важны. Каждому своя, не чужая.

Это знание никому, кроме тебя, не нужно. Тебя! Не нужно и не будет никогда нужно, и сколько ни боритесь, сколько ни создавайте партий, объединений, ни пишите воззваний, не будет никогда, и слава тебе господи, что никому это не нужно, кроме тебя. По определению. Ибо это только тебе и предназначено личное знание, единичное. Бессмысленно объединяться в союзы по этому поводу. Но осмысленно объединяться в союзы по другому поводу. По какому поводу?

Что такое Мы в контексте сегодняшнего разговора? Это социальная часть, где тебя как Я нет. Это Мы, как известно, имеет свои законы. Простой пример. В группу, довольно долго работающую совместно, вводится определенного рода информация. Заведомо известно, какой это должно дать результат. Все происходит в соответствии с ожидаемым результатом – например, группа распадается. Дальше у каждого члена бывшей группы выясняется, почему он ее покинул. И каждый рассказывает очень интересную историю, почему, по его личным глубоким убеждениям и пониманию ситуации, он больше не мог мириться с происходящим. Но все это происходило у всех по часам, с того момента, как в группу была введена разрушающая ее информация. Когда это продемонстрировали, группу охватила волна возмущения, последовали обвинения в манипуляции.

Кричать о манипуляции это один из лучших способов одурачивания. Никто никем не манипулирует, потому что в социуме никого конкретно нет. Есть Мы, Они. Никакого конкретного человека в социуме нет. Есть место. Определенное место в определенной социальной структуре. На этом месте находится исполнитель данной социальной роли. Все. Какой Петя? Кого это волнует? Ну, может, он прославится как очень талантливый исполнитель этой роли. Но роль-то от этого не исчезнет, не появится. Все равно будут действовать надличностные законы, и они будут все определять. В межличностных отношениях все будет определяться типологией, то есть механизмом переработки информации. Типологией информационного метаболизма или еще какой-нибудь типологией. Какая разница, какую сетку наложить, главное, что явление существует с предсказуемостью до 80% в стандартных ситуациях. И от этого не надо приходить в ужас. Потому что страх перед этим знанием тоже часть социальной манипуляции. Вы все должны бояться этого знания, чтоб никто его не искал. Потому что если человек знает, то на него уже гораздо труднее воздействовать. Понимаете, как-то академик доктор педагогических наук по прозвищу Баба-Яга, директор Института психологии Министерства образования, кричала со страшным выражением на лице и кулаком по столу стучала, что никакой саморегуляции не должно быть, потому что это вредно. Вот ее наилучшее доказательство: “Он же ко мне зашел, я на него кричу, а он, гад, улыбается. Он неуправляемый, неадекватный. Срочно на комиссию. Психиатра, и... Шизофрения. Неадекватная реакция на социальный стимул”.

Поэтому вы сами можете понять, что между духовностью как таковой и государством, как охранителем и принудителем интересов социума, отношения такие же, как между Я и Мы. Я совершенно не нужны Мы. Они только шумят и мешают слышать. А Мы совершенно не нужен Я, потому что он со своими индивидуальными наклонностями путает наши стройные ряды. И естественно, что ни в какие времена никакое государство не поддерживало, не поддерживает и не будет поддерживать духовность как таковую.

Но почему ж тогда человечество содержит духовное сообщество?

Прежде чем ответить, хочу напомнить, что все, что я говорю, это мои размышления. Одна из возможных версий. Я всегда говорю только от себя. В данной ситуации я не являюсь представителем какого-то сообщества, на этом уровне. Я это я. Сам по себе. Я лично отвечаю за то, что я говорю. Сам. Это я сказал. Даже если я кого-то цитировал, это я цитировал.

Так вот напряжение между Я и Мы должно было объективизироваться в большом масштабе, а не только в одном персональном теле. Оно и объективизировалось. Причем это Я существует в двух ипостасях. В ипостасях уникальных специалистов, куда выталкиваются из социума в отдельное сообщество действительно специалисты в разнообразные спецгородки, спецклубы, спецучреждения, но куда-нибудь от нормальных людей подальше, чтобы не заражали своим Я наши стройные ряды. Они нужны “нам”. Потому что творит, открывает,

изобретает Я. Мы не может ничего изобрести, открыть. Но зато Мы гениально умеет этим пользоваться. Мы не может сотворить нечто, но Мы может замечательно это скушать. Мы не может приготовить плов. Но как хорошо оно его ест. Итак, такое напряжение существует. Но существует и другая ипостась. Ее мы имеем в виду, когда говорим о веселых сумасшедших, о тех, кто в состоянии, действительно в состоянии быть совершенно Я. Быть собой до конца. То есть быть Я до конца. Это безумно трудно. Это какое-то сверхъестественное состояние, но такие варианты есть. И есть тому свидетельства в истории человечества.

Хочу обратить внимание на один очень существенный момент. Есть колоссальная разница между Я, к которому обращено послание, и так называемым индивидуализмом, социально запрограммированной системой воспитания социальных бойцов. Чему множество очень ярких и привлекательных примеров видим мы, особенно, в американском кино. Смотришь, и хочется верить в то, что это действительно так. Но суть ситуации видна совсем на других примерах. Летчик-истребитель поднимается в небо один, один сражается, один поражает цель, но в действительности нужно около двухсот человек, чтобы самолет взлетел, и все произошло нормально от первой до последней минуты полета. Так что это летит не он. Это летит роль. Это Мы летит. Это Мы покорило космос, а не он. Я разговаривал с одним человеком, который персонально покорило космос, и верю ему, потому что разговаривал я с ним в момент поломки у него этих космических возможностей. Он мне жаловался и пытался в диалоге со мной выяснить, в чем же дело, почему он вдруг лишился способности перемещаться в пространстве. Это был простой человек из очень глубокой провинции, и гордился он не тем, что был на Луне, а тем, что был в Кремле; в тонком теле, как модно сейчас говорить. И когда у него это сломалось, он со мной в это время и общался. И я ему верю. Так случилось, что я встречал в жизни таких людей. Про них можно сказать, что это было сделано действительно персонально, штучно. На исследование таких феноменов потрачены кучи денег, и выяснилось стопроцентно одно-единственное, что это штучно. Есть масса замечательных методик, кроме ДФС, но они без автора не работают. В присутствии автора работают, а в отсутствие нет. А все потому, что они не для Мы, а для Я. Для ученика, причем скорей всего одного. Эта ситуация и породила вечный и очень сложный вопрос, особенно для тех духовных людей, которые принадлежат к традициям, живущим в открытом социуме, на базаре. Вопрос личных отношений с социумом духовного человека. Его личных отношений, личного поведения, особенно в критических социальных ситуациях типа: война, революция, беспредел, нашествие гуннов.

В очень хорошем фильме “Андрей Рублев” есть попытка показать эту проблему. Помните, когда Рублев дал обет молчания, а тут набег татар, приведенных изменником. Что делать? Как прожить так, чтобы Богу Богово, а кесарю кесарево? И как кесарю кесарево, чтобы Бога не продать? Чтоб в Иуду не превратиться? И как Богу Богово, чтобы революционером не стать и памятник своему Мы не поставить под видом духовных подвигов. Как в себе самом отделить одно от другого? Как не приписывать себе то, что сделало Мы, а Мы не приписывать то, что сделал сам? И как не пугаться своей машины и не называть ее ласково – это я?

Я не собираюсь сейчас давать исчерпывающие ответы на все эти вопросы. Я только хочу произнести их вслух. Потому что, может быть, они все подвинут к поиску. Наш общий друг и приятель Абу Силг сказал как-то: “Вся твоя “жизнь” это объективация твоих (в скобочках твоих, потому что еще надо выяснить – твоих или наших) отношений с реальностью”. И больше ничего. Понимая в данном контексте “жизнь” в том качестве, с которым в нашей традиции предлагается растождествиться, потому что это жизнь Мы. Когда мы говорим, что здесь мы не живем, здесь мы Игорь Николаевич, мы Вова Иванов, мы Дарья Петрова работаем, - это совершенно правильно. Это только объективация твоих отношений с реальностью и больше ничего. Реальность настолько многогранна, обладает такой полнотой, что ей, собственно говоря, ничего не стоит повернуться к тебе любым местом. Но если тебя нет, а есть только Мы, то она и поворачивается общим для Мы местом. И никакого персонального послания ты, естественно, не получаешь, потому что тебя нет. Оно есть, послание – есть! И персональная судьба есть. И дух. Он, собственно говоря, никогда никуда не исчезал. Все есть. И в этом смысле Махариши прав, когда говорит, что, собственно говоря, нечего достигать, какой путь,

все уже есть! Все есть. Но это все предназначено тебе. Главное, чтобы был ты. Если есть ты, есть и индивидуальное отношение, есть индивидуальное послание, индивидуальная судьба. И реальность поворачивается к тебе как раз этим твоим персональным местом.

Сто тысяч рублей одному это что-то, а сто тысяч этих же рублей ста человекам это уже почти ничего. А тысяче человек – просто символические бумажки.

Это персональное послание, по-моему, и есть благодать. Вдруг появляется Я, и обрадованный Господь восклицает: “Вот, бери, это давно уже лежит для тебя”. А пока Мы, “духовные искатели”, все как один и все вместе. Ничего лично тебе не нужно. Ты не ты. Лошадь не твоя. Извозчик тоже не ты.

– А кто же ты?

– Мы.

В такой ситуации все так и будет – вместо благодати Божьей девальвированные бумажки. Только человек, все это переживший, осознавший и по возможности воплотивший, может стать игроком в этой большой божественной игре, которую некоторые называют Лилла, а некоторые называют большим юмористическим спектаклем. Все время смешно. Иногда большой соблазн переместиться в это место, но как только переместишься, смех разбирает по любому поводу. Куда ни глянь – все смешно. Я помню, как возмущенные духовные искатели жаловались на меня мастеру, что в такое страшное время я себя так несерьезно веду. Мастер еще подогревал это, чтоб возмутить толпу. Он говорил: “Как, вот в такое время? Да, действительно. А Игорь что делает?” Он сидит и поет: “Крылатые ракеты летят, летят, летят.” А я действительно сижу и пою. Некоторые возмутились: “Когда мы боремся за... Он сидит тут, гад, и поет. И смеется, над чем смеется?”

Помните, у Гоголя в “Ревизоре”? “Над кем смеетесь?” Финал, да? Собираясь ставить как-то пьесу, подумал: а, действительно, над кем? Если не в защиту себя кричит он: “Над кем смеетесь, над собой смеетесь”, а как человек, с которым на смертельной грани случилось маленькое просветление. Городничий книжный человек. Каждый городничий имел полный свод законов Российской империи. Это больше ста толстенных томов в телячьей коже. И они были в кабинете у каждого городничего. А Хлестаков – он, естественно, не книжный, он наш человек. Белинский писал про него: мелкий бес. Он не по правилам играет, он не знает, как надо ходить в ответ на Е2 - Е4. Он играет совершенно невероятным образом. А городничий, он хочет, чтоб все по правилам, и вдруг до него это все доходит. И я подумал: а что, если спектакль закончить рождением Я городничего? Над кем смеетесь? Над собой!

Смейтесь над Мы. Ведь действительно очень весело.

Прийти. Увидеть. Убедить.

“Меня просто удачно в лестничный пролет столкнули в детстве. Как сказала моя “шефиня”, доктор медицинских наук, профессор Нягу Ангелина Ивановна: “У вас, Игорь Николаевич, травма в интеллект пошла”.

Ничего во мне такого необыкновенного нет. Хорошая башка. Так много хороших башков”.

Для того чтобы не просто пережить встречу с традицией, не просто тотально ощутить, что это то, что вы хотите, не просто уверовать в это, а чтобы в этом пребывать, необходимо, прежде всего, увидеть, как изменилось пространство вашей жизни.

Традиция придерживается принципа, что и любовь и вера должны быть зрячими. Это принципиально важно для нашей традиции, поэтому традиция не принимает фанатизма, даже в самом чистом его проявлении. Многие из вас пережили события, в которых это было абсолютно

ясно явлено. За двадцать шесть лет, которые прошли с того момента, когда я осознал свою работу, все попытки сектантства и фанатизма удалось нейтрализовать, для того чтобы получилось живое. Очень точное определение тому, что я вам хочу передать, дано Леонидовым: любовь и вера должны быть зрячими, а мысль горящей.

Что является условием видения?

Первое – это предельное внимание к пространству. К пространству своей жизни, не к цепочке событий своей жизни, а к сцеплению событий. Важно понимать: когда мы всерьез говорим “моя жизнь”, то обычно имеем в виду массу событий, произошедших не с нами лично, а происходящих с другими людьми, с которыми мы так или иначе связаны, происходящих с вещами и процессами, находящимися в том пространстве, которое захватывает наша жизнь. Тогда вы можете видеть свое движение в пространстве реальности, и вы можете видеть, как объективизируется пространство Школы в пространстве вашей жизни. Когда вы видите это, тогда вы гарантированы, насколько вообще можно говорить о гарантиях, от нелепых ошибок, потому что ошибки в работе случаются, каждый из нас не объемлет всего.

Второе условие – видеть ограниченность явленного в каждом конкретном случае: ограниченность своего сознания, ограниченность пространства психического, ограниченность пространства Школы, даже ограниченность пространства доступной нам реальности, чтобы не проецировать на реальность себя, с ней надо обращаться корректно. Корректность в данном случае заключается в том, что когда я говорю: “реальность”, то я имею в виду доступную мне реальность. Иначе это пустое, абстрактное слово, не имеющее конкретного содержания. Это очень существенный момент внутренней жизни: максимальное внимание к границам, максимальное внимание к ограничиванию. Таким образом, предупреждается превращение живого в идеологию. Традиция – это не учение о традиции. Учение о традиции – это отдельная вещь, эта вещь создается нами на протяжении всех этих лет, постепенно появляются тексты, постепенно мы все меньше и меньше заимствуем слов у наших собратьев, которые давно создали свои тексты. Прежде всего я имею в виду эзотерический суфизм, тибетские тексты ваджаяны, в какой-то степени хасидские тексты, безусловно использовали тексты Ошо, Гурджиева, Успенского и др. Это происходило потому, что традиция не имела своих текстов и эта задача была поставлена перед нами. Поэтому учение о Школе – это одно, а Школа – это другое, но учение о Школе тоже не должно превратиться в идеологию. У Школы нет идеологии, это происходит из ясного видения, что человек – это явление штучное. Именно поэтому отсутствует образ идеального ученика, идеального искателя, идеального члена традиции, и поэтому традиция включает людей столь разнообразных по возрасту, образованию, социально-психологическим мирам, из которых они родом, и чем разнообразнее люди, принадлежащие традиции, тем большим потенциалом формирования реальности вокруг себя мы обладаем. Мне кажется, что одним из наименее разработанных мест является все, что связано с ограниченностью. Дело в том, что в ваших текстах очень много связанной с этим путаницы, вы легко пересекаете границы явленных объектов и в результате очень часто смешиваете вещи мало совместимые. Некорректность мышления является свидетельством малой работы над опознаванием пространства собственного сознания и нахождения его границ. Наша культура, наша идеология, наше образование учили, что возможности человеческого сознания безграничны, это утверждение абсолютно не корректно, ибо если так, то сознание просто не явлено. Безгранична реальность, и то это наше допущение, в силу того, что мы не обнаружили ее границы. Мы обнаружили только границы доступной нам реальности, т.е. границы своих возможностей. Сознание каждого – ограниченная вещь, и вместо того, чтобы заниматься вдохновительной идеологией о его безграничности, традиция предлагает ознакомиться со своим сознанием и дойти до его границ. Это один из важнейших моментов, потому что без этого субъект не может представить себе свое собственное бытие. Без этого субъект вынужден определять свое бытие через всеобщее, и таким образом исчезает как бытийный продукт, лишает себя пребывания в бытии, пребывания в реальности и превращается в вещь, двигающуюся в пространстве-времени пусть иногда по очень сложной, но вполне определенной траектории.

В силу разных обстоятельств, особенно в силу того, что приходится учить разным вещам других людей, в силу того, что это необходимо для зарабатывания денег, в силу того, что к ним обращаются, или потому, что просто любят это делать. Многие, поучая, упрощают и обобщают, теряя конкретность и отграниченность. Вы, наверное, знаете, что пока человек любит учить, ему это нельзя делать. Пока человек любит учить, пока он не воспринимает это просто как работу, это говорит о том, что он реализует тенденцию, которая есть в каждом социализированном человеке, тенденцию поучать. С возрастом эта тенденция возрастает, потому что служит оправданием прожитых лет. Если нет другой возможности, то поучать начинают своих близких, лишая себя всякой возможности с ними познакомиться.

Забота о том, чтобы быть зрячим в своей любви и вере, – это принципиальный момент, потому что очень часто человек называет верой и любовью нечто только для того, чтобы превратить это в само собой разумеющуюся норму, т.е. актуально забыть. “Я в это верую”, все, этим можно не заниматься. “Я люблю” – значит, этим можно не заниматься. Это я часто наблюдаю и в вас, мои друзья. Все дело в том, что – тем, во что веришь, тем, кого любишь, вот этим и надо заниматься, все остальное не принципиально. Все остальное как раз не существенно. Выверт социализации и сила социального давления, социальной суггестии и социального наследования, позволяет человеку забыть то, что в какой-то момент истины он сам определил для себя как самое важное и самое существенное. Этот выверт, этот барьер препятствует человеку пребывать в своей же вере и в своей же любви, потому что наличие у человека зрелой веры и зрелой любви делает человека почти неуязвимым для социального давления. Социум, будучи надличностной структурой, это не упустил, и защитный механизм социальный и психологический, препятствующий таким проявлениям, вмонтировал. Потому что социум – это фабрика по производству людей. Тут, как говорится, мы должны поклониться, поблагодарить и проститься с этим. Но дело в том, что социум подобен плохим родителям, которые заняты не тем, чтобы дать человеку жизнь, а заняты тем, чтобы эту жизнь привязать к себе, очень часто это называется – родительская любовь. Это опять же социальная программа, потому что, согласно социальной программе, дети – это единственное, что может обеспечить старость родителей.

Зрячесть – это то качество, которое сейчас наиболее актуально. Корректность мышления, которая прежде всего проявляется в восприятии границ явленного, ибо каждая явленность ограничена.

Это и есть сокровенные знания традиции. Они не требуют игры в эзотерику, в тайну, в посвящение. Это сокровенное знание. Человек либо может это взять, либо не может это взять и все. Традиция не играет в эти глупые игры охранения своего знания. Это не знание, которое нужно охранять от профанов. Это знание невозможно сделать профаническим. Профанация начинается тогда, когда товар выдают за знания. Профанация состоит в том, что социально-психологический мир, сделанный, выдают за Школу. Это профанация. А знания о зрячей любви и зрячей вере и условия, при которых эта зрячесть возможна, нельзя спрофанировать, если ты их возьмешь, ты станешь зрячим, не возьмешь – ты ничего с этими знаниями сделать не можешь, ты не можешь их продать на рынке, они не только не пользуются спросом, они отвергаются. Они из разряда запрещенных товаров.

Все то, что вы имеете, все ваши специальные знания и умения могут быть трансформированы в содержание вашего бытия. Тогда бытие перестанет быть абстрактным понятием, а станет конкретно насыщенным, тогда даже такая совсем нулевая вещь, как самосознание, о котором ничего нельзя подумать, нулевая точка, даже эта нулевая точка заполнится конкретикой, конкретным содержанием ее пребывания в мире.

И тогда вам уже не нужно будет беспокоиться по поводу “зачем?”. Ибо это “зачем?” откроется перед вами с полной ясностью. Вы сможете видеть мир, его движение, и вы сможете видеть или получать планы на десять, двадцать лет, на сколько хотите, на сорок лет, не создавая при этом жесткой модели и гарантированного будущего, потому что вы будете зряче пребывать в доступной вам реальности. Ваши возможности будут ограничены только границами доступной вам реальности. На сегодняшний день возможности человека ограничены массой

социально обусловленных условий. Вы увидите, что многие люди не могут реализовать колоссальную потенциальность только потому, что в детстве с ними произошло то-то и то-то. Некоторые люди не могут реализовать свою потенциальность только потому, что в процессе социализации прошел технологический сбой и не был вмонтирован тот или иной блок. Это бесконечный рассказ, потому что каждый человек – это потрясающая история. Потрясающая история – он сам как таковой, внимания к этому в нашей культуре нет. Человек воспринимается как история его жизни, как биография. Биография имеет к человеку столь малое отношение, в лучшем случае – это одна десятитысячная истории человека. Человек сам по себе – колоссальное изделие, человек не просто изделие, которое обволакивает собой событие. Каждый человек и есть событие в реальности. Это не красивая идеология, это факт, который можно видеть, и это событие разворачивается в пространстве, пребывает в нем, своей жизнью влияет на реальность. В сцеплении с другими событиями. И тогда у вас не будет проблемы: ах, я вижу механизмы человека! Ах, я вижу его ложную личность! Ах, я вижу, как он сделан! Как же мне его любить? Ах, я могу манипулировать личностью! Ну и манипулируй на здоровье, если тебе больше делать нечего. Просто такое сцепление событий. Если вы будете видеть человека как событие в реальности, вы будете видеть и себя как событие в пространстве реальности, это и есть бытие, наполненное потрясающей конкретикой. Вот это и есть связь между жизнью и бытием. Между человеком как изделием и человеком как событием в реальности. Это и есть та опора, тот исходный момент, с которым работает традиция и с которым связывает свою надежду.

Мы все вылеплены из тьмы. Никто из нас не сделан из света. Мы люди. **Мы сделаны из тьмы, но сделаны светом.** Вот это и есть исходная ситуация. Если мы хотим любить, верить и бытийствовать в мире, наши глаза должны быть зрячими. В противном случае мы обречены. Мы обречены пребывать вещами, которые не знают, как они сделаны, из чего они сделаны, что они из себя представляют, и просто функционируют по неизвестным им законам. Однажды я услышал ответ на знаменитый вопрос: “Ты кто?”, спрашивал я себя и услышал через традицию ответ: “Ты событие в реальности”. Вот это и есть для меня моя любимая, моя традиция. Так я обрел тот смысл, который искал. Я искал смысл моей единичной жизни. Смысл, который бы содержался в ней самой, без ссылок на мистические пространства, без ссылок на связь поколений, без ссылок на то, что так утешает людей, позволяя им относительно радостно функционировать, согласно железнодорожному расписанию. Это главный подарок от традиции.

Слышу голос Отца своего

“Ну, о чем еще таком наболевшем поговорить, поделиться... У меня иногда спрашивают некоторые люди: “А почему вы это не говорите людям в лицо?” А я про себя думаю: “Действительно, а чего это я не говорю людям это в лицо? Боюсь не понравиться, может быть? Испортить отношения? Типология? Защита третьей функции?” Жизнь у меня такая была: говори с каждым на его языке. Указивка такая. Земля дала такую инструкцию. Я же объяснял вам, никто не верит: я человек примитивный, понимаете, у меня одна вера и один источник критериев. Я могу вспомнить суфийскую притчу, которая подведет под это еще другой базис. Я уже ее рассказывал неоднократно: “В текию, в учебное заведение суфийского мастера, пришел уважаемый богатый человек и принес пожертвование на святое дело. Ну, ему экскурсию устроили, показывают: вот, у нас здесь есть книга нашего шефа. Он посмотрел, говорит: “О! А вот тут не та буква”. Шеф говорит: “Да, действительно”. Это пергамент. Он берет ножичек, соскабливает и тут же пишет букву так, как сказал посетитель. Посетитель уходит. Ученики в полном па-де-де. “Учитель, у вас же было

правильно, а он сказал неправильно”. А учитель и говорит: “Ребята, он же не человек истины, он человек культурности и вежливости. И я поступил с ним согласно культурности и вежливости. А вот когда вы хамите и ведете себя некультурно и невежливо, это не признак того, что вы люди истины. Это признак того, что вы заблудились”. – “Бабушка, давайте ориентироваться”. – “Нет, ну как же я”.

Сегодня я с вами поделюсь своим видением того, как живет традиция и как строятся ее отношения с людьми. Я вижу, что это как раз та самая тема, которая одинаково интересна для всех присутствующих, и каждый возьмет то, что возьмет. Все традиции, говоря на языке ДФС¹, живут за первым интервалом, то есть в том пространстве, которое мы называем 5, 6, 7. За вторым интервалом 8, 9, 10 никаких традиций нет и быть не может. Там есть Путь, Свет, Истина, для некоторых Бог (кому повезло с ним встретиться).

Для того чтобы иметь возможность непосредственного контакта с традицией, человек в своем внутреннем бытии должен окончательно и бесповоротно перейти первый интервал. Это говоря техническим языком. Говоря языком психологическим, он должен трансформироваться в такой степени, чтобы постоянно работать в режиме излучения, он должен уметь пропускать через себя энергию, а в дальнейшем и свет, у него должно быть стабильное точечное “Я”, и тогда он будет видеть и слышать. За всю историю моей жизни, особенно последние 6 – 8 лет, когда появлялся какой-нибудь человек, который хотел быть рядом со мной, и я был не против, и реальность была не против, я показывал ему, как я вижу и слышу. Маленький кусочек. И пока никто не остался. Поэтому я и говорю, что у меня есть друзья, которые со мной делают дело и принимают мое руководство в этом деле, но у меня нет учеников. Пока.

Перейти в своем внутреннем бытии за интервал – значит, перестать чувствовать своим домом мир людей. Твоим домом становится мир традиции, своей и тех традиций, с которыми ты можешь вступить в контакт. Там не существует проблемы опознавания, это происходит мгновенно, там нет думания, вычисления, оценивания, там есть резонанс, видение, слышание. И из этого места традиции вы видите и слышите принципиально иное, поэтому и существует задевающее вашу гордыню изречение: “Маленькому знанию не понять большого”. Потому что нечем. Большое знание существует по другим принципам, по-другому осуществляется и усваивается. Все тексты – это только намеки, подсказки и никогда – руководство к действию. Наиболее сложные тексты организованы так, что в зависимости от уровня вашего состояния, его качества, вы прочитываете в них одно или другое содержание. Я уже делился с вами неоднократно, что Евангелие от Матфея вычитывал три года.

Жизнь традиции протекает в резонансных взаимодействиях с реальностью и в духовном диалоге на третьем уровне, т.е. за вторым интервалом. Путь в традиции кончается тогда, когда человек в своем внутреннем бытии пересекает второй интервал и дальше он сам, сознательно принимает решение о дальнейшей своей жизни и судьбе. При этом он не покидает тело, если не хочет. В том же кувшине, той же самой формы, того же самого цвета, оказывается совершенно другое содержание. Вот почему человек, не имеющий этого содержания, не в состоянии опознать качество людей, находящихся за первым или вторым интервалом. И только иногда, при особо благоприятном стечении массы факторов, человек может услышать нечто идущее из-за пределов его жизни – и это в народе называется: “слышать сердцем”. Вот все, что может человек за пределами своего бытия. И ничего больше. Все остальное с ним либо случается, либо делается, но не им. Кроме того, традиция взаимодействует с Духовным сообществом, в жизни которого время от времени происходят различные события, которые требуют принятия решений внутри традиции и обнародования этих решений внутри сообщества или за его пределами.

Естественно, за интервалом не существует игр в просветление и других морковок. Человек там не нуждается в морковках. Его мотивация определяется его объемом. Отношения традиции с людьми имеют несколько возможных, основных форм. Форма первая – построение убежища для людей, не нашедших себе адекватного места в человеческой жизни и услышавших

¹ См. книгу И. Калинаускаса “Наедине с миром”.

некую сказку о силе, о любви, о братстве, о духовности. То есть об уютном, относительно безопасном, симпатичном месте, где можно попасть в такое Мы, которое компенсирует недовольство и неустроенность в жизни. Внутри убежища идет постоянная работа по отбору потенциальных работников, т.е. людей, которые в состоянии, пройдя определенную подготовку, участвовать в качестве работника в решении тех задач традиции, которые связаны с миром людей. А вот уже среди работников идет постоянный поиск и отбор людей, которые, может быть, когда-нибудь, независимо от того, как долго придется ждать, станут учениками.

Ученик отличается от всех прочих тем, что ему не надо напоминать, что он ученик. Ученик – всегда ученик, даже когда он сидит один в ванной или туалете. Ученик – это качество бытия, а не внешняя ситуация.

Не работники и не ученики, но члены убежища – социально-психологического мира убежища являются людьми, которые встали под Закон, которых традиция поддерживает и оберегает, потому что знает, что без слабых мир людей станет безумно жестоким и глухим к любой духовности. Только благодаря слабым людям человечество сохраняет чувствительность. И поэтому люди убежища в любой традиции – это люди, которым традиция взялась помочь не погибнуть, дабы они делились своей чувствительностью и таким образом помогали максимально качественно воспринимать те намеки, которые традиция распространяет в качестве текстов и практик. Так называемые социально-сильные люди практически никогда не приходят ни в убежище, ни в традицию. Любой мастер, любой член традиции стал таковым, потому что изначально был слабым с точки зрения социума, но и члены убежища, как и люди из социума, могут оказываться в положении клиентов, которых обслуживают специалисты разного уровня и разного профиля, таким образом поддерживается материальное благосостояние убежища. В противном случае убежище просто погибло бы со всеми его обитателями под напором социального давления.

Для того чтобы описать восприятие людей в общем виде, с точки зрения традиции, лучше всего пользоваться терминологией, предложенной Гурджиевым. Потому что она описывает объективную данность наиболее дифференцированным языком. Я напоминаю, потому что большинство из вас наверняка это уже слышало.

Человек № 1 – витальный. Существует упрощенное понимание такого человека. Но оставим упрощение на совести того, кто упрощает. Человек сам по себе как факт реальности уже очень сложен, и поэтому желание Великого Среднего упростить восприятие человека вполне логично. Упрощение дает возможность с гораздо большей легкостью оперировать с объектом, это вызывает меньшее напряжение и позволяет создавать те социальные проекции, которые мы называем “таковостью”, закрепляя их за конкретным человеком и т.о. повышая уровень предсказуемости членов сообщества. В отличие от стройных рядов последователей, внутри самой традиции предсказуемость минимальная, как в поведении ее членов, так и в возникновении, развитии и исчезновении событий.

Итак, человек № 1. Это человек, для которого его природное начало, не звериное только, а вообще природное начало, его мудрое и прекрасное начало, является высшей ценностью его жизни, независимо от того, что он по этому поводу думает. Такой человек будет выбирать в жизни, по возможности, такую траекторию, которая будет максимально связана с жизнью природы. Такой человек будет пропагандировать в качестве идеального общества жизнь в природе. Если он не очень умный, он будет говорить: “Назад, к природе!” Естественно, что он будет пропагандировать примитивные формы социальной организации, максимально упрощенные отношения между людьми. Если он не очень умный, он все сведет к проблеме красивого удовлетворения своих витальных потребностей. Такой человек, как и все остальные, может быть и умным, и глупым, и добрым, и злым.

Человек № 2. Человек, для которого высшей ценностью жизни является его эмоционально-чувственный мир. Человек Любви, как любят говорить в народе, сердечный человек. Такой человек будет выбирать такую траекторию в жизни, в которой доминируют добрые отношения, любовь, братство, искренность, если это умный человек. Такой человек будет стремиться в такое Мы, внутренние законы которого будут построены на уважении к

человеческим чувствам и эмоциям. Такой человек создает религию любви, если он однажды услышал своим сердцем голос, идущий из-за пределов человеческой жизни. Этот же человек становится, в зависимости от культуры, образования, социальной наследственности, либо предельно агрессивным, когда у него возникает эмоциональный дискомфорт, либо кайфушником. Именно такими людьми были эпикурейцы в Древней Греции, объявившие удовольствие и наслаждение главными принципами жизни. Эти люди строят социальные утопии о всеобщем братстве, всеобщей любви. Эти люди, при недостатке ума и образованности, толпами валят в различные секты, где из них делают запрограммированных функционеров, ибо такой человек очень легко программируется. У него нет опоры во внешнем мире, где ничего этого нет – ни равенства, ни братства – все “органично, природно”. А уж в городской природе тем более ничего этого нет. Поэтому такой человек легко принимает желаемое за действительное. Им очень легко манипулирует социум.

Человек № 3. Это человек, для которого высшей ценностью его жизни является разум, интеллект, способность мыслить, рефлексировать. Такой человек будет выбирать такую траекторию в жизни, которая позволит ему максимально понимать, знать. Эти люди, как правило, проповедуют индивидуализм и иерархию, строгую социальную иерархию. Элитарность. Если это умные люди, то все социальные утопии о совершенном социуме они помещают в будущее, ибо никакая нормальная логика не может поместить это в настоящее. Эти люди очень часто при недостатке ума становятся скептиками и циниками, попадаясь в психологическую ловушку inferнальности, которая звучит очень просто: “Каждый шаг от рождения – есть шаг в могилу”, “Жизнь – это болезнь, которая всегда кончается смертью”. Такие люди выстраивают сложнейшие иерархические организации, тайные общества, с множественными ступенями посвящения. Это дает им почву для игры интеллекта, создает атмосферу замкнутого сообщества, куда можно попасть только (как они уверены) по объективным показателям. В быту – это конкурсный набор в вузы, избрание академиков и т.д. В политике – это сложные игры власти. Эти люди, начиная с XVII века, захватили власть в социуме. Власть политическая, государственная и прочая принадлежит людям № 3, во всяком случае в западноевропейском сообществе, включая сюда Северную Америку. Никакой другой человек, ни № 2, ни № 1, к власти прийти в наше время не может. А придя к власти, они, естественно, под себя построили социум. Такова социальная действительность. Поэтому люди № 1 и № 2 чаще, чем люди № 3, оказываются в убежищах различных традиций, проиграв людям № 3 жизнь. Люди № 3 приходят в традицию очень редко, обычно это люди действительно не средних интеллектуальных возможностей. Наверное, это связано с какой-нибудь личной катастрофой. Потому что люди № 3 наиболее часто испытывают тотальное одиночество. Или, говоря языком ДФС, попадают в $4D^2$. Даже просто в $3D$ – дальше клиника. Но с некоторыми случается такая катастрофа, за счет которой они начинают слышать что-то совсем другое.

Люди № 4. Так называемые целостные, тотальные люди. Люди, для которых высшей ценностью жизни является переживание собственной целостности, себя как целого. Эти люди никогда, за редчайшим исключением, не становятся такими случайно. Как правило, это продукт работы той или иной традиции. Хотя, безусловно, правило без исключения – это догма, глупость. Безусловно, такие исключения случаются, потому что любой человек в момент большого подъема внутренних сил может пережить это состояние. И это ему может так понравиться, что станет целью и смыслом его жизни. И тогда он может достичь такого уровня и качества внутреннего бытия, при которых у него исчезнут противоречия между чувством, природой и разумом, все это переплавится в некое целое. Такой человек может стать учеником в полном смысле этого слова. Люди, которые находятся на пути к этому состоянию, для которых это состояние стало целью, ценностью и смыслом жизни, в строгом определении называются послушниками, ибо они движутся только к старту, стартовой черте. Они еще не на пути, но уже движутся к началу этого пути. Человек, который попадает в категорию

² Ритм D – ритм конечно-бесконечного, деструктивный ритм, распад, смерть. Методика ДФС выделяет четыре уровня активности (1, 2, 3, 4) психознергетики и четыре качественно-определенных ритма: А, В, С и D. – см.: И.Калинаускас “Наедине с Миром”.

послушника, т.е. живет целевым бытием, все подчиняя, все переосмысливая, все оценивая только из одного критерия. Этот критерий и есть временно исполняющий обязанности Я, или кристалл. В литературе употребляются для этого разные слова, но смысл у них у всех один – это человек, который пытается действовать. Все остальные люди имеют только иллюзию действия. Все, что с ними происходит, – с ними случается. Но поскольку так жить неудобно, то человек создал массу психологических приспособлений, которые создают иллюзию выбора, поступка, решения и движения согласно плану.

Вывраться из этой механистичности можно либо через откровение, которое вас изменит до неузнаваемости, как говорят, сделает другим человеком, либо через целевое бытие. Целевое бытие может быть порождено совершенно разными причинами: подлинной любовью, жаждущей резонанса, подлинным разумом, который видит примитивность и банальность предлагаемой ему жизни. Целевое бытие может возникнуть и в результате различных практик, через которые человек приходит к открытию возможности быть целым. К такому же качеству бытия может привести и жизненная катастрофа, как мы говорим – промысел Божий.

Люди, прорывающиеся к целостности по причине посетившего их откровения, – это люди веры. Люди, прорывающиеся к целостности благодаря качеству своего разума, – это люди знания. Люди, прорывающиеся к целостности в результате катастрофы, – это люди войны. Это воины. Это и есть путь воина. Люди, живущие в убежище, – это и есть дети человеческие.

Как я сам свою историю понимаю, я был рожден человеком № 2.

“Еще меня очень интересовало искусство вообще, не только театр, а и музыка, живопись, литература, скульптура, искусство как факт человеческой жизни. Я впитывал это в себя, о чем это, какое это имеет отношение к жизни? Это я сейчас рационально говорю, на самом деле это все эмоционально было. Музыка, особенно симфоническая музыка. Я иногда дома, когда был один, ставил какую-нибудь симфонию, включал на полную громкость, и, кроме того, что я получал удовольствие ушами, я получал удовольствие всем телом. Это для меня было... у меня вибрировали вместе с музыкой все клетки тела, а уж когда начинался финал, это уже была такая эротика, такое чувственное наслаждение, что убогость человеческих чувств не могла меня устроить. Мне хотелось музыки и там. Но я тогда не знал, как это может быть и возможно ли это.

Я помню, была такая история. Я сидел без работы, в Москве, каждый день приходил в ВТО, в Театральное общество, как на работу, и шлялся там по коридорам, по кабинетам. Жил на рубль в день, и в конце концов кто-то из сердобольных женищин свел меня с режиссером, которому нужно было поставить совершенно идиотскую пьесу. Заказная ситуация, а он главный режиссер, грузин такой, замечательный, талантливый как бог, он и дал мне пьесу, на следующий день мы встретились. Я говорю: “Если кто тебе из этого дерьма и сделает конфетку, так это я”. Он мне потом сказал, что ему очень понравилась моя наглость. Это я к чему рассказываю. Так я оказался в городе Петрозаводске. Ставил там этот спектакль. Этот главный режиссер действительно был настоящий художник, он уже работал в этом театре полгода, а у него в квартире были еще не распакованы ящики с вещами, книгами, некогда. У него было потрясающее такое художественное, цветное видение спектакля. Очень интересный человек, с такими странностями: “Игорь, мне сказали, ты вчера говорил с моим актером. Я тебя очень прошу, ты этого больше не делай”.

Ну, такой собственник, но очень талантливый, прекрасные спектакли, действительно здорово. Но театр же при советской власти, как говорится, трибуна. Ему надо было обязательно ставить эту жуткую пьесу. Я там напридумывал всякого. Как-то мы сидели еще с одним режиссером, и тот что-то насчет меня проехался: “Да что-то такой вы прям чересчур чувствительный”. А ему этот грузин говорит: “Не лезь, может, у него есть такие струны, которых у нас нет”. Это запомнилось потому, что это был единственный человек в социуме, общаясь с которым я мог говорить о

сокровенном своем. Это был первый такой человек. Я рано научился прятать свою внутреннюю жизнь”.

Потом случилась катастрофа, когда меня столкнули в лестничный пролет. Поэтому получилось такое сочетание: человек № 2 и при этом воин. А уж много позже у меня появились знания. И когда я вернулся из армии со всеми своими переживаниями и знаниями и со всем этим оказался там, где и был до, – тут я и встретил традицию. Человек благополучный социально, стопроцентно адекватный и успешный никогда не услышит голос Отца своего, следующего отца своего. Ибо в этой утробе он так и проживет всю свою жизнь. Ему в ней хорошо. Вспомните, что происходит для того, чтобы плод вышел наружу, чтобы ребенок родился. Там такое начинается после девяти месяцев благоденствия!!! Просто выпихивают. С кровью, со всякими другими делами. Силком выпихивают, а потом еще и механически отделяют от матери. Так почему же вы, в общем-то неглупые и образованные люди, предполагаете, что духовное рождение должно происходить в атмосфере всеобщего кайфа? Почему вы уверены, что вам так хочется покинуть эту утробу, если вы не испытали пока ни единого сжатия? А потом еще надо и пуповину обрезать. И делает это страшный человек под названием Мастер. Если вы читали начало книги, то догадались, что те просветления, о которых мы так любим говорить, это изысканная морковка перед носом осла, который иначе никакую поклажу тянуть не будет. Я многих из вас знаю много лет и согласно вашим просьбам, которые вы время от времени забываете, вмешиваюсь в вашу жизнь. Принимаю за вас решения, определяю за вас наиболее благоприятное сцепление событий. Это моя работа, правда, я вынужден вас любить, потому что без любви можно разве что робота отремонтировать. И то имея соответствующие знания. Но мне это нравится. И я спокойно жду и десять, и двадцать лет и не прыгаю от нетерпения и не кричу: “А почему ты до сих пор не... как ты можешь?” Человек – выдающееся явление во Вселенной. Сложнейшее! Напрасно вы надеетесь, что я могу на вас злиться, обижаться, что там еще? Когда человек работает, тогда да, всякое возникает в ходе рабочих отношений, бывают определенные реакции, для того чтобы человек работал, раз уж он взялся. Скажите мне, что вы не имеете этого притязания, наш договор тут же расторгается, и я просто забуду. Я Мастер традиции, а не убежища. Я несу личную, персональную ответственность за любое свое действие в мире людей. Но не перед людьми, а перед традицией и Богом. Я профессионал высокого класса. Для вас пока непостижимого, при всем желании. Мне абсолютно все равно, как вы ко мне относитесь, что вы обо мне думаете, – я вас люблю, нравится вам это или нет, меня просто иначе здесь бы не было. И раз вы приходите ко мне, вы встречаетесь с тем, к кому приходите. Так было раньше. Я мгновенно мог посчитать среднее ожидание группы и выдать соответствующие этим ожиданиям варианты Наставника, Отца и Благодетеля. Это время в моей жизни кончилось, т.е. я не виноват, что, может быть, нарушаю чьи-то проекции, ожидания. Ну, кончилось. И вам, тем, кто захочет, конечно, придется иметь дело со мной, без тех инструментариев, которые у меня существуют для внешнего мира. Правда, это попадет во внешний мир – заранее приношу свои извинения, кого это не устраивает. Можете разоблачать меня со страшной силой, сколь угодно долго.

Когда-то была у меня такая история. Одна из моих клиенток решила внести творческую нотку в выполнение упражнения “Огненный цветок”. Поскольку она что-то слышала о йоге и даже умела сидеть в лотосе, то решила, что может без последствий для себя экспериментировать и делать с закрытыми глазами и со скрещенными ногами упражнение, совершенно для этого не предназначенное. Она была человеком витальным, человеком № 1 с потрясающими незаурядными возможностями в этой области (она была целителем), и все свои эксперименты проводила с соответствующим наполнением. И явился ей однажды небесный жених. И начал ее учить уму-разуму. И стала она записывать под его диктовку прекрасным русским языком всякие откровения (а была она литовкой). Естественно, за ней стали охотиться близкие, с целью вылечить ее путем знакомства с психиатром. Она обратилась за помощью – мы вышли на соответствующую организацию. Короче говоря, поскольку этот жених сообщил все свои биографические данные: имя-отчество, где родился и в каком монастыре, будучи

монахом, умер в возрасте около тридцати лет, то удалось выяснить, что, действительно, был такой человек, монах-послушник, и умер он именно там и тогда. Т.о. ее предали под крыло этой организации, дабы на нее не наседали. Последнее, что я о ней слышал, это то, что она уехала в Чехию практиковать. Так вот, этот небесный жених – это бестелесная сущность. Естественно, она у него спрашивает: “А как же быть с Игорем, ведь он же меня этому научил и благодаря ему я тебя, дорогой мой и любимый, встретила?” Поскольку он был хорошо развитая бестелесная сущность, то он производил в ней совершенно телесные действия тоже. Она впервые ощутила себя полноценной женщиной. И на физическом уровне. Сами понимаете, эти события для человека витального очень значительны. А он говорит: “Это рука, с которой ты взлетела и стала свободной” и еще что-то в этом духе. Она мне давала все это читать. Но привязанность ее ко мне еще сохранялась, и тогда он стал через нее обращаться ко мне непосредственно с различного рода указаниями. Когда я, обратившись к традиции, адекватно отреагировал, т.е. ничего не стал выполнять, – пошли угрозы: “Вот, если ты не будешь... мы отнимем у тебя твой дар”. Надо сказать, что я не очень понимал, какой у меня дар. На что я ему ответил, через нее опять же: “Ну, раз вы давали, то забирайте, если это ваше”. После чего он предпринял массированную атаку на нее, и в результате она стала биороботом. По любому, самому пустяковому поводу она выходила на связь и получала указания. И мы расстались. Он своего добился. Ну, сами понимаете, ночная кукушка дневную всегда перекукует. Так что не всякая бестелесная сущность является членом традиции. Многие болтаются в интервале в связи с тем, что не отработали определенную проблематику и ищут своих возлюбленных, для того чтобы их руками, ногами, головами и языками делать то, чего они не сделали при своей жизни. Это я к тому, что мы сразу начинаем говорить: “а вот за интервалом”. Есть еще сам интервал, и там бодяга страшная. Как очень хорошо говорил Рам Дасс: “Там все так же хорошо, как у нас, только без тел”. А так, все так же – те же склоки, иерархия, борьба, ну, полный кавардак! И главное стремление там – это ухватить какого-нибудь механического человека, подчинить его своему влиянию и таким путем получить возможность действовать. Из таких встреч с сущностями и родилось знаменитое изречение: “Родиться в человеческом теле – большая удача”. Некоторые люди, попав в интервал, считают, что вот оно, Царство небесное, только потому, что там нет физического тела. Я уж не говорю про второй интервал – это пока не актуально для вас, то, что происходит там. Там, правда, нет склок, иерархии и борьбы за тела, но там свои проблемы.

Вернемся к нашей баранине. Каждый из вас оказался здесь в силу своего набора разных причин, мотиваций и объяснений. Но не слишком ли дорого вы заплатили за возможность неделю прокантироваться в этом городке. Все-таки, может быть, имеет смысл взять отсюда и унести что-нибудь кроме сувениров. И надоевших за неделю ребрышек и крылышек по утрам. Должен вам честно признаться, что это мое указание по поводу репертуара завтраков. Если вы все настаиваете, мы каждый день можем подавать другой завтрак. Но я так скромно рассуждал: “Ну, нужно людям хоть какое-нибудь напоминание!” Вот и подумал, что завтрак с утра и будет именно таким напоминанием о внутреннем конфликте: с одной стороны, я приехал как бы для встречи с Мастером, с другой стороны, каждый день одинаковый завтрак. Как же быть? Как решить эту сложную проблему выбора? Если вас эта проблема слишком беспокоит, – вы клиенты, а клиент всегда прав, то, пожалуйста, мы можем прямо сегодня дать указания кухне. Но вам даже в голову не пришло, что завтрак, его материальное содержимое, может служить духовному и психологическому развитию. Ну, извините за то, что мне это пришло в голову.

Вы приехали ко мне. Все, что здесь с вами происходит... Здесь нет ничего случайного. Ничего. И это не мания величия, я точно знаю, что даже машины, проезжающие мимо вас в тот или иной момент, и они не случайны. И птички, и погода, и все остальное. Здесь, в этом городке, находится центральное место всей жизни традиции на первом уровне. Это наша собственная маленькая Шамбала. Так решила традиция, а не я. Я только сейчас начинаю догадываться, почему именно здесь. Стал видеть потихонечку, как изображение проступает. Фотография. Медленно-медленно, а потом бух-бух и изображение. Я надеюсь, что скоро будет бух-бух. Именно поэтому я устаю, и это нормальная рабочая усталость. Когда-нибудь, может

быть, кто-нибудь из вас научится это делать. А как человек я мало интересен. Я достаточно трезво вижу этого человечка. Ну, художник, ну, вот что-то там на сцене делает и называет это Зикром. Ну, немножко разбирается в психологии и философии. А так не очень-то... не принципиальный, любвеобильный, нормальный, в общем, человек. Я его люблю, потому что без него не было бы меня. Какой ни есть – люблю, потому что из него вылупился.

“Папа коммунист, мама коммунист. Мама у меня такая комсомолка 40-х годов была, а папа вообще ветеран партии. Правда, тоже какой-то неправильный ветеран, неправильно себя вел. Бабушка. Да, с бабушкой мы много общались, бабушка у меня интересная. Она говорила: “Я попам не верю”. Поэтому молилась только дома. Иконы в избе висели. Что там у нее за история была с попами, не знаю. Но вот такая она была. В костелы в Вильнюсе я любил ходить. Это просто очень красиво было для меня. Орган, костел, музыка.

В армии я с Мессингом пересекался. Мы с ним пятнадцать минут поговорили после его выступления, в гримерке.

Мне было интересно все, что связано с человеком. Но как-то книжки эзотерические не приходили. Была масса другой литературы. Я читал художественную литературу. Надо было много прочесть. Мне повезло, мне по благу сделали подписку на “Библиотеку мировой литературы” – 200 томов. Я решил, что надо прочесть, чтобы иметь какой-то кругозор в этой области. Потом всякую другую художественную литературу, психологическую литературу, философскую литературу, об искусстве, об истории искусства. А из эзотерики единственное, что я прочел, – это Евангелие и Библию. До встречи с учителем. Евангелие, Библию и Мережковского “Не мир, но меч”. О жизни Иисуса. Вот и все”.

Вы прекрасные люди, когда не спите, замечательные. Отличные от других, которые вообще никогда не просыпаются. Но иногда вы очень переоцениваете себя на основании того факта, что иногда вы просыпаетесь. Это вдвойне некрасиво. И когда обычный человек это делает, не соприкасавшийся ни с чем, – ну, все люди – люди. Ну, не хватает человеку плюс-подкреплений, что делать. Но когда вы это делаете... Вот так я и понял, что знания – это ничто. Благодаря людям. Я смотрел. Человек узнал такое, за что раньше люди жизнь клали, выполняли совершенно невыполнимые усилия в течение многих-многих лет, чтоб только услышать это. Это было в прошлые темные времена. А сейчас... Человек такие сокровенные сокровища ногами топчет... Ты ему мешок алмазов, а он ими дорожку в саду на даче посыпает и говорит: “Крупноваты! Ходить неудобно”. Ты ему бриллиант чистой воды, а он его в угол куда-нибудь засунет и забудет. У него столько других ценностей. Забавно! Но не в смысле насмешки. Пришел я к этому, к улыбочности своей по поводу людей, потому что трагично это. Трагично, когда такое великое создание вынуждено проводить свою жизнь в суете сует. Это трагично. Но когда человек это уже знает, хотя бы на уровне информированности о том, что есть выход из данной ситуации, но продолжает в том же духе – это ужасно смешно. Смешон не человек, а то, как люди оценивают это знание. Это такой пустячок оказывается, просто пустячок. Предмет не первой необходимости. Знание, само по себе, ничего не может изменить в вашей жизни, ничего. Ну, разве что, вы можете словечками этими поиграть. Только усилие и боль – иногда страшная боль – могут изменить человека и привести его к любви, свету и истинному знанию, которое не слова и не логические конструкции. Боль не ради мазохизма, а боль, когда продираешься сквозь все это. И потому что начинаешь чувствовать то, что раньше тебя совсем не касалось. Это вам не слезы умиления по поводу погибшей кошечки. Вокруг люди гибнут, в корчах, в невыносимой боли и страдании. И уж извините меня, может, я не прав, но мне как-то это важнее, чем кошечки и собачки. Я их убивать не буду, но уж если они погибли, то погибли. Успеть бы людям помочь. Хотя бы одному человеку помочь не погибнуть. Знаете, есть жесткий закон традиции: “Нельзя помогать человеку, если он тебя об этом не просит, за исключением случаев прямой угрозы его жизни”. Ибо жизнь в любой форме – священна. Но поскольку я –

человек разумный, я понимаю, что я не могу спасти всех, это может привести только к абстрактному гуманизму. Я выбираю людей. Если рядом гибнут кошка и человек, то я буду спасать человека, а не кошку. Я слышу голос своего третьего отца, и я очень хочу к нему, я готов попробовать выдержать все обстоятельства этого третьего рождения. Я его слышу, и я ему верю. И даже если мне придется для этого покинуть вас всех, как бы это ни было больно, я это сделаю. Вот последняя, самая моя глубокая, искренность. Я очень доволен – вы приехали... А это залог того, что мы достроим ашрам. Это как минимум – уже благое дело сделали.

“Приди на помощь моему неверью!”

Ф.Тютчев. “Наш век”

Я замечаю, что наши люди часто не эффективны в социуме по той простой причине, что “знают”, от чего зависит социальная эффективность: от социального статуса, социальной важности, официального признания либо от умения обхитрить, обыграть. Но поскольку человек, ставший на духовный путь, по определению асоциален, то в этом отношении он оказывается как бы между двух стульев. Он как бы не очень чтобы со статусом, даже если этот статус есть, и он не очень чтобы хитер, даже если такие наклонности, дарования имеются. Возникает внутреннее чувство, что он непохож, отграничен от всех других людей Законом, который он сам для себя принял. Содержание ритуальной процедуры традиции – “встать под закон” – заключается в том, что человек внутренне принял Закон и поставил его над собой, чтобы в соответствии с этим жить и действовать. На уровне самоуважения это – плюс-подкрепление: я принял духовный закон, я его исполняю, для меня это смысл и свет. На уровне же личности, в ее глубинах, этот поступок порождает чувство социальной вины, социальной измены. Подсознательное чувство вины рождает подсознательную же агрессию, которая выражается в пренебрежительном отношении к социуму. Такая психологическая защита. “Социум приходит и уходит, а духовность остается!” Оно так и есть с точки зрения исторической, но с точки зрения конкретной жизни все это здесь и сейчас. Как от этого избавиться? Избавиться от этого можно только с помощью Веры.

Вера, согласно нашим представлениям, это осознанная преданность. Вера, которая не есть осознанная преданность, а просто преданность, чревата дилетантизмом. Человек как бы и верует, искренне, азартно, но самовыражение не может заменить отсутствия квалификации. Такая вера суетна и при любом поражении чревата сомнением и гибелью энтузиазма. Осознанная вера – это вера человека, который знает, что вера – это еще и сила. Такой человек понимает, что, в принципе, вся проблема в способности веровать.

Наши люди часто ведут себя в социуме по принципу: “Извините, мы вот, некоторым образом, у нас вот традиция, мы понимаем, что она не совсем полноценная, вот, какая-то такая не совсем такая, ну, в общем, ну все-таки духовная. И лидер у нас такой, вот, понимаете. Он говорит, правда, что ей пять тысяч семьсот пятьдесят семь лет, и мы в общем-то ему верим, так что подайте традиции ради”.

Естественно, какая ж тут эффективность. Когда человек постоянно забывает, что он часть традиции, а следовательно, традиция часть его самого, он лишается очень многих возможностей. А это, в свою очередь, порождает комплексы. Получается: котлеты отдельно, мухи отдельно; духовность отдельно, а моя социальная жизнь отдельно. И то, что применимо в духовной жизни, не применимо якобы в социуме. Основываясь на своем личном, довольно богатом опыте, говорю, что это все совершенно не так. Мы существуем и развиваемся только потому, что у нас всегда есть возможность действовать эффективно, опираясь именно на школьные знания. Если вы помните, на технологическом языке основная методологическая

цель, которая ставится на Пути, – это резонансное взаимодействие между субъективной и объективной реальностями со всеми вытекающими отсюда последствиями. Последствий из этого вытекает очень много, и в большинстве своем они несколько непривычны, и потому эта информация, в соответствии с законами психологии, в первую очередь и забывается.

Если действительно нужно, нужно по принципу – для себя, для людей, для храма – т.е. для нашей работы, любой из нас может получить любую информацию, которую нужно иметь в данный момент для данной ситуации. Одно из происшествий, которое встречается на школьном пути, – это момент, когда вы становитесь человеком, который знает все, что нужно знать для данного момента времени, и имеет все, что нужно иметь для данного момента времени. Как только вы избавляетесь от синдрома гарантированного будущего, вы это качество и обретаете. Вы превращаетесь из человека, которому все время чего-то не хватает, в человека, у которого все уже есть. Все, что нужно в данный момент времени для данного момента времени.

Это как бы азы, но это должно случиться. А чтобы практически это случилось, надо поверить в то, что это возможно. Поверить и проверить. У кого вот сейчас, вот в данный момент времени чего-то не хватает для данного момента времени? У кого? У всех все есть. И если взять каждый конкретный момент жизни, – все, что необходимо, есть. Выключается синдром гарантированного будущего – сразу все есть, включается – почти ничего нет. Естественно, психология человека, у которого почти ничего нет, очень сильно отличается от психологии человека, у которого все есть.

Как возникает невозможность верить? Страх верить? Помните бабушку из притчи, которая форточку открыла, глаза закрыла и говорит: “Иди, иди, иди”. Потом открыла: “Ах! Я ж так и знала, что ничего не получится”. Откуда это происходит?

Это происходит из двух вещей, живущих в нашем сознании. Вещь первая называется “как должно быть”. Она из той же серии, из которой “у меня все время чего-то нет”. Почему у меня все время чего-то нет? Потому что я знаю, что мне нужно для будущего. А откуда я это знаю? Потому что так “должно быть”, должны быть запасы для будущего. Из идеи, что существует некоторое “как должно быть”, рождается постоянное переживание недостатка, несоответствия, напряжение, забота, тревога, “думание”. Все специалисты по тому – “как оно должно быть”. И, естественно, мы все воспринимаем, видим, думаем, чувствуем, оцениваем с этой точки зрения. А так ли оно должно быть? Как правило, все не так, поэтому все ужасно, люди отвратительны, государство пакостное. И поэтому надо уходить, уходить, уходить! В горы, внутрь себя, на другие уровни реальности, в астрало-ментало-виталы. Ведь все не так, как должно быть. Мир не совсем такой, какой он должен быть. И вообще все не совсем такое, потому что я-то знаю, какое должно быть. Естественно, у меня есть причина для глубокого пессимизма. С одной стороны, у меня все время чего-то нет. С другой стороны, все не так, как должно быть. Уже можно стреляться. Какая тут духовность? О чем речь? Мир не так устроен, как должно! Это долженствование, идеи идеала очень губительны для человека, который хочет жить в духовности. В духовности, как известно, никто никому ничего не должен. Но даже христиане не помнят об этом. Они все время забывают. Все время говорят о том, что они должны, должны, должны... И сами подрывают авторитет своего лидера, который сказал, что не должны, потому что за всех за нас он уже рассчитался. Нет, мы должны. Мы хотим заплатить в МММ!

Спрашивается, а как должно быть?

Если вы спокойно посмотрите на свое представление о том, как оно должно быть, вы поймете, как вами манипулируют. Если вы откажетесь от “так должно быть”, то сможете воспринимать, видеть, чувствовать, думать, переживать как оно есть. Разрешите это себе. И окажется, что мир прекрасен, люди замечательные, жизнь удивительная, государство не хуже и не лучше прочих. И, вообще, все хорошо в целом. Неприятности преходящи.

Мы не раз говорили, что в процессе формирования человек создается в соответствии с конфигурацией социального давления. Так он создается, так существует и так поддерживается. Социальное давление развивает в нем его Я-концепцию и в первую очередь такую ее часть, как “Я как Мы”. Это очень важно. Человек, не обученный саморефлексии, не использующий получаемые знания прежде всего для изучения самого себя, делает большую ошибку, потому

что изучает других. А это совершенно немыслимое занятие, ведь других очень много, а вот ты один, и можно что-то успеть все-таки изучить. Так вот, если вы будете изучать самих себя, вы выясните, что “Я как Мы” делает вас существами, относительно приемлемыми в социуме. Становясь духовным искателем, человек начинает следовать чему-то, лежащему за пределами Мы, и, естественно, становится асоциальным, потому что с этого момента давление, формирующее человека, идет не из социума и придает ему некоторые черты, которые позволяют опознавать его как чужого для данного социального окружения. Естественно, он начинает раздражать окружение и оно начинает раздражать его. Наступает эпоха бесконечного конфликта. Тем более что люди умудряются и это знание использовать под “как оно должно быть”, ведь с точки зрения вновь приобретенного знания – вообще все не так. Одно безобразие. Если новое знание использовать не как знание, а как идеологию, то вы опять попадаетесь в ловушку “как оно должно быть”.

Что в этом случае происходит? Следуя давлению другой, не социальной, структуры, вы вываливаетесь из рядов вашего привычного Мы, и это очень неприятно, так неприятно, что порождает сильнейшее желание – сбежать. Сбежать и перенести все, что называется верой, осознанной преданностью, куда-нибудь далеко, в запредельное, тридевятое царство, семидесятое государство. Пусть будет везде, только не здесь. Пусть будет там хорошо, где нас нет. Я всегда говорил, что такие поговорки надо выполнять с точностью до наоборот, и тогда они превращаются в указатели на духовном пути. Было: там хорошо, где нас нет. Переворачиваем, говорим: там хорошо, где мы есть. И это уже ориентир на духовном пути. Таких поговорок много. Тот факт, что их надо переворачивать, и показывает, что, становясь на духовный путь, вы становитесь “перевертышем”. И все начинаете “понимать” с точностью до наоборот.

Дело в том, что духовный путь в его первой части – это путь к себе. Это путь из Мы к Я. Путь обратный направлению социализации.

Почему в моих словах появляется пафос, когда я говорю об этом? Мне стало трудно слышать от школьных людей, что духовный путь – это какая-то сказка в духе Кастанеды. Раньше я мужественно держался. А сейчас уже как-то хочется отдохнуть от всего этого. Потому что сколько раз можно повторять одно и то же? Нет никакого другого реального содержания у духовного пути, кроме как – путь к себе. Пока человек не встретился с самим собой, больше ему нечего делать. Если для этого нужно ходить в астрал – ходите. Если для этого нужно, наоборот, никуда не ходить, никуда не ходите. Но дойдите до себя! А потом все остальное.

Приходит человек и начинает мне “пудрить мозги”: “Игорь Николаевич, понимаете...” А его нет! С кем я должен разговаривать? Я должен опять играть со школьным человеком в “социальную игру”, я делаю вид, что ты есть, ты делаешь вид, что я есть... Так хорошо. Взаимное поглаживание. Он еще сам про себя ничего не знает, а уже грезит об устройстве и переустройстве мироздания. Так чем же он отличается от недуховных и неискателей? Тем, что у него на одну иллюзию больше?

Конечно, трудно заниматься собой, я понимаю. Но больше нечем заниматься, нечем. Можно прятаться во что угодно. Можно прятаться в бурную деятельность, можно прятаться в чтение заумных текстов, можно прятаться в якобы медитацию. Пряталок полно. Но если за всем этим нет желания найти себя, то тогда все это никакого отношения к духовному развитию не имеет. Во всех религиях мира сказано: храм божий внутри тебя. Птичка-рыбка, познакомься с самим собой. Кто ты такой, созданный по образу и подобию? Вылезь из матки Мы. Напрягись немножко и преодолей это давление. Конечно, это трудно. Конечно, это может кого-то обидеть, особенно из ближайшего окружения. Но это необходимо. Иначе – иллюзия пути, иллюзия веры, иллюзия освобождения.

Мы создали огромный мир, социально-психологический мир школьных людей. Их много, они плодятся, как грибы после дождя. Саморазвивающаяся система. Система создана, живет, развивается, и от этого уже никуда не денешься. Но это, естественно, убежище.

Приходят ко мне “наши люди” и начинают говорить: “Вот, Игорь Николаевич, не получается с фирмой, не получается с предприятием, никак не можем денег заработать”, – то,

се, третье, десятое. Ну, я иду и подсматриваю, как они общаются с социумом. “Вы извините, мы, конечно, неполноценные, потому что духовные искатели, но мы хотели бы еще и денежек заработать. Мы понимаем, что это нехорошо, недуховно. Но есть хочется”. Лучше бы просто говорили: “Подайте Христа ради, пропадаю совсем на целине духовной”.

“Аркадий, через него мне был явлен учитель, мне однажды сказал – я думал, он так, ляпнул: “Вот когда...” – таким профессорским голосом... он уже тогда имел склонность к профессорским образам – “... когда ты будешь проходить мимо пьяного, валяющегося в собственной блевотине, и услышишь через него сказанные тебе слова – считай, что ты чему-то научился”. Образ из уст интеллигентного европейского профессора – правда, тогда он еще не был профессором, его еще гоняла ГБ. И я так запомнил, ну, учитель, да, образ. И вдруг годика через три с половиной я осознаю себя в потрясающей ситуации – я иду мимо пьяного, валяющегося в собственной блевотине, и он не своим голосом сообщает мне совершенно потрясающую вещь. Я не побежал спрашивать у Аркадия, как он получил это предвидение. Он и сам не знает как. Да и не надо знать как. Он сказал. Я услышал. Оно случилось. Все. Ну, три года – это же не так много. А мимо скольких людей мы проходим... как от мух. “Я по духовность. Кыш, люди, кыш. Не мешайте мне, я иду... я на пути. Кыш. Кыш. Кыш”. Так что... А знание-то, ведь оно так и существует – в форме людей, ибо каждый человек именно поэтому и есть проводник бесконечного океана знания и силы, лежащего позади него.

На сем позвольте откланяться, искренне Ваш, Игорь. До свидания”.

За вами огромный океан – бесконечный источник знания и силы, субъективная реальность резонирует с объективной, – а вы себя как ведете? И когда мне надоело видеть в течение множества лет одно и то же, я задумался над тем, в чем же все-таки дело. И увидел. Просто нет веры. Люди пользуются всем этим как убежищем, но не верят. Все, что подвергает сомнению их привычное отношение к миру, к людям, к обычной системе действий, к обычной системе оценок, все это запрещено. Там, внутри. “Школа? – да, это, да. Но я ж в министерство пришел, какая там Школа?! Там Школы нет”.

Но если хотя бы в одном месте веры нет, значит, ее нет нигде. Если я верю, то я верю везде. Потому что тогда есть Я, который верит. Невозможно в одном месте верить, а в другом нет. В таком случае можно говорить о вере, когда это удобно кому-то из нас, кому-то из этого коллектива, который мы считаем собой.

Помните, как именовали себя русские цари: “Мы, Божьей милостью, император Великия, Белья и Малыя Руси, царь Польский, князь Казанский и т.д”. Вот вам пример честного признания отсутствия себя как единого. Есть Мы. Так и каждый из нас должен признать: “Мы, Божьей милостью, муж, любовник, слесарь, пешеход, гражданин, и так далее, и так далее. Поверьте!

– Верим”.

Встречается и другой подход. Он кажется совсем иным, но в действительности рожден тем же отсутствием веры. Человек услышал, что школьное знание помогает и способствует решению задач, и следует варианту номер два. “Мне все быстро, пожалуйста, быстро самолет, теплоход, быстро доход. В чем дело? Я представитель Школы”. Что то же самое, обратная сторона медали: “Извините, я некоторым образом...” Вторая идея, порождающая невозможность и страх верить, состоит в том, что существует якобы некоторое “на самом деле”. “А вот на самом деле все это не так. А на самом деле...” И опять оказывается, что мы сверхсущества. Мало того, что мы знаем априори, “как оно должно быть”. Мы еще точно знаем, “как оно есть на самом деле”. Мания величия потрясает человека. Но за счет нее, наверно, он всех и победил. Теперь кричим про экологию. При чем тут экология, если существо знает, как должно быть и как есть на самом деле? Что ему еще надо знать, я не понимаю? Он же просто всеведущ! Но есть ли такая вещь, как “на самом деле”?

Нет такой вещи. С точки зрения науки физики, вещи – электронные облачка. И пустоты тут во сколько раз больше, чем вещества? Ну приблизительно 80% пустоты. На самом деле. Рука в камень никак не входит, а говорят: 80% пустоты. Как же оно на самом деле? Самый великий физик всех времен и народов сказал: все относительно.

Для верующего человека и Мир и он сам пластичны, принципиально пластичны, то есть принципиально не жесткие, не фиксированные. Идея пластичности заложена в самом понятии духовности, духовной жизни, духовного развития.

Вот сидит электронное облачко на электронном облачке. Сотрясает другие электронные облачка. Это с точки зрения физики. А с точки зрения психологии? А с точки зрения того, сего, третьего, четвертого, пятого?

Как в это поверить? Как отказаться от огромного богатства, которое неизвестно откуда на меня свалилось, что я все знаю уже? Я знаю, как должно быть. Я знаю, как оно на самом деле. Я знаю, что мне нужно будет. Я точно знаю, что у меня сегодня нет того, что должно быть. Все знаю.

И когда вы посмотрите с этой точки зрения, то поймете, о чем говорили умные люди типа Сократа, когда утверждали: я знаю, что ничего не знаю. И очень этому радовались. Никола из Кузы говорил про ученое незнание. Ученое потому, что до этого нужно додуматься, потому, что нужно отказаться от априорного знания, от социального наследства, которое вбито в голову без всякого моего согласия или несогласия, как механизм социальной адаптации, социального контроля и управления. Как однажды, наконец, признался Кашпировский: “Это не я лечу, это телевизор великий лечит”. Как телевизор может не вылечить хотя бы половину смотрящих на Кашпировского? Это же святой ящик!

Науке о человеке присущ взгляд на человека как на некую данность. И это вполне оправданный научный подход. А духовность говорит: нет, в человеке полно всякого дерьма, которое свою роль уже сыграло – когда-то служило пищей, но уже переварилось. И надо как бы клизмочку; и вот в качестве клизмочки выступает духовное учение. Есть многое, от чего надо освободиться.

Тогда у вас появится место для того, чтобы верить. И тогда вы будете способны совершать определенное количество хотя бы микрочудес, которые для вас даже не будут чудесами. Это будет нормой. Но для постороннего наблюдателя это будут чудеса. Вот почему объективация – такое великое дело. Нужно ловить такие моменты в себе. Моменты, когда в вас все свободно от “должен”, от “не хватает”, от “на самом деле”. И в эти моменты совершать поступки по вере. И по вере вашей вам и воздастся. Это формула. Это не благое пожелание, не абстрактная метафора. Это абсолютно точная формула. По вере и воздается.

В тех системах верований, где есть как бы верховные Отец или Мать, там не так страшно. Почему? Потому что это не самостоятельное действие – это просто выполнение некоего указания. Он или оно, Высшее, говорит: делай так. И делают. Если что не так, то виноватых как бы и нет. Личной подписи делающего под этим нет. В такой ситуации нет вопроса веры, есть вопрос послушания. Авторитетные люди сказали, что есть такое верховное существо, называется, скажем, Рык-Пык, чтоб никого не обидеть. С детства внушали, со всех сторон социальное давление организовали правильно, достигло оно меня, и я верю, что есть верховное существо Рык-Пык. И я вступил в эти ряды рык-пыковцев и прекрасно живу, потому что Рык-Пык говорит, а я выполняю. Как в армии. “Есть!” И все. Как только я сказал: “Есть, товарищ командир”, – все, я уже ни за что не отвечаю. Я выполняю.

Вера – вопрос интимной ответственности. Вера есть духовное достижение и постижение одновременно. Верую и поэтому за все, что делаю, несу личную, персональную ответственность. Верую – значит, могу сказать: “Я это сделал. Я это сказал”.

Тогда появляется сила, о которой так хорошо написано во всех книжках. Но отвечаете за эту силу вы лично. И тогда становится понятно, что, может быть, она пока и не нужна, и пока я ею пользоваться не буду, потому что я еще не готов отвечать за использование астральных энергий в боях с чиновниками. Лично, персонально. Вот если мне кто-нибудь скажет, то по указанию я готов, за своей подписью – пока – нет.

Мы, конечно, можем гордиться. Мы духовная традиция, которая сама себя кормит.

Но мне бы хотелось, чтобы во всех этих социальных, магических действиях, которые мы замечательно производим, мы не забыли бы о том, что истинная работа делается по трем направлениям: для себя, для людей, для храма.

Так вот по линии для себя у нас самое большое несчастье. Вы все патриоты Школы, вы готовы отдать за нее последние четыре рубля. Четыре миллиона карбованцев. Но вы совершенно не готовы поставить свою подпись. Не в смысле мании величия, а в смысле ответственности за содеянное. Ибо если есть Я, то есть Мир, который я порожаю и, значит, за него отвечаю.

И тогда уже совершенно не важно, как оно должно быть, потому что оно так, как я это сделал. И не хорошо это, и не плохо. А что там про это люди говорят – это опять же их право. Что я сам по этому поводу думаю – это мои проблемы. Но оно только так, как я сам сделал. И никак по-другому.

Вот почему некоторым становится страшно, а некоторым скучно. Что же это за духовная традиция, никаких тебе приключений, романтики, астральных сущностей? Проза жизни, зарабатывание денег. Так ведь много и давно рассказывали, что традиций много. Если эта не подходит, не стоит мучиться, ищите другую. Эта традиция живет на базаре. Эта традиция, еще раз повторяю, своей технологической целью имеет резонанс между субъективной и объективной реальностью, то есть полное отрицание какого-нибудь “как должно быть”.

Если любовь – это снятие дистанции, то откуда возьмется указание любимому человеку, какой он должен быть, когда вы в резонансе. Он именно такой, какой должен быть. И ты для него тоже именно такой, какой должен быть. Резонанс уничтожает проблему, кто каким должен быть. Но как только свет выключается – наступает тьма. И во тьме каждый со своим буфетом, полным книг, начинает другому доказывать, каким он должен быть, и объяснять все с помощью самых новейших знаний.

Любить страшно, потому что это уничтожает дистанцию, то есть делает любящего абсолютно уязвимым по отношению к любимому, будь то отдельный человек или весь мир. Верить еще страшнее. Когда веришь, то обнаруживаешь, что ничего, что кажется привычным и постоянным, нет. Обнаруживаешь, что и ты сам, и все остальное каждое мгновение создается и исчезает. Если в любви исчезает “как оно должно быть”, то в вере исчезает “как оно есть”. Вера приводит человека в такое качество, когда он остается даже без “как оно есть на самом деле”. Выясняется, что никакого “на самом деле” нет.

Если никакого “как должно быть” нет, то тогда нет врагов, которые появляются, когда я знаю, “как должно быть”, как надо поступать, а они хотят и знают по-другому.

А если никакого “на самом деле” нет, на самом деле, то тогда исчезает последний способ возвыситься над другими. А как же медали? А выслуга лет? А погоны квалификации? А звания и названия? А посвящение и просветление? За труды, жертвы всем ради продвижения по духовному пути – и ничего?! Да. Вот именно, что НИЧЕГО. Вот ради этого и трудимся, как выясняется.

Дело в том, что счастливым человеком управлять, манипулировать невозможно. Все манипуляторы прежде всего пугают человека, еще больше углубляют его чувство несчастья. “Ты думаешь, у тебя только этого нет. У тебя еще и вот этого нет. Ты думаешь, что только так должно быть. Еще и вот так должно быть”. Таким человеком можно управлять и манипулировать как угодно. Чем больше человек чувствует себя неудовлетворенным, чем больше он гордится своим пессимизмом, тем легче им управлять. Счастливым человеком манипулировать невозможно.

Что же такое манипуляция? Плюс-подкрепление здесь, плюс-подкрепление там, и все происходит. Как можно манипулировать человеком, у которого все есть? Мало того, что у него все есть, он абсолютно не знает, как оно на самом деле. Ему говорят:

- Вот так.
- Хорошо, пусть будет вот так.
- Ты беспринципный.

- Ну хорошо, я беспринципный. А как оно должно быть?
- Не знаю.
- Как, у тебя нет идеалов?
- Нет. (Смех.) У меня сплошная корысть. Хочу дойти до конца духовного пути.
- А что там будет?
- А там будет Ничего. И это самое замечательное – Ничего.
- Чего ничего?
- Да ничего, ничего.
- Как?
- Да ничего.
- Как оно ничего?

Внутри этой “великой пустоты” зреет кристалл веры, самосознания, – то хорошее, что может вызреть, – там свет. Чем человек прозрачнее для этого света, тем яснее видит. Тогда сознанию не требуется никаких идеологических установок. Просто видишь. И не важно – это на самом деле или нет. Я вижу. Вот человек. Вот я. Вот мы. Вижу. Пришел в министерство. О! Какие все важные! А вот в этом месте никакого контроля нет. Я туда и иду. Я же не знаю, как оно должно быть, как на самом деле входят к министру. Вхожу. Министр тоже не знает, как быть в таких случаях. Я говорю: “Что ты расстраиваешься? Вот ты мне подпиши тут, и я исчезну опять”. Он говорит: “Какие тревоги? Пожалуйста”. “Как же вы ему подписали?” – “Он какой-то дурной, понимаете? Не знает просто ничего. Случайно все это”.

Или вышли на третий уровень реальности. “Если можно, если мы не ошибаемся, что нам нужно, – скажите, пожалуйста, какой будет курс доллара? Вы не ошибаетесь. Вам нужно. Вот вам курс доллара, будьте любезны”.

- Как ты туда попал?
- А я знаю?

Нужно отказаться от дурного предубеждения, что все, что во мне есть, – это нужные вещи. Это не кишки, не легкие, не печень. Понимаете? Это мысли. Мыслительные установки. Штампы. Это все нужно до тех пор, пока вы по каким-то неизвестным причинам вдруг заинтересовались духовностью. И первое, что вам сообщает духовность: боже, сколько в тебе дерьма! Вы сразу: “А! Как это так! Нет чтоб мне медаль на грудь, что я в духовность пришел, цветы, оркестры. А мне говорят: у тебя дерьма...”

Трудно верить потому же, почему и трудно любить: трудно отказаться от желания мериться силами, соревноваться: кто лучше, кто точнее все знает, кто ведет, кто ведомый, кто любит меньше всего, кто больше. Я думаю, нам удастся сегодня сформулировать две глубокие истины.

Хочешь любить – откажись от того, что ты знаешь, как оно должно быть.

Хочешь верить – откажись от того, что есть некоторое “на самом деле”.

Без этого встретиться с самим собою невозможно. Потому что вы все время будете встречаться с некоторым отражением себя. В одном из многочисленных зеркал, которые нас окружают. Но это не зеркала, а проекторы. И там не мы отражаемся, а “как оно должно быть” и “как оно есть на самом деле”. И мы смотрим и пытаемся соответствовать. Вот я какой должен быть! Я же думаю, что это зеркало, что это я, отражение мое.

Так вот, сообщаю вам, что это не большая “сатанинская черная магия”. Это просто фабрика по производству людей. Именно так делают людей. Показывают им на экранах их самих, какими они должны быть, и говорят, что это не экран, это зеркало.

Нужно очень спокойно отнестись к тому факту, что с точки зрения духовности в нас очень много лишнего. В нашем сознании очень много лишнего, больного, ненужного, и это нужно просто выкинуть. Процесс очищения необходим. Он сделает вас сильными, легкими, веселыми, счастливыми. Потому что вы знаете, во имя чего вы это делаете и что в это место приходит новое.

Традиция, которая с вами и которая вас готова снабжать бесконечным океаном знаний и силы. Она-то готова, а вы не готовы никак принять. Пустой комнаты нет для этого. Некуда

гостя впустить. Сидеть между стульями не получится. Чтоб это все осталось, и духовность еще приобрести! На всякий случай у меня две системы. Одна – я как бы верю. Другая – я как бы не верю. И то и другое – как бы. Наша традиция так трудно воспринимается со стороны, кажется какой-то не духовной даже. Потому что она говорит, что это эффективно, это выгодно – верить. В том случае, конечно, если вы действительно избрали для себя как жизнь эту духовную традицию. Это эффективно. Это более адекватно, чем не верить.

Чудеса происходят каждый день в некоторых количествах. Просто этого почти никто не замечает внутри нашего социально-психологического мира. Но вот появляется человек со стороны: “Ой! А как вы это делаете?” – “Что делаете? Да мы ничего, мы просто живем”. – “Не, ну как это? Как это?” – “Никак”.

Что-то надо переварить в себе, переварить с помощью этого сока духовности. Растворить, переварить и избавиться. От навязчивых идей, которые внедрены в нас всеми механизмами социального создания и производства.

Когда мы уже не хотим быть просто изделием, а когда мы хотим в себе что-то такое разбудить духовное, то мы должны заняться этой конструкцией и выбросить оттуда то, что нам уже не нужно. “И сжег он то, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжег”. Не для того, чтобы ходить и кричать: “Это все ерунда”. Это не ерунда. Но с точки зрения духовного пути это просто уже отработано.

Если вы начнете приглядываться к себе, к своим мыслям и иногда засекайте: а вот это у меня “на самом деле”, а вот это “как должно быть”, а вот это опять у меня чего-то не хватает, – вы потихонечку, потихонечку сможете понять, что без этого гораздо интересней, потому что без этого есть Вера и есть Знание. Потому что есть закон: для себя, для людей, для Храма.

И тогда вы поймете, что богатства и изобилия – боже, какое слово – изобилия! – служащих пищей и удобрением (а удобрение знаем из чего, да?) для духовного роста не следует избегать.

“Книги большую часть моей жизни занимали. Я действительно много читал и любил это. Я и сейчас люблю почитать иногда, мне сам процесс этот нравится. Такое чувственное удовольствие получаю, когда читаю книгу. А так и вспомнить-то нечего, так, люди, люди, люди, люди, люди, люди. Очень много и очень разных людей.

Что касается Традиции, то когда я ее встретил, уже мне было много лет. В 68-м году. Это мне было... 68 минус 45... Двадцать три.

Двадцать три – это очень много. Я никогда не считал, что это мало. Я пошел работать, мне еще не было шестнадцати лет, и с той поры я, собственно говоря, был кормильцем у семьи, отвечал за маму, за брата.

Мне вообще странно, когда про человека в возрасте 25 лет говорят: но он же молодой еще.

В 23 у меня уже за плечами армия была, экспедиции... театр... спорт... всякое прочее.

Лермонтов написал “Маскарад” в 16 лет. Первую редакцию “Маскарада”. Драматическую ревности. Грибоедов – “Горе от ума”, сколько ему было? Тоже что-то в этом духе.

Я очень рано определился с точки зрения общепринятых норм. Я в четырнадцать лет точно знал, что я хочу знать, и точно знал, чем я хочу заниматься. Поэтому все, что я делал, что бы это ни было, это было связано с тем, что я готовил себя к работе в театре. К познанию человеческой психологии, человеческой жизни. У меня было такое очень целевое бытие, наверное, можно так сказать.

Я четко знал, чего я хочу.

Я хотел понять... Я хотел понять, почему так.

Почему люди, потрясающие совершенно создания, живут такой несовершенной жизнью. Она мне казалась ужасно оскорбительной для людей.

Может быть, мне в этом советская власть помогла. Мы жили сложно, странно. Я бы не сказал, что я из бедной семьи, в то же время мы жили как-то все время трудно, а вокруг люди жили еще труднее.

Мои приятели, пацаны, двое, вообще в подвалах жили, их семьи. А у одного в доме стена была из картона, хоть и очень толстого, и во время дождя нельзя было дотрагиваться, потому что во время дождя она так отсыревала, что можно было пальцем проткнуть. Вот так, три стены кирпичные, одна из картона. На улицу. Единственное, чего не было, это голода. Я еще помню стрельбу по ночам на улицах, когда последние банды отлавливали. Уличные драки. Ну, все это так, картинки, а по существу дела мне было ужасно интересно все это. Очень интересно. Мне было интересно везде, и на заводе, куда я пошел мальчишкой работать, и в школе мне было интересно. Я учился легко, у меня хорошая память была. Мне были интересны люди: преподаватели, мои одноклассники, они все были такие разные, у нас в школе социально пестрая была ситуация. Я спортом занимался, интересно было со спортсменами, тем более что я был в сборной Литвы, единственный русский, и благодаря этому я выучил язык, и благодаря этому я открыл для себя совсем другой тогда для меня, совершенно новый, как бы национальный колорит, менталитет, способ жизни, оценки и т.д.

У меня очень много было знакомых хороших и друзей среди евреев. Это тоже особый мир. Потом они все поужезали.

Много разных и по-разному интересных людей. И я помню, что вот, скажем, на танцы я не любил ходить, я не понимал зачем, но когда я шел с кем-нибудь за компанию, я где-нибудь пристраивался и наблюдал, как люди знакомятся, как развиваются эти знакомства на протяжении вечера. Выбирал, за кем-нибудь наблюдал. Очень интересно поведение людей в такого рода ситуациях, мне все было странно: как это, пойти в толпу и там веселиться? Что это такое? Я понимал, когда мы классом собирались. Ну, когда знакомые. А вот когда так, человек просто идет на танцы... Мне было очень странно.

А я был странный для других, как бы не тем занимался. Я учился в школе, работал на заводе, тренировался и выступал как спортсмен, за сборную Литвы, и играл как актер в народном театре. Вот это все надо было успеть. И мне все еще казалось мало, я еще марки собирал, потом фотографией увлекся, потом еще что-то. И читал, читал, читал, читал. Читал по ночам, в основном. Все вперемешку: Кант, Вахтангов, Фолкнер...

– А при чем здесь подготовка к театру?

– Театр к этому имеет прямое отношение. Театр – это была такая форма жизни в те времена, в которой можно было перепробовать все. Все, что я читал, узнавал по психологии, социологии. Это все можно было в театре проиграть, попробовать, увидеть, потому что театр – это вот психологическая лаборатория. Психология – это нечто среднее между наукой и искусством, а театр – это нечто среднее между искусством и жизнью. Для меня всегда театр был, прежде всего, исследовательской лабораторией. Поэтому мне часто коллеги говорили: “Игорь, ты когда-нибудь можешь вместо лекции спектакль поставить?” Меня дразнили тем, что мой спектакль – это лекция. И это была единственная форма, в которой можно было, не привлекая внимания властей, всем этим заниматься. Потом, я изначально хотел быть режиссером, с самого начала. Но я считал, что для того, чтобы стать режиссером, нужно пройти это, это, это, это узнать. Я себе список составил, что должен знать режиссер, и до сих пор список не исчерпан.

Такой был романтический юноша”.

Веруй. Радуйся. Возлюби...

Тут до меня дошел слухок, что многие заинтересованы в освещении новой формулы ученичества:

Веруй. Радуйся. Возлюби.

Предыдущую, конечно, все знают и выполняют:

Слушать. Думать. Делать.

Правда, некоторые посередине застряли... Думали, думали, так до сих пор ничего и не придумали.

Расширенно формула нового этапа звучит так: Радуйся – оттого, что Веруешь, Возлюби то, во что Веруешь. Самое сложное, конечно, Верую. По моим понятиям, веровать – это не действие, это состояние, тотальное переживание. Когда-то я рассказывал, если человек переживает что-то тотальное, или как бы, попросту говоря, вздрогнул весь и на этот выброс энергии, на этот “вздрог” положилось четкое желание, то оно обязательно сбывается. Просто сто процентов гарантии. Веровать – это тоже вздрог всего существа. Бывают люди, которые веруют, но не рады этому. Вера, обрушившись на них совершенно внезапно, является для них тяжелой ношей, которая мешает жить “по-простому”. Как у нас любят говорить: “Хочу жить по-простому”, то есть механически, когда все случается и не надо напрягаться. Такие люди веруют, но они не могут этому возрадоваться и поэтому помещают свою веру в иные миры, и, конечно, здесь все не так, как там. Там, да, там все в соответствии с верой, а здесь все не так, как надо. Знаете, как у Высоцкого: “Нет, ребята, все не так, все не так, как надо”. И это служит им оправданием, что живут они не по вере своей. А если люди не живут по своей вере, то, естественно, живут по чужой. Но сами они, как правило, этого не замечают. Стараются не замечать. Вообще, о вере говорить – это чревато. Но все равно, надо говорить. Вера – это прежде всего преображение. В этом ее смысл. Преображение – процесс сложный, требующий от человека огромного напряжения, вынимающий и выворачивающий на свет божий все, что в нем есть. Как сказал доктор Щеглов: “Мы прекрасные и ужасные”. Очень красиво сказал. И вот это все выворачивается и под беспощадным светом начинает преображаться. И это не морковка. Преображение – это предельное напряжение всех сил человеческих, предельное. Вот вы спрашиваете часто: “Как это? как это?”... Пока преображение не началось, пока вы не уверовали, не поставили эту веру над собой, не убрали ее из зоны своих манипуляций, что толку гадать “как”? Как случится, так и будет. Если вас тянет в доменную печь, то либо бегите в противоположную сторону, и без оглядки желательно, чтобы в соляной столб не превратиться, как жена Лота; либо горите в этом огне, и плавьтесь, и радуйтесь, и восторгайтесь преображению. И когда уже совсем будет предел и преображения, и восторга, и радости хотя бы оттого, что посмел, вошел в это, прыгнул, победил сторожевые пункты здравого смысла, полюбите этот мир, в котором это возможно. И ваш путь закончится, и пойдет грибной дождь, и будет светить солнце. И, если захотите, сможете вернуться к людям, от которых так долго и мучительно отрывались. Это будет прекрасная жизнь.

Преображение никогда не кончается.

“Может быть, еще одно переживание существенное: когда заболел мой брат, я был в армии. Когда я пришел из армии, я делал все для того, чтобы попытаться его вылечить. Мы доставали какие-то импортные супер-мупер-таблетки; я ездил в Москву, через всех своих знакомых вышел на главного специалиста Советского Союза по шизофрении. Я привез ему копию истории болезни. Я готов был везти Кольку в Москву на любой, самый рискованный тогда из новых методов лечения. Этот академик сказал мне: “Понимаете, нет смысла; только мама ваша надорвется в бесплодных надеждах, и материально вам будет тяжело, потому что у него неправильный диагноз”.

И рассказал, что в Советском Союзе диагноз “шизофрения вялотекущая” ставят на 30% больше, чем в Америке, а диагноз “маниакально-депрессивный психоз” на 30%, соответственно, меньше. А лечится это совершенно противоположными способами. И, проанализировав всю историю Колиной болезни, он мне сказал, что это неизлечимо. Что регрессии будут сокращаться, что будет жить долго, довольно адекватным будет, но никогда здоровым. И что закончит он свои дни в диспансере. Однажды я набрался наглости и спросил у Мирзабая, не может ли он помочь. Он сказал, что он не лечит такое. Не может. И вот тогда, когда я вышел от этого академика, я впервые до конца пережил, что такое невозможно. Что существуют-таки вещи, которые невозможно преодолеть. Это тоже был большой и очень важный урок”.

Преображение, красиво говорили святые, преображение Господне, имея в виду не только преобразование Христа, но и наше преобразование – человеческое. Это может быть, для меня же это не “может быть”, для меня это так и есть. Это и есть предназначение человека. Преображаясь сам, он преобразует мир, одухотворяет его. Преображение и постижение. Это для меня и есть высший смысл, и, собственно говоря, все пребывание в мире – это постоянные усилия по раскрытию этого смысла. Помните, в Гефсиманском саду, усыпив апостолов, будущих апостолов, тогда еще своих учеников, молился Иисус до кровавого пота: “Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты”. Однажды я узнал, что кровавый пот – это реальность. Что в суперэкстремальных ситуациях, в сверхзапредельном напряжении сил у человека может выступить кровавый пот. Вот у Иисуса в Гефсиманском саду такое случилось. Что он постиг в той молитве? Нам с вами вряд ли когда-нибудь откроется, потому что вряд ли мы с вами сможем так молиться. Мы к этой брехне про всякие динамические, статические и прочие псевдомедитации так привыкли, что нам в голову даже не приходит, что к медитации это вообще отношения не имеет. В энциклопедическом словаре русского языка написано, что медитация – это сосредоточенное думание. Йог бы со смеху перекувырнулся два раза. Медитация – это способ жить в молитве, если говорить по-русски. Это постоянная обращенность к источнику своей веры. Это вопрошание, а не психотерапия. Так привыкаешь быть клиентом, что забалтываются все понятия и смыслы.

Вот человек приходит и говорит: “Я потерял смысл жизни”. Поищи, может быть, где-нибудь в углу лежит, может быть, на улице обронил.

– А он у тебя был? – спрашиваю.

– Был.

– Какой?

– Ну... ну...

Смысл любой, в том числе и смысл жизни, рождается из огромного усилия души и духа, в вопрошании истины и постижении ее. Но никогда не бывает на всех. Все остальное – это клише, готовые гамбургеры, макдональдсы, картофель-фри, кока-кола. Взял, заплатил копеечки, дешево, быстро, питательно. Гамбургер. Уже смысл есть, он готовый. Ни тебе преобразования, ни тебе постижения, ни тебе вопрошания. То, что в славянских языках называется вопрошанием, обращенностью, там, в экзотических странах, на вершинах Гималаев, называется медитацией. Я же говорил вам, что надо переосмысливать обыденность. Столько сокровищ погребено! Надо немножечко поработать, отмыть, отчистить, шлифануть. Когда люди говорят, что повседневная жизнь их отвлекает, не дает сосредоточиться на возвышенном, – они просто признаются в своей слабости, в том, что силы, веры для преобразования, осмысления нет. Но если повседневная жизнь вам мешает, идите в скит, в монастырь, пещеру. Потренируйтесь сначала там, а потом возвращайтесь опять сюда. Потому что пока это не получилось здесь, преобразование не произойдет. Постигение какое-то, да, может. Преобразование – нет. Ну, как что-то в этом мире может помешать?! Если это часть вас и вы часть этого – кто кому мешает? Чем может помешать хорошо приготовленная яичница? Чисто выстиранное белье? Или зарабатывание денег в поте лица своего? Или отсутствие необходимости зарабатывать деньги? Вопрошающему, живущему в вере, радости и любви? А

вы имеете в виду мелочи быта, психологические беспокойства под названием “переживания”, да... Так это все сгорит все равно, переплавится. Вы видели когда-нибудь, как плавится металл? Ну, если нет другой возможности, возьмите ложечку, положите туда кусочек свинца, зажмите ложку в плоскогубцах, чтобы не обжечь руки, подержите над газовой горелкой и увидите. Очень любопытное зрелище. А потом туда кидайте соломинки маленькие, деревяшечки, кашечки и посмотрите, что с ними будет. Что по этому поводу переживать, – все равно сгорит и переплавится.

И вы тогда увидите, что естественный фон человека, фон, на котором он смотрится совершенно органично, это люди. Такие же люди, у которых та же самая суть, та же самая сердцевина. Преображение Господне... Смерть – великий учитель, великая подсказка. Чтобы родиться – надо умереть. Один мой замечательный приятель говорил: “Ну, что вы мне талдычите: реинкарнация, реинкарнация. Я каждое утро рождаюсь заново и каждый вечер умираю”. Конечно, в определенном смысле это была бравада. Я его хорошо знал, и знал, что за этой бравадой стоит абсолютно неколебимое понимание, что это единственное, что надо делать. Смертью смерть поправ... Преображение и есть – смертью смерть поправ. И тогда смерть становится не искушением, не наказанием и не источником животного страха, а великой подсказкой бытия. В этом вот теле, не укладываясь в гроб и не закапываясь в землю, можно родиться и умирать до полного преобразования, смертью смерть поправ. Перечитывайте иногда Евангелие. Очень содержательная литература. Если делать усилия по раскрытию содержащихся в нем смыслов. Я понимаю, что вам бы хотелось, чтоб я постоянно в таком состоянии вам бы и являлся. Не кушал, не писал и не какал. Весь бы светился в белых одеждах. Обязательно сделаю, это не так сложно, как кажется. Ну, правда, после тридцати лет работы. Как там, “суфий – это человек, который делает все то, что делают обычные люди, когда в этом есть необходимость”. Не всегда, заметьте, а когда в этом есть необходимость. Я обращаю на это ваше внимание, потому что не встретил пока ни одного человека, нет, вру, человека четыре встретил в своей жизни, которые, вот это – пока в этом есть необходимость, вообще помнят, что там это написано. “И делают то, что обыкновенный человек сделать не может, когда на это есть указание”. Все уже сказано. Никто ничего не прячет. И стоит посреди того моста мешочек с золотом... только нужно глазки открыть. Через глазки оно-то и соединится – субъективное и объективное. Глазки да ушки. Имеющий глаза – да увидит. И не внутри нафантазирует, а увидит. Имеющий уши – да услышит. И услышал он голос, шепчущий в ночи, что нет такой вещи, как голос, шепчущий в ночи. Замечательно. Все. Сорок пять минут и всю жизнь продлилась наша встреча... Теперь вы знаете дорогу. Вы можете дойти до этого места. А прыгать или не прыгать в эту бездну – кто возьмет на себя смелость дать такой совет? Помните, у Кастанеды перед прыжком он у дона Хуана спрашивает:

- Что ты мне можешь сказать в этот момент?
- Боже, сколько у тебя дерьма в кишках!

Работай, учись и живи для...

“В общем, навидался я за тридцать лет всякого. И сам дров наломал немало. Так что не думайте, что я уж такой прямо ай-я-яй, правоверный такой весь из себя изначально. Нет, конечно. Единственное, чего я никогда не делал, – это я никогда не бездельничал. Дефект у меня с фикцией. Последние пять лет я себе придумал, наконец, отпуск: друзья мне делают подарок на день рождения, отсылают меня куда-нибудь в хорошие места. Теплые края”.

Как вы уже знаете, в новом этапе жизни традиции на внешнем уровне стоит задача создать открытый мир Школы. Естественно, что, как и для любой другой задачи, для ее выполнения нужны работники. Вот я и хочу поразмышлять, что такое работник традиции. Я думаю, что это имеет смысл еще и потому, что в новом этапе своей жизни я предполагаю в основном иметь дело именно с работниками.

Прежде всего, человек, претендующий на то, чтобы быть работником традиции, как вам это ни покажется странным, должен быть социально интересен. Что это означает? Это означает, что он может привлекать к себе внимание социума либо своими профессиональными, либо своими человеческими качествами, т.е. быть интересным как социально активная личность. Естественно, такой человек должен быть образован, чтобы в рамках того социально-психологического мира, в котором он находится, не выглядеть невеждой, но еще более важно, чтобы он не выглядел воинствующим невеждой. Он должен говорить “Не знаю”, когда не знает. За эти годы я обратил внимание, что одна из самых популярных болезней среди так называемых школьных людей – это неумение признаваться в своем незнании, что и приводит к позиции воинствующего невежества. Начинается игра экзотическими словами в качестве компенсации отсутствия знания. Если эти номера еще проходят среди своих, то в социуме это выглядит настолько убого и неприлично, что совершенно дискредитирует само понятие “человек традиции”. Это очень важно – научиться признаваться в своем незнании. Это всегда вызывает уважение. Как говорил Мастер в таких случаях: “Ты астропизику знаешь?”. Я говорю: “Нет, не знаю”. “И я, – говорит, – не знаю. Все знать невозможно”. Такой маленький урок был. Кто услышал, тот услышал.

Человек, который претендует на то, чтобы быть работником традиции, должен безукоризненно владеть правилами социального поведения в данном конкретном месте с данными конкретными людьми. Он может выглядеть невоспитанным, только выполняя специальную задачу. Это редкий случай, когда надо действовать наперекор социальным ожиданиям. Очень редкий случай. В нашем же социально-психологическом мире хамство, невоспитанность, распушенность, неопрятность и бескультурье стали символом духовности и одновременно предметом насмешек любых нормальных людей. Говорю всем, кто здесь, кто будет слушать или читать эти записи, категорически отказываюсь иметь с такими людьми хоть какие-нибудь отношения. Это позор для традиции. Человек традиции должен уметь быть дипломатом среди дипломатов, франтом среди франтов, бомжом среди бомжей, и обратное – франтом среди бомжей, бомжом среди франтов, если на это есть указание. Были случаи, когда школьным людям обоего пола приходилось напоминать о том, что надо мыться и стирать носки, если живешь среди людей. Я уже не говорю, что демонстрируют эти люди за столом. Там не только нет ни малейших признаков духовности, но и признаков хомо сапиенс. Я не нравлюсь вам читаю, я подвожу итог. И впервые открытым текстом говорю о своих впечатлениях, поскольку раньше не имел права это делать. Я все время закон приятия отработывал. Я насмотрелся всего этого в большом количестве. Это было, как бы сказать, не актуально. Но когда такой человек начинает предъявлять претензии, что он работник традиции, то это уже ни в какие ворота... Полное невежество в области психологии выдается за прогресс. Ну ладно, он не читал мои книжки, но он вообще ничего не читал. Полное неумение общаться с людьми на равных. Либо ерничание “мы бедные, но гордые” а-ля Снегирев из братьев Карамазовых, либо начальники различных уровней “я – начальник, ты – дурак”. И наоборот. Это они с людьми работают. Понятно, что каждой твари по паре и убежище есть убежище, но я говорю только о тех, кто претендует или будет претендовать на позицию работника. Вне этой претензии – да как хотите, это уже не моя забота.

Дальше. Болезненное самолюбие. Какая там работа с гордыней и самостью?! У человека вообще нет чувства юмора ни по отношению к себе, ни по отношению к окружающим. Какое там говорить с каждым на его языке, когда на своем-то косноязычны. Какое там добиться профессионализма хоть в какой-то области человеческой деятельности. Воинствующий дилетантизм. Какое там исполнение заветов по поводу еды, гласящих, что каждый человек, претендующий на какую-то духовность, должен уметь накормить человека. Это святое. Уметь

готовить пищу – это вам не оккультизм дешевый, это гораздо серьезнее. Сколько раз повторял: “У нас нет слуг, у нас есть помощники” – и столько же раз наблюдал, что людей, привлеченных в качестве помощников, превращают в слуг. Всякие барыни и баре. Опять компенсация социальной неполноценности. Люди, которые набирают группы, – это же самая потрясающая ситуация для самообучения. Прежде всего, это возможность учиться у этих людей. Это необходимость активизировать и добыть знания, чтобы грамотно это делать. А... от винта...! главное – потешить свою самооценку. И наглости через край. Я ведь подставляться умею. Кто меня только не учил психологии. Даже люди, которые вообще элементарных вещей не знают. Мне наплевать, что мне говорят на эту тему такие специалисты – себя ж человек губит. Скоро дедовщина появится в социально-психологическом мире. Уж как-то совсем рядом многие находятся. А обслужить клиента – да вы что? Я – обслуживающий персонал? Я – мастер Школы! Клиент всегда прав. Служение? Да что вы?! Зато считать чужие деньги – большие специалисты. Я это говорю не столько для вас, здесь присутствующие, за эту неделю, по крайней мере, вы ничего особо криминального не совершали. Я говорю для тех, кто это будет читать и об этом рассказывать. Я хочу, чтобы моя позиция была известна точно.

Работник традиции на базаре жизни должен быть виртуозом. Его поведение и деятельность должны быть таковы, чтобы все время возникало желание выяснить, как же это у него так получается. Что же он такое знает и умеет? Все психуют – он не психует, все хамят – он не хамит, все обижаются – он не обижается и т.д. И при этом еще профессионал в своем деле. А если надо, и костюмчик умеет носить. Я уж не говорю о том, каким он должен быть гением общения – как он должен уметь, прежде всего, слушать, а не говорить, не давая человеку рта раскрыть. Образ понятен. И полная непривязанность – отсутствие схватывания. Особенно не укладывается ни в какие рамки, когда школьный человек начинает предьявлять собственность на людей. Просто Господь Бог какой-то. Но Бог-то, он равнодушен. Он равно относится к любому человеку. Когда школьный человек создает суждение о другом человеке на ходу левой ногой за правым ухом – и это суждение начинает распространять среди других людей – ничтоже сумняшеся, то есть даже без попытки усомниться в своей непогрешимости... Короче говоря, человек, который не работает в жизни, не может быть работником. Работник должен уметь работать, масло должно быть масляным. Это внешняя часть, но очень важная. А то распространилось такое: “Фу! Внешняя жизнь!..” Приходишь к нему в дом, а там хлев – лень убрать за собой. Так во всем этом и живет. А потом духовность ему подавай.

О внутренней жизни мы с вами много говорили за эту неделю. Что стоит подчеркнуть? Два момента:

Первое – движение к жизни людей. Это принципиально важно. Каким бы вы ни стали специалистом, как бы вы четко ни видели все психологические и социальные механизмы жизни и ее механистичность.

Принципиальная позиция традиции состоит в том, что нет людей недостойных – есть недостойная их жизнь. Если вы можете помочь человеку, т.е. создать ему более достойную жизнь, тогда можете эту помощь предложить, а если вы изгиляетесь над человеком, будь то последний алкаш на улице, если вы позволяете себе изгиляться над ним и т.о. чувствовать собственное превосходство – вы полное дерьмо, ничтожество. Извините за резкость. Наболело. Каждый человек – проводник бесконечного океана знания и силы. Каждый. Если вы не в состоянии через этого человека учиться, это ваша беда, а не его. Ваша.

“Жил я у Сашки Аксенова. Был такой очень известный актер: Всеволод Аксенов. Чтец. Был театр художественного слова, единственный на весь Советский Союз. Да вообще в мире, по-моему, не было такого. Жена его Аксенова-Арди, знаменитая красавица еще той Москвы, воспетая в нескольких романах и запечатленная на нескольких полотнах известных художников. А Сашка – он как бы Аксенов, но на лицо – вылитый Вертинский. Такая страшная семейная тайна. Сейчас это уже не имеет значения, Сашки нет, Аксеновой-Арди нет, бабушки Сашкиной тоже нет. Бабушка у него – воспитанница Смольного института. Она так... основное времяпрепровождение – она

лежала на кушетке у себя в комнате и по телефону на разных европейских языках, иногда на русском, разговаривала со своими подругами, куря “Беломор”. Однажды – никогда не забуду – на русском языке, на иностранных я не понимал, а на русском языке она говорит: “Дура, дура! Это было не в Ницце, это было в Париже!” Из той еще жизни человек. А Всеволода Аксенова уже не было, в кабинете его стояла мебель XVI века резная, бешеных денег таких, вся в пыли. Домработница от них сразу ушла, у нее уже была квартира в Москве и дача на берегу Черного моря. Аксенова-Арди, все равно потрясающе красивая, несмотря на свой возраст, женщина, идет вот так вот... вот так двумя пальцами несет грязную рубашку своего сына до ванной. И Сашка утро начинал с того, что кричал: “Где мои свежие носки? Мне кто-нибудь в этом доме...” Один мужик, две женщины. Я не выдержал, в комнате, где ночевал, все-таки помыл пол, потому что там уже вековая пыль была. И при этом безумно интересные люди в смысле общения, рассказов, воспоминаний. Мы один раз с Сашкой пошли в “Прагу”. Это еще было в начале сессии, какие-то деньги были. “Давай сходим в “Прагу”. – “Давай”. Ну, сидим так тихонечко, гуляем вдвоем. И Сашка запел. А он Вертинского воспроизводил – один в один. Глаза закрываешь – кажется, вот тут вот стоит патефон. Боже мой, сколько нам напisyвали шампанского и коньяка. Какие люди подходили к нашему столику, чтобы выпить с Сашей бокал или рюмочку. В результате мы уже шли по улице Горького и пели: “Боже, царя храни...” Нас догнала какая-то женщина и так сочувственно говорит: “Мальчики, мальчики! Арестуют же, не пойте, мальчики!” А мы: “Боже, царя храни...” Так вот, я иду, гуляю по Москве... Потом как-то звоню в Москву, а его последняя жена сообщает: “А Саша умер от белой горячки”.

Если вы по-прежнему делите людей, как маленькие дети, на приятных и неприятных, на хороших и плохих, правильных и неправильных, на тех, с кем хочется и с кем не хочется, то вы ничему не научились. Я не говорю о личной жизни, приватной – там, пожалуйста. Никто вас не заставляет жить с людьми, которые вам неприятны, но это в личной жизни, но не на базаре. Никто вас не заставляет брать на работу в дело лентяев, бездельников и неумелых, но это в конкретное дело. Но это не на базаре. Это главное, с чего надо начать, это первый постулат традиции. Научиться через любого человека учиться. Впитывать в себя мир. Через любого. От младенца до согбенного старца. От самого образованного до самого невежды. От самого неприятного до самого обаятельного и т.д. Люди напрочь игнорируют это и считают себя принадлежащими к традиции.

Второй принципиальный момент. Беспощадное отношение к себе. К себе. А не самопотакание, жалость к себе и прочая дребедень. Беспощадное. Иначе вам никакой Будда не поможет. Вы замахнулись на самую сложную задачу, которую человек может поставить себе в этой жизни, так требуйте с себя в соответствии с этой задачей. А иначе просто смешно. А человек еще обижается. Лежит на печке теплой, ни черта не делает, но при этом такие претензии! А уж себя, бедненького, несчастненького, потревожить – да не дай Бог! Сколько раз я показывал вам агрессию на заявленного любимого Мастера. Это везде человек ходит и говорит: Игорь, Батя, ай-яй-яй. Игорь Николаевич подходит, делает маленькое замечание и чуть не в морду получает. Смешно. Я уже не говорю про отношение к людям, которые уже работники и доказали это своей жизнью. Особенно модно перемывать им кости вместо того, чтобы учиться. Я уважаю вас за то, что вы создали возможность так разговаривать. С вами не надо сюсюкать... Хорошенькие какие! Как мне вас всех жалко... Иногда обнаруживаешь такую тупость в себе самом. Мастер любит говорить так: “Игорь хороший, Таня – хорошая”. Всем по очереди, кто есть, говорит: “Хороший”. Ну и все довольны. Приятно. Рефлекс. Ну, и я так же. Говорит и говорит. Такой у него стиль поведения. Летом однажды вышел я в деревне во внутренние дворы, назад возвращаюсь – стоит огромный пес, недобродушного вида. Я ему смотрю в глаза и говорю: “Хорошая собака” – и начинаю ржать, забыв о том, что он может меня укусить. У меня только тут все соединилось. “Игорь хороший, Оля хороший, Джульбарс – хороший”. Соединилось, дошло до тупого. Я иду и думаю, как же теперь адекватно-то. И в

следующий раз жду, когда он скажет: “Игорь хороший!” И говорю: “И Мирзабай хороший.” И тогда он засмеялся. В этом году был у него, он мне протягивает зелень и в ней кусок сахара. Я говорю: “Нет, нет. Сахар мне нельзя, у меня диабет”. На следующий день всплыло. Из рук Мастера! Я из его рук чего только не ел. А тут кусок сахара не смог принять. Механизмус-автоматизмус. Хорошо, что есть он. А если б не было? Кто б помог? Из рук человека, который за один вечер избавил меня навсегда от жутких головных болей и приступов, с которыми 20 лет не могли сделать ничего врачи, я из его рук не смог кусочек сахара съесть. Видите ли, у меня диабет! Может, у меня его уже и не было бы, этого диабета, если б съел. Так он больше не предлагает. Проколотся – теперь все. Будет ждать, пока я забуду, и, может быть, предложит еще раз.

Беспощадная требовательность к себе. Это гарантия хотя бы сорока процентов успеха, не больше. Потому что всегда нужен кто-то, кто тебе будет помогать, потому что сам себя не разглядишь так внимательно. Кто захочет тебе помогать? Возиться с тобой, несмышленьшем. После 18 лет общения Мастер сказал, что я наконец родился. Что он имел в виду? И вообще отсутствие уважения к знаниям других людей в любой области – это плохой признак. Тяжелый диагноз. Клиническое невежество. Я понимаю, что хочется иногда посидеть на лаврах, отдохнуть. Вот я часто уезжаю откуда-нибудь, звонят и говорят: “Ой, как мы отдыхали, когда вы уехали”. Радостную новость сообщают. Порадовать Мастера. Перетрудились, бедняжки. Вот такой я злодей. Честно скажу, это я вам на шестьдесят процентов показался. Но если вы обобщите картинку, вам будет понятно. Я ведь по натуре демократ, но пришли такие времена, не могу я на всех работать, неправильно это. Халява это будет. Не для того меня учили столько лет. Кто хочет обижаться, пусть обижается. Кто не хочет иметь со мной дело – прекрасненько. Но уж кто подойдет... Знаете, на линиях высоковольтных передач висят такие дощечки: череп и косточки и надпись: “Не влезай, убьет”. Это, конечно, шутка. Никого я убивать не собираюсь, и разоблачать не собираюсь – скучное это занятие и бессмысленное. Но я бы хотел, чтобы поменьше было бессмысленных подходов. Недавно приехал в Киев. Мне говорят: Игорь Николаевич, очень просим, много людей, которые хотят задать вопросы, это после того как запретил я устраивать общественные собрания в частном доме. Ну, давайте, говорю, организуем. Записалось 20 человек. С большинством разговор занял меньше минуты. А некоторым вчера 45 минут показалось мало... Не люблю бездельников. За 20 с лишним лет открытых дверей сколько бездельников повидал, с большими претензиями. Не люблю. Понимаю, но не люблю. Главное, что именно бездельники большие специалисты в подведении под это духовного базиса. “В открытый космос выходили?” – “А зачем? Нам и здесь хорошо!” Такая миниатюра была у Ширвиндта с Державиным “Нам и здесь хорошо”. Так если хорошо, так чего же дергаетесь. Если человек не в состоянии принять поражение, любое – маленькое или большое, он не в состоянии учиться. Ему ничем нельзя помочь. Я не встречал ни одного человека, который чему-нибудь научился, не умея принимать поражение. Человек, который радуется только плюс-подкреплениям, выпрашивает их, тоже не в состоянии измениться, какое там преобразование – вообще измениться. Существует такая легенда. Рассказал ее Гурджиев. Где-то в горах Гиндукуша есть храм, построенный в честь одного-единственного изречения, не Богу, не святому, а одному изречению, одной мысли, построили храм. Звучит оно так: “Научились ли вы радоваться препятствиям?”. Не открытиям или проблемам, а препятствиям, тому, что не пускает.

Вот я наблюдаю за вами. Вот я рассказываю что-то принципиально новое. Я точно знаю, что это принципиально новое для всех здесь присутствующих. Что я вижу? Человек не понимает. Прекрасно, значит, это сигнал, что я слышу что-то принципиально новое. Значит, надо брать себя за волосы и тянуть к этому новому, пока не разберусь, т.е. делаю зарубку. Что делаете вы? Огорчаетесь, как же это я не понял, не может такого быть! Быстренько берете это непонятное за волосы и притягиваете к себе и быстренько это новое превращаете в знакомое, и тогда хорошо. Ну и как же вы собираетесь научиться чему-нибудь принципиально новому? Или ставлю я на вашем пути маленький камушек. Вы об него спотыкаетесь. И нет, чтобы обрадоваться... Раздробить, стереть в порошок этот камушек, как он посмел на моем духовном

пути возникнуть. А иногда ищешь, ищешь камушков и не находишь никак. Есть такая тенденция, азы пропускать, потому что ими трудно манипулировать. Просто и ясно все. Сразу видно: делаешь – так делаешь, не делаешь – так и не делаешь. Это пропускаем... арифметику, правила сложения и вычитания простых чисел, а сразу высшая математика – Шамбала, учителя с Ориона, 7–8-й уровень. Ведь вот этот самый внутри нас приемник, который называют X в научных работах, потому как не обнаружен он материально пока. И когда мы что-то видим или ощущаем – это не вход информации, это выход, это наш инструмент, эту самую информацию превращаем в удобную для нашего сознания форму. Маятник, рамочка, внутренний экран и т.д. Это все выход информации, а не вход. На эту тему огромное количество серьезных исследований проведено. И в Японии, США, и у нас, и в Германии, большие деньги потрачены на доказательство факта, теперь кажущегося простым и очевидным. Образы, ощущения, звуки, всякие там идеомоторные проявления (включая рамочку, маятник и прочие) – это выход информации. То, как выглядит эта информация и каким способом мы ее воспринимаем, обнаружить пока не удалось. Приходится верить старинным текстам, которые говорят, что это есть проявление взаимоотношений между миром и человеком. Познай себя как часть мира и мир как часть себя. И технически это достигается путем резонанса между субъектом и объектом. Вот и все, что об этом достоверно известно. Если вы читали Тибетскую книгу мертвых, то вы должны помнить, как она заканчивается: и не забывай, что все это проекции твоего сознания, а не то как есть на самом деле – добавляю я. Это называется ученое незнание. Знание о том, что все знать невозможно. Что есть в мире нечто, для нашего понимания не предназначенное. Великая мудрость об отграниченности всего явленного. Вот почему невежество в этой области всячески поощряется социальными структурами, иначе как бы создавались все эти мотивационные лозунги типа: “Человек может все”. Все может только все. А то, что явлено, отграничено, т.е. может все в пределах своей отграниченности. И есть только одна категория в человеческом знании, в котором нет отграниченности, это категория неявленного, пространства. Оно не явлено. Это такое нечто и одновременно ничего. Ну есть еще парочка, но я не буду о них говорить. Сами поищите.

Бросьте это дурацкое занятие беспокоиться по поводу того, что о вас думают. Вы так пыжитесь иногда для того, чтобы произвести то или иное впечатление, что сразу видно, что вы не знаете или не принимаете простого факта, что все равно о вас будут думать по-разному. Никогда вам не удастся добиться того, чтобы все о вас думали только хорошо. Никогда вы не будете нравиться всем, никогда вы не будете умнее всех. Список можно продолжить. И не нужно этого. И тратить свои силы и время своей жизни на это дурацкое занятие – это грабить самого себя. Самоограбление. И самопотакание отсюда вылезает сразу. Как там говорил Чацкий: “А судьи кто?” Вот кого в судьи себе выберете, с этими еще как-то можно договориться. Сам выбрал жюри, сам дал ему взятку, сам получил от него 1-й приз. Это единственный способ удовлетворить это странное желание. Во всех остальных случаях одинаковой оценки от людей добиться не удастся. Мне всегда неудобно говорить такие вещи, потому что взрослые же люди, а я им прописные истины сообщаю. Как бы самоочевидное. Но практика общения с людьми показала, что вот именно эти самоочевидные вещи почему-то труднее всего доходят. Человек упорно их игнорирует.

Был в моей жизни такой случай с одним человеком. Рассказал он мне потрясающую вещь. У него в системе координат вместо “0” в центре “1”. Такая стройная композиция на эту тему. А в минусах, говорю, как? Сразу “-2”? Он говорит: “Нет, “-1”. То есть вся координационная сетка сдвинута вправо. Из этого подхода возникает масса практических жизненных последствий. Но человек меня поразил тем, что он рефлексировал пространство своего сознания до базовых вещей. Потому что это базовые вещи, которые никогда не рефлексировались. Я очень благодарен этому человеку, потому что, приглядываясь потом к этому, обнаружил, что есть люди, у которых это смещение еще больше.

Ну и напоследок напоминаю правила большого спорта. Чтоб ответить на вопрос, как стать социально интересным человеком. Вы знаете, в моей жизни был эпизод, когда я работал со спортсменами. Со сборной Украины, со сборной Советского Союза по легкой атлетике. Это мир

психологически достаточно простой. Но там я нашел замечательное правило большого спорта: “Не занимайся подтягиванием слабых мест, а развивай сильное”. Оказалось, что это и есть – главный секрет большого спорта. Не знаю, как вы, я был с детства приучен, что человек должен быть гармоничным, надо слабые места подтягивать и т.д. Как бы само разумелось это. Вдруг я нашел социальный мир, где правило совершенно другое. И тогда я понял, почему у нас государство воинствующего дилетантизма. Да потому что мы все время подтягиваем слабые стороны. У нас просто не хватает времени развивать сильные стороны, и мы всячески высмеивали в литературе, в кино, на телевидении, всегда высмеивали однобоких людей. Еще с Козьмы Пруtkова, как вы помните, “специалист подобен флюсу – он растет с одной стороны”. Но он хоть с одной стороны растет, а большинство просто не растут под лозунгом, что они заняты подтягиванием слабых мест и стремлением к гармонии. Так, может, сначала надо развивать свое сильное место до полной реализации, а потом уже подтягивать к этому все остальное, если уж будет необходимость. Ну, никак топором не сделаешь то, что шиваем иглой. Никак. Можно виртуозно владеть топором, создавать деревянные кружева, но... я видел людей, не только на экране, но и в жизни, которые бреются топором, карандаши затачивают, чего только не вытворяют, но сшить два куса материи топором все равно они не могут. Так если вам дан определенный инструмент, то почему бы не достигнуть виртуозного владения данным инструментом, а не потратить всю жизнь на доказательство того, что я не топор, а швейная игла. С кем вы спорите? С создателями, предками своими? С кем? И зачем? Вы же теряете время, за которое вы могли бы виртуозно овладеть данным вам инструментом. Это все равно как если бы я потратил десять лет для того, чтобы стать балетным танцором. Меня никак не волнует, чего я не могу, что не дано мне. Но меня сильно волнует, как я владею тем, что мне дано. Все ли я умею? Мне очень искренне хочется, чтобы у вас получилось то, что вы на самом деле хотите. Очень хочется всем вам искренне пожелать удачи. И чтоб как можно меньше обманывали самих себя. Это самое трудное – не обманывать самого себя. Это же так прекрасно быть человеком. Когда-то я назидательную такую фразу родил: если человек не радуется самому факту своего существования на белом свете, то чему он может радоваться? В принципе?

Вопрос: Как разобраться – бытие, целостность, тотальность?

И.Н.: Бытие – это та часть жизни, которая занята у тебя твоими отношениями с миром, с реальностью. В этом смысле бытие ученика состоит в том, что он учится у реальности. И т.о. это стимулирует его к достижению тотального состояния. Целостность – это отсутствие противоречий между частями, согласованное действие частей. Тотальность – это одномоментная реакция целого на реальность. Понятна разница? Объясню еще раз. Вот человек, у него есть организм, в организме есть всякие органы, психика, интеллект. И все это в норме целостно, т.е. все эти части действуют и функционируют, не вступая между собой в антагонистические противоречия, т.е. тело не конфликтует с сознанием, сознание с... Тотальность – это когда я действую или реагирую полностью, всем своим существом, как одним. То есть полная слитность всех систем. Это есть тотальное действие или реакция. Или идеал для некоторых – тотальное бытие. 100%-ная включенность. Потому что в целом части включаются, выключаются, выходят на тот или иной режим соподчиненно. У организма в разное время суток один канал активизирован больше, чем остальные в организме. Тело, психика, интеллект тоже находятся в разных отношениях. Соподчиненных. Тотальное качество состоит в том, что все системы включены на полную мощность одновременно и слитно. Тогда целостное превращается в тотальное. Еще говорят: целое осуществило себя в этом акте тотально. Целостность может осуществить целевое бытие, не разрушившись при этом. Целостность не может осуществить целокупное бытие, ибо это противоречит ее конструкции. Как язык не может быть тотальным. Словами невозможно выразить тотальность, потому что язык: во-первых, дискурсивен, т.е. каждое слово отдельно, во-вторых, они в определенной последовательности и слитно сказать все, что хочется, невозможно. То есть рационально тотальность доступна только как абстракция. На уровне переживания тотальность доступна. Поэтому и говорится, что переживание более значимое средство общения с миром, чем понимание. Поэтому для человека, желающего достичь тотальности, качество переживания

является определяющим. Хотя тотальное переживание доступно и животным, правда, они при этом гибнут. Они не в состоянии это выдержать. Они сгорают. Но доступно. Отдельные такие случаи описаны в литературе.

Путь святого – это путь аскезы. Не обязательно физической. Это путь психологической аскезы – погружение в источник своей веры. Как я называю это: жизнь у Бога за пазухой. Все, что вне этого, не имеет для святого вообще никакого значения. Никакого. Он минимально поддерживает свое биологическое существование только для того, чтобы свидетельствовать источник своей веры. Все. Больше его в этом мироздании ничто не интересует. Ничто. Он даже не очень интересуется, свидетельствует ли он. Он пребывает в этом. И все. И если источник его веры умертвление себя не считает грехом, он так и растворяется. Если считает грехом, тогда он минимально поддерживает свое биологическое существование.

“Вздрагивание” – есть тотальная выдача своей проекции себя в мир, потому что реальность не может не отреагировать на тотальный импульс. Реальность сама по себе тотальна. Это и есть момент полного резонанса. И этот тотальный импульс обязательно реализуется. Это ответ реальности. Если он действительно тотален. Потому что человек обычно хочет какой-нибудь частью себя – рациональное желание, физиологическое, биологическое... Тотальное желание рождается очень редко.

У живого есть такой эффект. По-научному – диффузия. Если вы тренируете только правую руку, левая, конечно, отстает. Но самое интересное, что она не стоит на месте. Она будет слабее правой, но сильнее, чем если бы вы правую не тренировали. Если вы развиваете свое сильное место, то в определенной степени все подтягивается, и когда вы разовьете его до конца, то будет очень легко. Точка опоры называется. Дайте мне точку опоры, и я переверну что-нибудь.

Путешествие в страну людей

“В геологической партии был такой человек, Владимир Николаевич, пожилой геолог, работавший в разных странах... Он рассказывал разные истории, скажем, где-то во Вьетнаме или в Лаосе... Они искали... Однажды они в деревне не остановились на ночлег, потому что там была жуткая грязь, блохи и прочее все. Они ушли за деревню, поставили палатки. Утром проснулись, а деревни нет. Это было в горах. Ночью весь этот кусок земли, на которой стояла деревня, сполз со скалы, с каменного основания, в ущелье. От палаток до голого места, где кончалась земля, было 300 метров. Рассказывал, как он выполнял задание партии и правительства. Выставлял маяки для первых баллистических ракет и поэтому был один. И вот он шел вдоль Ледовитого океана и ставил эти, где положено, маяки на своем там куске в 100, 200, 300 километров, не знаю. И однажды: сидит он на берегу Ледовитого океана, летом конечно, костер, он один, белая ночь... Вдруг возникает человек, тоже идет по берегу Ледовитого океана, тоже вооруженный, естественно. Подходит, здороваётся, присаживается, они пьют чай, разговаривают о том, о сем... Естественно, ни Владимир Николаевич не спрашивает, кто ты такой и чем ты занимаешься, ни тот не спрашивает – там это не принято. Попрощался, пошел дальше вот в ту сторону, там, на запад. А Владимир Николаевич на восток... очень интересный человек был. При этом мягкий, интеллигентный, какой-то беззащитный на вид. Я увидел... я через него понял, что сильный человек – это не обязательно богатырь, в другом месте эта сила. Его слабым

человеком никак нельзя было назвать. И что можно быть сильным человеком и при этом образованным, интеллигентным и даже мягким”.

Сегодня я попытаюсь поделиться своими соображениями по поводу сочетания социальной жизни и учебы в традиции. Отправной постулат: для того чтобы видеть ситуацию в целом, надо находиться вне ее. Простая и всем понятная вещь.

Если я хочу быть социально эффективным, то я должен находиться вне социума. Как можно занять такую позицию? Есть два наиболее распространенных варианта.

Первый вариант. Люди начинают искать такую позицию внутри самой жизни и объявляют, что вне социума находится семья, и видят социум глазами семьи.

Второй вариант. Некоторые говорят, что надо подняться “над”. Условно назовем все эти варианты “над” – космос. И тогда они видят оттуда все без подробностей. Некоторые считают, что “над” можно найти внутри социума. Это социальная иерархия. Чем выше я забираюсь по социальной лестнице, тем я яснее вижу социальную ситуацию. Короче говоря, человек ищет то место, из которого он может видеть как можно шире и ясней внешнюю социальную жизнь.

Теперь сформулируем следующую задачу. Для того чтобы ясно и отчетливо видеть жизнь, как внешнюю ситуацию, опять же нужно находиться вне ее. Вне жизни можно находиться двумя способами.

Первый. Умереть, и поэтому многие люди начинают умирать заранее. Они немножко живые, немножко мертвые.

Второй. Найти другую жизнь и из той жизни смотреть сюда. При такой позиции нет оппозиции верх-низ, а есть оппозиция – две жизни и они разные.

Предполагается, что все вы, следуя традиции, стремитесь обрести другую жизнь. Но это только предполагается. Теоретически это так, а практически вы сами знаете, что в течение долгих, долгих лет человек пытается быть “между”, ибо, будучи устроен по принципу схватывания, не хочет или не может, что одно и то же, терять то, что уже имеет, ради того, что хочет иметь. Это и есть промежуточное состояние. Собственно говоря, путь ученика это и есть путь из обыденной жизни в другую жизнь. А путь Мастера – это путь из другой жизни в жизнь человеческую. Или по Флоренскому – восхождение, прохождение через врата и далее нисхождение. Человек, пройдя врата, возвращается в мир для того, чтобы в нем трудиться. Собственно, это все варианты позиций. Правда, есть еще такая иллюзорная позиция, называется “Я сам по себе”.

Почему эта позиция иллюзорна? Социум построен из Мы. Это основа его конструкции, его элементарная часть. Никогда Я, всегда Мы. Поэтому для того чтобы действовать, необходимо уметь сотрудничать. Для того чтобы делать дело на базаре жизни, нужно уметь либо формировать, либо находить Мы, которое поможет вам реализовать те задачи, которые вы перед собой ставите. Чем эффективнее вы сотрудничаете с людьми, тем более качественную команду вы можете собрать для решения той или иной задачи. С точки зрения социума, семья это тоже ячейка общества, то есть Мы. Главное психологическое умение, которым должен обладать человек, желающий что-то сделать, – это умение сотрудничать с людьми. Умение набрать, сформировать, подготовить, воспитать, это уже зависит от личных пристрастий, наиболее качественную команду. У советского фантаста Гонсовского есть повесть, которая называется “Четверть гения”. Она посвящена идее о том, что если грамотно подобрать людей, то можно получить совершенно гениальные команды. Если же вы не в состоянии создать свою команду, то остается два выхода: либо уметь найти и присоединиться к какой-либо команде, либо отказаться от мечты о социальной эффективности. Социум не переносит одиночек, даже те, кто, согласно устройству, пользуется наибольшими степенями свободы, уникальные специалисты и дурачки, даже они тем или иным образом пристегиваются к какому-нибудь Мы.

Учиться – это значит двигаться в сторону другой жизни, потому что ее тоже нужно освоить, так же как мы осваивали эту, но благодаря большей или меньшей степени сознательности это можно сделать либо быстрее, чем мы осваивали эту жизнь, либо медленнее. Для того чтобы учиться и при этом эффективно действовать в социуме, есть только один

вариант. Красиво и непонятно это называется растожествление, понятно это называется – играть. Играть, в отличие от того, чтобы говорить об игре, занятие высокопрофессиональное, трудоемкое, требующее больших внутренних ресурсов, не говоря уже о таланте. Не всем дан талант играть. Большинство не играют, притворяются, что играют.

По-настоящему играть вы сможете только тогда, когда увидите эту жизнь глазами Бога. И, продолжая любить жизнь, вы сможете не впадать в псевдосерьезность по отношению к ней. За счет чего?

Первое. Увидеть глазами Бога – это значит увидеть, что Бог, как и солнце, одинаково светит всем, без исключения.

Второе. Жизнь, если взять ее в объеме всего человечества, столь многообразна, что моделей правильной жизни на Земле больше шестисот. Большинство этих моделей почти полностью отрицают друг друга. Люди столь многообразны, что принимать позицию одного человека за истинную, даже если это ты сам, просто смешно. Думать, что все люди живут примерно одинаково, – полное заблуждение. Думать, что такие плохие качества, которые есть у вас, есть только у вас и поэтому их надо тщательно скрывать – это тоже полное заблуждение. Все люди – люди. И если вы будете внимательны к разнообразию жизни, вы быстро увидите повторяющиеся сюжеты, повторяющиеся ситуации, повторяющиеся проблемы, повторяющиеся ошибки совершенно разных людей. Увидите, что жизнь во внешней ее части подчинена законам статистики. И с этой точки зрения Шекспир совершенно прав, когда устами своего героя говорит: “Весь мир театр, все люди в нем актеры, и каждый в нем свою играет роль”. Только один хорошо играет, другой плохо, более талантливо, менее талантливо, с большим удовольствием, с меньшим удовольствием, или с полным отсутствием понимания того, что он играет роль. Человеку очень трудно так отнестись к жизни, потому что тогда с неизбежностью он должен так отнестись и к своей жизни, а не только к жизни других. А поскольку с младенчества мы разучили все привязки, поскольку ничего другого у большинства людей нет, существует такое ощущение инфернальности, безвыходности – жить надо. И действительно надо, раз родился.

“У меня было такое хобби: я любил проникать в различные социальные слои или, как я потом их назвал, — социально-психологические миры. Как вверх по вертикали социальной лестницы, так и вниз. Поэтому у меня много разнообразного общения: ну, скажем, от бандитской “малины” и профессиональных бомжей до академиков, министров, писателей, артистов, ученых, хиппарей, строителей, ну и так далее. Большой набор. Мне было это интересно, это было такое хобби, можно сказать, такое путешествие среди людей. А так – обычная жизнь. Ничего сверхъестественного, ничего чрезвычайного. Был я во время холеры в Астрахани, это оказалось тоже совершенно весело. Был после Чернобыля в Киеве – это тоже было очень весело. Правда, в клинике там не было весело, там было очень грустно. Иногда и трагично”.

Для того чтобы помочь людям, которые действительно хотят другой жизни, существует позиция ученика. Она заключается в том, что любая жизненная ситуация – это только урок. Жизнь, которая дана, не сделана тобою, не сотворена, а просто дана, жизнь, в которую ты попал, попался, – это и есть твоя Школа. И чтобы не было страшно, пока учишься, существуют традиции, Мастера, гуру, учителя, как мостик, как поддержка, на время, пока выучишься настолько, что начнешь сам жить эту свою новую, другую жизнь. Часто по дороге возникнет иллюзия, что можно стать хозяином этой жизни, демиургом, революционером, усовершенствовать ее, спасти человечество – это самый характерный признак недоучки. Недоучился и пошел на баррикады.

Таким образом, можно сказать: ученик – это человек, который отправился в путешествие из этой жизни в другую жизнь. Естественно, что дорога, которая куда-нибудь ведет, там и кончается, куда ведет. И естественно, что мост над пропастью между двумя несокрушимыми скалами не может существовать, опираясь только на одну из них. Поэтому и говорится, что без

уважения к человеческой жизни, как она есть, никакого духовного пути состояться не может, потому что не на чем будет стоять мосту. Итак, ученик это человек, который идет по мосту. А не ученик, который пытается быстро перескочить с того берега на этот, а с этого на тот, он на мосту стоит и грузится, грузится, до тех пор пока мост не рухнет и он не провалится в эту самую пропасть между. Предел прочности моста для каждого свой. О, если б можно было в прямом смысле оставить эту жизнь и под мудрым руководством Великого наставника только и делать, что идти по этому мосту, все было бы иначе! Потому и существуют спецситуации, в которых мы оставляем эту жизнь, но еще не переходим в другую. Спецситуации – это монастыри, ашрамы, специально организованные обучающие ситуации. Эти спецситуации могут быть временными, могут быть постоянными. Наша традиция придерживается того мнения, что основное обучение происходит непосредственно на базаре жизни, не отрываясь от нее, а погружаясь в нее все глубже, пока не выйдешь с той стороны.

Это и есть путь нашей традиции. Ее специфическая особенность. Это очень важно понять. Наш путь, наш мост лежит внутри самой жизни. И, двигаясь не от цели к цели, а от смысла к смыслу, мы имеем шанс однажды перейти на другую сторону, в другую жизнь.

Должен вам сказать, что за тридцать лет работы с людьми я очень мало встречал людей, которые до конца поняли бы эту особенность нашей традиции. Поэтому многие, на всякий случай, занимаются еще и другими традициями. Им как-то непонятно, нет отрыва от жизни, нет ощущения собственного подвига и собственной значимости: надо же, я оторвался и иду над пропастью во лжи. Но не может быть человек в подлинном смысле учеником нашей традиции, если ему не интересны люди и их жизнь. Если он думает, что источник знания где-то в экзотических местах. Такому человеку надо искать другую традицию. Наша Шамбала везде. Мы говорим: “там хорошо, где я есть”, где проснулся, там и хорошо. Все равно где – хоть в Гималаях, хоть в Мухосранске, если проснулся, то уже хорошо. Уже можешь учиться.

Чтобы все это сказать вот такими простыми словами, мне понадобилось тридцать лет. У вас есть шанс сильно сократить это время, если вы сможете опереться на мои слова не как на инструкцию, а как на подсказку, намек, повод для размышления. Какой бы ни была ваша социальная биография, значение имеет только одно – этот путь так сложился, потому что вы учились, или же он случайно таков, как все в этом мире. Если вы учились, то он эффективен, каким бы он ни был, если вы не учились, каким бы он ни выглядел внутри социума, он не эффективен. В этом смысле абсолютно не важно – были знаменитым или не знаменитым, богатым или бедным, счастливым или нет. Вы воспринимали жизнь как Школу, и насколько вы это делали, настолько ваш путь был эффективным. А реальность в ответ на ваше желание дает каждому те уроки, которые необходимы именно ему. Поэтому опыт другого человека абсолютно ничего не означает, разве что повод для размышлений. Именно поэтому в процессе обучения в традиции не происходит нивелирования людей, они все остаются непохожими и разными. Так что, будучи опьяненными жаждой познания и проникновения в другую жизнь, умеете сыграть трезвость, а не наоборот, потому что если наоборот, вы будете пытаться обмануть жизнь, а не сыграть ее, а это еще никому не удавалось.

Это мы рассмотрели путь в другую жизнь, путь “туда”, но есть еще путь “оттуда”, который называется “работа традиции на первом, втором, третьем уровне, работа традиции среди людей”. Тот, кто хочет быть не только учеником, но и работником, должен уметь выполнить полученную задачу. Понятно, что задача не может быть тривиальной, а потому нет рецептов по выполнению задачи. Чтобы быть школьным работником, нужно уметь “всего” две вещи:

Первое – услышать поставленную задачу.

Второе – решить ее творчески, за счет своих собственных внутренних усилий.

Школьный работник не бегаёт и не спрашивает “как?”. Он вдохновлен самим фактом, что ему дали работу, и понимает, что традиция, конечно же, умнее и мудрее его, а значит, если она дала эту работу ему, значит, он ее может сделать, что бы ему ни казалось. Дальше остается только пробудить себя до такой степени, чтобы обнаружить это, и все получится. Возникнет

замысел, станет ясно, какие дополнительные знания срочно необходимы, если их еще нет, и начинаешь действовать. И вот когда ты начинаешь действовать, ты должен действовать, как воин Духа. Без малейшей жалости к себе, с холодным отношением к тем оценкам, мнениям и суждениям, которыми тебя тут же окружают родные, близкие и далекие. Друзья, которые будут бесконечно беспокоиться о твоей судьбе и твоём здоровье, и друзья с топором, которые обвинят в полном отсутствии всяческой духовности, принципиальности, порядочности и во всех остальных грехах из набора регулирующих поведение систем. Но ничто не должно остановить вас. Единственным регулятором действий в этом случае является Закон традиции.

В этом тоже будут искушать, потому что в социуме действия, внутренне оправданные соблюдением Закона, очень часто выглядят как проявление слабости. “Что это ты не можешь наступить на горло ближнему ногой? Подумаешь, бесконечный источник знания и силы”. И поэтому внешне воин Духа очень часто выглядит очень уязвимым для одних и очень жестоким для других. Но на самом деле он не жесток и не добр – он действует, имея **над собой** Закон традиции. Терпеливо, неуклонно, постоянно наращивая свой профессионализм, он движется к решению поставленной перед ним задачи. Это и есть Божеская любовь. Ибо, как мы все понимаем, по окончании пути никаких традиций нет. Там одно небо для всех.

Все, что традиции делают в мире, – это и есть Божеская любовь. Это и есть благодарность человечеству за то, что оно содержит это маленькое, но гордо именуемое себя – Духовное сообщество. Поэтому и содержит, и позволяет ему существовать, потому что знает, что может от него получить. С точки зрения Великого Среднего, Духовное сообщество – это исследовательские коллективы неизвестного. И если даже в этой жизни нужно мужество противостоять социальному давлению, когда оно покушается на ваши убеждения и принципы, то человеку, предполагающему себя учеником и работником традиции, этого мужества нужно во сто крат больше.

“Пронзительный случай связан с животрепещущей темой отношений полов. Был у меня знойный роман. Ну, такой – настоящий, красивый, знойный, безумный. Потом эта женщина переехала в другой город, ей там предложили более интересную работу. Мы перезванивались, переписывались, через год у меня появилась возможность, я вырвался к ней на несколько дней, и она меня встретила, весь коллектив собрался посмотреть на этого необыкновенного человека, которого она ждала год. Все происходило в театре, можете себе представить: актриса, которая никому не поддается, потому что ждет... Кто он, что за принц такой? И все было прекрасно, я уехал и “вы знаете, что я приеду через неделю...”. Через неделю я по-прежнему на крыльях нашего романа прилетаю туда – она мне таким странным голосом со странным выражением лица говорит: “Нам надо поговорить”. Я чувствую, что что-то.... И она мне так вот извиняясь, благодаря за все, что было, говорит: “Вот, ты знаешь, вот за эти вот... несколько дней я полюбила другого”. Ну, что со мной было, я вам описывать в деталях не буду. Но одну деталь все-таки скажу. Давно это было, человека этого уже не вычислить. Я не мог ни сказать ничего, ни встать, я сидел и час боролся с собой, чтобы не сойти с ума. У меня там все поехало – там все... все поехало. Я парень-то был действительно романтический, очень. У меня это никак там... Ну, через час я справился, сказал: “Желаю тебе счастья, дорогая”, и пошел. У меня был один знакомый в этом городе, зима, ночь, метель. Я дошел до него, говорю: “Налей водки, пожалуйста”. Он мне налил, это была глубинка, русский город, он мне налил сразу стакан, ничего не спрашивая. Я выпил этот стакан, как воду. И он мне стал рассказывать, утешать меня, приводить всякие примеры. Я ничего не воспринимал. Я ей очень благодарен. Очень. Потому что с тех пор я точно знаю, что нельзя схватывать человека. Если я схватываю человека, которого люблю, – это неправильно. Древние китайцы были действительно мудрые люди – они говорили: “Женщина – как птица, и она прилетела к тебе, села на руку и спела тебе песню и улетела. Будь ей благодарен за эту песню”.

К счастью, я уже кое-как разобрался в себе и в психологии человеческой, я не дал включиться механизму дискредитации предыдущего лидера и не стал ее внутри себя топтать, обзывать всякими словами и прочее, и прочее. Я запомнил только ее лицо: она тоже была потрясена, она не притворялась. Потом судьбе было угодно, чтобы через несколько лет мы с ней пересеклись, и она говорит: “Я тебе тогда правду сказала, я знала, что буду жалеть. Я уже жалею. Но я не могла иначе поступить”. Никакие доводы разума, никакие логические умозаключения – она себе их приводила, сама, понимаете? Но она знала, что это не надолго, она знала, что она будет жалеть, что мы расстанемся. Но она не стала врать. Она только не ожидала, что на меня так сильно подействует. Это музыка, это трагическая, но музыка. А если б я по совету этого знакомого начал бы ее там... все то, что он мне советовал. Что бы у меня сейчас было от этой истории? Ничего, кроме грязи, которую я сам бы и создал в себе самом. Так что человек сам выбирает”.

Одна из самых субъективно трудных вещей – это проблема с удовлетворением базальной потребности в эмоциональном контакте, говоря проще, в душевном тепле. Люди все больше и больше обделены этой возможностью, потому что развитие цивилизации, развитие социума все меньше и меньше оставляет современному человеку ситуаций, в которых возможно удовлетворение потребности в эмоциональном контакте, всякие суррогаты в виде стадионов, дискотек и прочих массовых оргазмов этого не заменяют. Это огромная проблема, это огромный источник психопатологии обывательской жизни. А для человека, который идет по пути, таких мест совсем почти нет. Только за счет любовных отношений с традицией. И научиться с этим управляться – штука сложная и болезненная. Большинство людей не умеет это делать. Потому что потребность в эмоциональном контакте – это не потребность поговорить по душам, это не потребность во взаимопонимании, это потребность в эмпатии, в сопереживании и в безопасности этого переживания. То, что было, когда можно было прижаться к маме, забыть обо всем на свете и кайфовать, когда есть мама и когда она чувствует тебя и понимает. А на пути расслабиться, почувствовать себя в безопасности... Таких ситуаций почти не бывает. Только расслабишься, а тебя уже убаюкивают. Из самых добрых побуждений. Только расслабишься, а тебя уже хотят переделать, из самых добрых побуждений. Только расслабишься, а тебе уже пальцем в ранку. Я всегда говорил и повторяю: жизнь духовного искателя, пока он дойдет, намного скучнее, неинтереснее и примитивнее, чем жизнь обычного человека. Я говорю, не кокетничая и не пугая, это факт, это психологический факт. Для любого грамотного наблюдателя это так и есть. Иначе ничего не получится. Это как жизнь профессионала. Истории об ужасах частной жизни профессионалов широко известны. Эта вечная дискуссия в рамках этой жизни не решается. Сколько бы мы ни приводили аргументов и ни ссорились из-за разности позиций, ничего не изменится. Жизнь устроена именно так. Профессионализм безнравственен по сути своей. В рамках этой жизни эти противоречия не разрешаются. Поэтому так называемые “маленькие люди” – это самые интересные люди. Они многообразны, причудливы, в каждом социально-психологическом мире своя мораль, своя нравственность, свои тайны, свои павлиньи хвосты. Такие разнообразные пьесы! А профессионалы все одинаковы. С ними говорить о чем-нибудь, кроме профессии, бессмысленно.

К чему я это говорю? Что ж вы так себя обманываете? Что ж вы пытаетесь, несмотря на все свидетельства профессионалов, придумать свой собственный вариант, в котором ничего этого не будет? Что вы тратите время на ерунду? Перестаньте сами себя пугать. Двадцать восемь лет работы, тысячи людей прошло, и в девяноста шести случаях из ста человек тратит годы не на учебу, а на то, чтобы найти свой единственный способ как-то все это обойти. Что люди, которые шесть тысяч лет добывали все эти знания, отдавали свои жизни... что они?

Я поражаюсь, когда вижу, как человек упрямо пытается доказать, что четырежды три не двенадцать. Я понимаю, что вам эмоционально не хочется видеть устройство, схему, расписание, повторяющийся сценарий. Сколько вы ни лепечете, что нужно сердцем, сердцем, а

машинка-то работает, шестеренки цепляются, и ваша вся, как вам кажется, внешняя часть продельывает те же манипуляции, что и все. И сколько вы себя ни уговаривайте, что сердцем вы другие, поступки ваши все те же. Да без сердца нельзя. Без любви, без романтизма нельзя, потому что знания вас просто убьют, сделают циниками, и это скучно. И будете жаловаться: “Какое скучное занятие жить!” Действительно, скучное. Если, кроме машины, которая все видит, понимает и предсказывает, больше ничего нет. Но узнавать это все нужно не для того, чтобы убедиться, что кроме этого ничего нет, а чтобы за всем этим найти то, что не высчитать, что ни в одном учебнике не может быть написано. Для того чтобы дойти туда, нужен беспощадный романтизм. Что бы ни казалось, как бы плохо ни было, я все равно верую, что там, по ту сторону, есть святое. Тогда вы можете пройти насквозь и выйти с той стороны. Только в сочетании беспощадного реализма с беспощадным романтизмом. Если не будет беспощадного реализма, вы машину будете принимать за живое, устройство за человека, манипуляцию за искренность чувств, автоматизмы за подлинное, неискусственное. Искусство – это и есть подсказка, куда надо идти. А то, что без искусства, – это машина.

А ведь есть еще то, что мы вульгарно называем вторым уровнем. Через все это тоже нужно будет пройти и со всем этим познакомиться. Вы хотите перестать быть лилипутом и наконец-то стать самим собой, человеком, гигантом. Но все в жизни сделано для лилипутов. Конечно, неудобно. А вы хотите стать, наконец, гигантом, обрести самих себя, перестать бегать и кричать: “Неужели это все мое”, и чтобы вам было удобно в этой жизни? Всякая попытка что-либо изменить всегда влечет за собой сложности. Легко только там, куда ты попал, не ведая ни зачем, ни почему. Не зря существует выражение – человек, избалованный плохой жизнью. Просто плохая жизнь для него привычна, а хорошая непривычна. Вы замахнулись на то, чтобы все изменить, вы замахнулись на другую жизнь, на то, чтобы потерять себя, какие вы есть сегодня, и свою жизнь, какая она у вас сегодня есть, и хотите, чтоб вам было удобно? Смешно.

“Где-то лет в тридцать начало у меня постепенно складываться и лет через 8–10 оформилось окончательно понятие о сочетании беспощадного реализма с беспощадным романтизмом. И это стало правилом для меня. И в мыслях моих, и в переживаниях, и в действиях, и в оценках, и в восприятии реальности. Это одна из фундаментальных вещей во мне. Многие, скажем так, экзотические аспекты реальности для меня являются абсолютно реальными и прожитыми и благодаря своей практике, и благодаря практике людей, с которыми я общался. Я знаю, что реальность гораздо многообразнее, чем принято думать. Мне кажется, что я достаточно прилично знаю законы Мира Чудесного и правила пользования возможностями Мира Чудесного. Правила ведь простые – осмысленность прежде всего. Точное “зачем”. Реальная необходимость. Никогда не баловался с этим. Многие, ну не многие, но энное количество моих знакомых не очень четко выполняли эти правила и погибли. Либо в прямом смысле слова, либо в переносном. То есть они физически живы, но погибли.

Был такой период в моей жизни – я много, как теперь говорят, в тусовке провел времени, эзотерической. Знаменитый такой был Фурманов переулок в Москве.

Много разных знакомых было с разными способностями. Но глубоких людей там встретил мало. В основном та же социальная суета, только на почве телепатии, биополя и прочего загадочного”.

– Хочу научиться учиться.

– Хотя, но только долго.

Из разговоров

Голос: Расскажите о нирване.

К.: О нирване?

Голос: Да.

К: Вы знаете, у Аркадия есть совершенно замечательный рассказ. Как же он называется-то? Какая-то фамилия и Будда, и Будда.

Голос: “Будда и Дегтярев”

К: А, “Будда и Дегтярев”. Там замечательно все рассказано про нирвану, сансару.

Голос: А подробнее?

К: Если говорить серьезно, ребята, то я думаю, что нам это все просто недоступно. Мы живем совсем в другом мире, совсем другой жизнью. И поэтому, что там имел в виду Будда и иже с ним? Это очень сложные вопросы. И недоступны, практически, для нас. Вот если бы мы жили как они. Медитировали как они. Может, мы о чем-нибудь бы и догадались. А так... Это все философствование получается. Я думаю, что Будда был не меньший шутник, чем Лао-Цзы. И поэтому понимать его буквально вообще не стоит. А не буквально – надо знать контекст. Ключи надо иметь, ключи. А ключи, как известно, получить очень сложно. В любой традиции. В том числе и в буддизме. Поэтому наши разговоры о нирване, сансаре – это все очень, очень отвлеченные беседы. Вот читал я этого нашего главного индолога, который переводил все это дело. И комментировал. Ну опять же переводил и комментировал западный человек, с западным образованием, с западным мышлением. А там у них вообще доминантное полушарие другое. Мы читаем слева направо, а они справа налево. Мы читаем с начала (то, что мы называем началом книги), у них это конец книги. Как у иудеев, кстати говоря. Так что... Понять людей, у которых совсем другая конструкция, очень сложно. Я помню, смотрел... многосерийный фильм на видео. Про Японию средневековую. “Сёгун”. Как мы можем это понять? Когда даже представить это сложно. Такое отношение к жизни, друг к другу. Восток дело не только тонкое, как в известной песне поется. Ну еще в Средней Азии, если там пожить да пообщаться, то еще как-то, что-то можно краем заглянуть. А уж... Индия, Тибет, Япония, Корея. Если всерьез, это – просто недоступно. Я лично для себя такой вывод сделал. Я не верю в то, что человек может все на свете. Конечно, если попасть туда в младенчестве, там вырасти, может быть, как-то, что-то. Я помню эти притчи. Услышал человек Зов, бросил дом, семью, отправился в монастырь учиться, чего-то постигать там, каратэ или кунь-фу, что-то в этом духе. Его посадили в зал, где люди тренируются, и... груз на веревочке, блок. И вот пальцами поднимает, опускает. Поднимает, опускает. Народ тренируется. А он – поднимает, опускает. И так год. Не выдержал, плюнул. Думает: “Господи, у меня там жена, дети режут голодные, а я тут... хрен знает чем занимаюсь!” Идет из монастыря домой, в непогоду, слякоть. Сопли текут. Он хотел пальцами нос утереть, смотрит, а в руках – ноздри. Развернулся, пошел назад в монастырь.

Как это понять нам? Никак. Вот мы можем только хихикать – и все тут. Или скажем, на Тибете. Мальчику делают гороскоп, рассказывают ему все, что с ним будет. И все так и случается. Он все знает заранее. Мы можем об этом только ля-ля-ля, фа-фа-фа, ля-ля-ля, фа-фа-фа... Поэтому люди и любят всякую экзотику, потому что это отстранено. Об этом легко говорить, легко рассуждать. Потому что это что-то такое непонятное. А когда просто и понятно: “нулевку”, например, час держать. Это уже сложнее гораздо. Так что давайте оставим в покое нирвану и сансару. Мы от этого прыгать выше не будем. Не надо таких громких слов, пожалуйста, а то я напугаюсь.

Новый этап жизни – осуществление традиции в социуме. Новая задача связана с тем, чтобы создать открытый мир традиции. Для того чтобы такой мир создать, нужны такие люди из тех, что живут в традиции, которые были бы социально интересны. Вот и все. А как они будут социально интересны? Я, например, стал художником. Такой интересный, довольно-таки интересный художник (смеется). Во всяком случае, могу общаться с художниками, не смущаясь, что я художник. Есть тысячи вариантов. Весь вопрос в том, чтоб стать социально интересным и при этом остаться человеком традиции. Чтоб уметь здороваться вовремя, “до свидания” говорить, поддерживать интересную беседу, не выпячивая себя обязательно на первый план. Уметь пользоваться вилками, ложками, уметь носить одежду, соответствующую

данной ситуации. И так далее, и тому подобное. Начинайте с простого. Затем: быть человеком, у которого всегда избыток энергии, масса творческих идей. Образованным. Воспитанным в соответствии с данной ситуацией. А уж кто в каком социуме будет интересен – это уже другой вопрос. Как принято говорить, чтоб была яркая личность. Ну такая прямо яркая (смеется), чтоб что-то делать умел. Классно делать. Высокопрофессионально.

Кстати, о буддизме. В дзен-буддизме есть такое понятие: мастерство без мастерства. На эту тему притча посветительская. “Стоит мастер стрельбы из лука. И стреляет с пятидесяти шагов в глиняные горшочки. И каждым выстрелом разбивает стрелой горшочек точно пополам. Мимо идет странствующий дзенский монах. Присел, смотрит, как мастер стреляет. А мастер его подкусывает: “Вот, вот, ты – бродяга, попрошайка. Ни черта не умеешь. Вот взял бы хотя бы из лука научился стрелять, как я”. Монах отвечает: “Я вообще-то не пробовал, я попробую”. Встает так, чтобы пятки были над пропастью. Говорит: “Извини, я с открытыми глазами боюсь очень”. Закрывает глаза. Стреляет. Разбивает горшочек точно пополам.” (пауза).

Есть другой, интеллектуальный подход к этой же проблеме “мастерство без мастерства”. В металогикике говорится, что тот, кто знает хотя бы четыре слова из метаязыка, владеет миром. Такой вариант. Еще другой вариант. Опять же из дзен-буддизма. Вот, представьте себе, что вы бы захотели действительно приобщиться к дзен-буддизму. Вы можете проделать с собой то, что проделал герой этой притчи. Буквально это сделать.

Герой этой притчи пришел к мастеру меча. И попросился к нему в ученики. Мастер говорит ему: “Езжай в деревню Антоновка, каждое утро выходи, садись на перекрестке и от рассвета до заката солнца вынимай меч и вкладывай его назад в ножны, вынимай меч и вкладывай его назад. Через три года придешь”. Герой притчи был восточный человек, он привык отвечать за свои слова. Мастер сказал – он пошел. Поселился в деревне Антоновка. И каждое утро выходил на перекресток. И вынимал меч из ножен, и вкладывал его назад. Иногда ему бросали кусок лепешки. Год прошел, второй год прошел. На третий год вокруг него стали люди присаживаться, сидеть рядом с ним. Задавать ему вопросы про жизнь. И стал он через три года известным мастером вынимания меча из ножен и вкладывания его назад.

Еще восточная история. Рассказывал один мой знакомый, инженер, который занимался здесь, подмосковным каратэ. Попал он как-то по контракту во Вьетнам. На стройку чего-то социалистического. Ну, естественно, познакомился там с ребятами. Бегал с ними, тренировался. И обратил внимание, что в зале каждый раз, когда они тренируются, какой-то молодой мужчина, пока они бегают, разминаются, руками-ногами машут, стоит у стены и делает одно и то же движение руками. И больше ничего. Два часа, три часа так стоит, а потом уходит. Заинтересовался наш инженер. Говорит: “Ребята, познакомьте меня с человеком. Что такое, не понимаю?” Они говорят: “Это очень уважаемый человек. Хорошо, мы тебя познакомим. Ты – наш друг, ты приехал из далекой Москвы”. Подвели, познакомили. Молодой человек спрашивает: “Тебе сколько лет, русский, тебе сколько лет?” – “ Мне двадцать пять уже”. Он говорит: “А мне 76, и я хочу еще пожить”. Попробуйте.

– ...?

– Да вы что? Что вы? Вот. О-о-о. Это уж о-о-о! Три года делать одно и то же, да вы что? Где вы видели такого западного человека? Я тридцать лет этим занимаюсь, и то вы сомневаетесь: умею ли я что-нибудь, потому что вы аж... пару лет об этом говорите. Я вас не осуждаю, ради бога, я вам объясняю, что говорить про сансару и нирвану, будучи абсолютно западным, жадным, нетерпеливым, с забитыми всякой всячиной мозгами человеком, бессмысленно!! Просто бессмысленно. Когда я впервые попал в Среднюю Азию, больше всего меня поразило, как это они в своей любимой позе – на корточках, у дороги, в ожидании чего-то там – попутной машины, или что. Часами! И никто не дергается, что машины все нет и нет. Ну, нет, ну, приедет. Сидят, о чем-то разговаривают или молчат. Помню, я однажды приехал к Мирзабаю. Повезло – один был. Везуха, конечно, страшная. Потому что никого нет, всё, значит, как бы тебе, тебе любимому. Пошли мы с ним. Говорит: “Пойдем к моему другу. Тут на стройке – сторожем”. Пришли мы к этому сторожу, в сарайчик, сели. Час они разговаривают, я ничего не понимаю, естественно. Два часа они разговаривают, а Мирзабай только... Я вижу, что он

краем глаза за мной следит – я сплю уже или еще нет, и вообще, я помню, где я, кто я, зачем я? Ну вот, так сидишь, представляете: ночь, лампочка горит без абажура, маленькая, на сколько там – двадцать свечей, и они бормочут тихонько. Единственное, что помогло, Мирзабай – человек добрый, он через каждые полчаса говорил слово, которое очень похоже на мое имя: “Игорьга”. Я так слышал: “Игорьга”. Я и вздрагивал на него: я – здесь. А теперь представьте себе, что вы пришли, и я три часа (*долго говорит не по-русски*)... Я могу. Я могу пять часов так сидеть и говорить, не останавливаясь причем. Но что это вам даст? Вы ж – западные люди. Ничего не даст. Будете сидеть и думать: “Что он делает?” Да он ничего не делает! В это трудно поверить, понимаете? Ну ничего не делает! Сидит вот – и так (*опять говорит не по-русски*)... Если вставлять иногда знакомые вам слова и некоторые ваши имена, о-о-о – во практика! Это вам не псевдомедитация какая-нибудь. Первые полчаса – еще ничего, вторые полчаса – уже сложно, а когда дело перевалит на третий час... А мы не можем. О-о-о, три часа – и ничего не делаем. Что же это? Не, три часа можно в телевизор, пожалуйста, да и то надоест, а вот... Мастер должен рассказывать понятные, нужные нам вещи, которые мы можем использовать, для чего – неизвестно, но на всякий случай. Мы все знаем уже: что кто должен, кто такой Боддхисаттва, кто такой Архат, чем они друг от друга отличаются. Мокши, шмокши. Мы все знаем. Чему учиться, когда мы уже все знаем? Это наша трагедия. Мы все знаем, все читали, обо всем слышали, лично, правда, не знакомы, но все-таки... А потом выясняется, что мы своего литературного, Евангелие, не знаем.

Я помню, у нас был замечательный педагог в Щукинском училище – Моисей Соломонович Беленький. Он по доносу обиженной студентки, которой поставил двойку, просидел шесть месяцев. Почтенный человек. После этого он студентов боялся как огня. Но изменить себе до конца, говорить только про марксизм с ленинизмом он никак не мог. И вот прихожу я к нему сдавать жуткий предмет, такой предмет был – исторический материализм. И мне везет, я – везунчик, я вытягиваю билет: “Религия как предмет культа и религиоведение как наука”. Я выхожу, говорю: “Моисей Соломонович, я вам буду отвечать на этот вопрос на примере Евангелия”. Он говорит: “Вы что, Евангелие читали?” Я говорю: “Конечно, читал”. “И Библию?” Я говорю: “Конечно, и Библию тоже”. – “Идите, пять” (*смех в зале*).

Я его очень удивил. А это все-таки режиссерский факультет. Как бы люди, которые будут ставить спектакли, где полно коллизий, аллюзий, метафор, взятых из Ветхого и Нового Завета. А они не читали. Я уж там не говорю – Бердяев, Соловьев, Флоренский, Федоров, отец Аввакум. Зачем? Будем читать иностранных авторов – там непонятнее, и от этого безответственной. Ну, ляпну невпопад, зато как звучит! Я специально придумал, даже не придумал, а родился у меня такой неожиданный вид живописи, так называемые махакалы. Вы думаете – я знаю, что это такое – махакала? Меня сын старший просвещал, просвещал, я так и не смог запомнить. Он этими словами сыпет, он знает это все, в этом живет. Махакала от немахакалы отличает там запросто по восьмидесяти шести признакам. Конечно, это не махакала в смысле том, но вот мне так захотелось назвать – махакала, понимаете, шутка такая. “А что, известный ведущий не может на пять минут сойти с ума? Может, конечно”. Так что все это очень опасное занятие. Опасное именно своей безответственностью. Мой товарищ и коллега Олег Бахтияров всегда действовал так: кто-нибудь приходил и говорил: “Я, там, типа, – дзен-буддист”. Он говорил: “Так, китайским владеешь? В подлиннике читал?” – “Не-е”. – “Чтоб я от тебя слова про это не слышал, или не приходи совсем!” И он прав. Он прав. Видел я одного человека, он всерьез хотел в чем-то там разобраться. Он начал с того, что изучил тибетский язык. Это понятно – человек действительно что-то хочет знать, вот это я понимаю. А то у нас как: духовность – сразу – выше, быстрее, дальше. Куда выше, куда быстрее, куда дальше? И что поразительно – ведь есть вещи, на которые никто не покушается, ну скажем, все понимают: чтобы научиться более или менее прилично играть на скрипке, нужно настроиться хотя бы на десять лет учебы. Все понимают? Все понимают! А научиться играть на себе, я не говорю – на других, на себе – вы хотите за тридцать дней. Можно, конечно, возмущаться, но это бессмысленное занятие. Поэтому остается – смеяться, улыбаться сдержанно, чтоб не обидеть. Другой раз не удержишься, продемонстрируешь какую-нибудь “ерундицию” в области

психологии – так еще и обижаются люди. Я сразу начинаю вспоминать времена революции: “Ишь ты, очкастый, ишь ты, интеллигент, к стенке тебя, к стенке! Шо ты нам пролетариат забижаешь?” Вроде даже неудобно демонстрировать свою осведомленность в каких-то вопросах, приходится придуриваться и говорить на языке журнала “Знание – сила”. Это в лучшем случае. Если человек не в состоянии отличить “искусственное” как прилагательное с отрицательной окраской от “искусного” как прилагательного с положительной окраской – ну, что я буду спорить с таким человеком, о чем? То, что мне кажется неестественным, механическим, насквозь рефлекторным, этому человеку кажется естественным, это – его право. Мое право – не соглашаться. В такой ситуации дискутировать обычно бесполезно. Я уже много лет общаюсь с людьми, всякое знание пытался пропагандировать: книжки, лекции, беседы. Для кого-то это – было, для кого-то – нет. Я просто думаю, если с человеком случилось такое переживание, и какой-то момент стал для него субъективной истиной, и он в это верит, то хоть ты как его убеждай, разубеждай, агитируй, пропагандируй, пока не случится другого переживания – ничего не произойдет. Человек верит согласно своим субъективным истинам, на то он и субъект, он не принимает никаких объективных доказательств. Он может согласиться, он может логически вместе с вами убедиться, что – если вот так, то – так, так, так. Но поступки он будет совершать, и реагировать эмоционально, и выборы делать – только в соответствии с теми моментами, которые он пережил как субъективную истину. С этой точки зрения никакой объективной истины вообще не существует. Иначе чего бы ученые одного и того же научного направления между собой так жарко спорили? У этого синхрофазотрон, и у этого – синхрофазотрон, у одного – эксперимент, и у другого – такой же эксперимент, у одного – такая статистика, такие картинки, и у другого – такие же картинки, а они спорят до хрипоты. Позитроны там, или не позитроны, или еще там бета-частицы, кварки, и прочая. Вот я ко всему подхожу психологически. Как меня обвиняют социологи: “Вы, – говорят, – к социальным явлениям подходите психологически, поэтому вам легко”. Может быть. Вот простой факт. Смотрю – ученые спорят, оба с мировым именем, что – этот, что – тот. Но они все еще спорят. Где же эта объективная истина? Кто ее придумал, кто ее видел? Познакомьте меня с этим человеком! Может, он меня с нею познакомит? Есть общепринятое мнение. Что такое общепринятое? Это значит – процентов сорок-тридцать, контрольный пакет акций – да. У ситуации данной, данной выборки, как говорят социологи, такое мнение. Это называется “общепринятое”. Какое оно общепринятое? Ну, в лучшем случае оно общевысказанное. Все проголосовали за это. Что они при этом думали, и почему они голосовали за это? Чтобы понять, отдельное исследование надо проводить. Одному нравится – говорит: “У, какая вкусная вода “Эвиан”. Другой пробует, говорит: “Да что это такое! В нашей луже – гораздо вкуснее”. Кто прав? Оба. Для многих людей то, что все правы, оказывается печальным обстоятельством. Левых – нет, психологически правы все, потому что они так думают, потому что они в это верят, потому что они в этом убеждены, потому что их личный субъективный опыт привел их к субъективному переживанию этого как истины, а не чего-то другого. Мораль какая? Занимайся собою, и у тебя все получится. Зачем нужен другой? Другой нужен только в том случае, если он что-то умеет, чему ты хочешь научиться, но не умеешь, то есть нужен тренер. Если он может выступить по отношению к тебе как тренер, инструктор, то есть научить чему-то, тогда он нужен. Но это, как известно, ситуация временная: научился, сказал “спасибо”, или там заплатил денежку, сказал “спасибо”, или просто заплатил денежку – не сказал “спасибо”, или ни того и ни другого – развернулся и ушел, сказав: “А, я в тебе разочаровался”. Тоже хороший вариант – на халяву. Но ты научился чему-то конкретному, и тебе не нужно из этого человека делать бога, ставить его на пьедестал, объявлять его виновником всех своих ошибок и соавтором всех своих побед. Ни в коем случае! Тренер – он есть тренер. Я, знаете, работал со спортсменами высокой квалификации. Они как два-три соревнования выиграют, как о них начинают говорить, первое, что делают, – к тренеру претензии предъявляют за все, что было: “Ах, ты меня мучил, ах, ты у меня забирал мои любимые кроссовки, ах, я тебе отдавал то, ах, се”, – вместо “спасибо”. Он же уже рекордсмен мира, зачем ему теперь тренер? Нормально. “Свинья под дубом вековым, нажравшись желудей досыта, до отвала, едва глаза продравши, встала. Как рылом...”, – я не

точно цитирую, – “подрывать у дуба корни стала”. Понимаете, логика нормальная. И сколько ей с дуба ворон ни объяснял, учитель, мастер, наставник, гуру, это ее никак не убедило. Для нее желуди лежат на земле, а понять, что они падают с дуба... надо дуб повалить – и все желуди – мои. Все. Подумаешь, потом не будет – другой дуб найду.

Меня всегда поражала эта, опять же посвятительская, опять же буддийская, притча. Можно прожить рядом с самим Буддой тысячу лет, выполнять все его указания, все – заметьте, и ничего не произойдет. Я когда это первый раз прочел, думаю: “Да як же ж, что же, что такое? Как это вообще понимать? Значит, с одной стороны Будда. Просветленная сущность. Правильно? Вот я около него. Выполняю все указания. Все до единого. И со мной ничего не происходит. Почему? Почему? Как? Как? Почему? Я не знаю. На вас действует? Не действует. Я в ужасе был. Полном. В свое время. Я думал: “Тут какая-то скрыта очень важная вещь. Как до нее добраться?” Я приставал к знакомым буддистам. Они тоже как будто первый раз слышали: ну, значит, не дано ему. Я говорю: “У человека же вот Будда рядом, и он выполняет все его указания. Почему ничего с ним не происходит?” Да потому, что он **рядом** с Буддой. Он не в Будде. А он рядом с Буддой. И он выполняет указания, но внутри у него Будды нет. И поэтому он все понимает буквально. Да, он молодец, молодец. Хороший, хороший. Все делает правильно, как сказали, так и делает. Молодец. Помощник. Но он сам по себе. А Будда сам по себе. Будде-то ведь все равно. Он будет ждать и две тысячи лет, и всю кальпу. У него нет никакой заинтересованности. Этот человек заинтересован не в том, чтобы впустить в себя Будду и стать Буддой, а в том, чтобы быть рядом с Буддой, чтоб все знали: Я – особа, приближенная к Будде. Я выполняю все его указания. Все знают об этом? Все! Вот так, а я пошел к Будде выполнять следующее указание. Вот и весь его кайф. Тысячу лет. Представляете?

“Ах, личность, личность, где ты ныне?

Какие топчешь ты цветы,

неописуемой красы,

в угоду собственной гордыне?”

Ну зачем выполнять указания, которые ты внутренне не приемлешь. Да пошли ты этого Будду! Куда можешь. Скажи: “Не буду я этого делать, потому что не понимаю, не согласен, и душа моя к этому не лежит”. О-о-о! Тут Будда приподнимет веко, посмотрит на тебя, подумает: “О-о-о, что-то в этом человечке есть. Он, кажется, хочет не выполнять указания, а чего-то другого”. Насколько я понимаю, в отношениях с учителем главное – искренность. Все остальное – это ерунда.

Ну что еще можно? Можно прикинуться. Это все, ну, рядом с учителем.

– Все. Не понимаю, не хочу. Не согласен.

– Прекрасно. Пошел вон.

– Да, пойду вон. Ушел.

Так ты стал к нему ближе от этого. А не дальше. Ближе. Потому что нет ничего драгоценнее искренности. Человека тогда видно. Кто ты такой, я кто такой – если это искренне. А иначе же – это... Один..? Это кнопка, большая красная, под названием “власть”. Либо желание властвовать, либо – желание подчиняться. Учиться – это не подчиняться, это вообще не имеет отношения к власти, ни вашей над учителем, ни учителя над вами. Если учитель заинтересован во власти над нами, это – не учитель, это – социальный лидер, который использует ваше желание быть рядом с ним для делания своих дел. Я ж всегда объявлял публично, со сцены. Я говорю: “Ребята, я делаю свои дела, я ничего другого не делаю. Хотите присоединиться – пожалуйста”. Зафиксировано на аудио- и видеокассетах. Человек приходит, говорит: “Я хочу у вас учиться, Игорь Николаевич”. Да учись на здоровье, чего заявлять даже об этом, учись. Нет, он же должен получить погон, на котором написано: “Ученик Игоря Николаевича”, значок: “Первый курс”, нашивка: “Старшина”. Вот тогда он чувствует, что он ученик и учится, т.е. выполняет.

Вот опять же восточная притча. Странствовал учитель с учеником. Тот во время дождя раскрыл зонтик над учителем, учитель его обругал: “Что, я тебя просил раскрывать зонтик? Что ты лезешь со своими инициативами!” В другой раз опять дождик, ученик идет, ему хочется раскрыть зонтик, он не раскрывает. Учитель опять его обругал: “Да что ты допускаешь, чтобы мокнул твой учитель. Ты хочешь, чтобы я простыл и умер?” Тот: “Ы-ы-ы”. Не нужен учителю слуга. Ему нужен ученик. Разберитесь, вы чего хотите? На службу устроиться или учиться? Знал я одного человека, который обещал просветление через год за небольшую сумму в тысячу долларов. Умер в тюрьме за убийство своего лучшего друга, вернейшего ученика, который на него молился и всерьез верил, что он – Боддхисаттва. Не играли они, всё всерьез. И до сих пор находятся люди, которые оправдывают это событие: не зря, мол, погиб человек, за святое дело.

Дело в том, что, когда читаешь всякие тексты, нужно очень долго думать, думать, узнавать, чтобы понять, что там сказано, собственно говоря. У меня есть друзья, мои помощники, замечательные люди, которые действительно работники. Но из-за этого им почти некогда быть учениками. Они почти никогда у меня ничего не спрашивают по существу вопросов. Но они учатся. Не у меня – сами у себя, потому что работают. Работа их учит. А другие очень много спрашивают, ходят на все мои лекции, слушают все кассеты, смотрят всякое – ничему не научились. Ну, слова разучили некоторые, и все. Цитируют просто слово в слово – и ничего. Потому что не работают. А есть, немного – но есть, которые хотят все-таки прорваться, хотят, чтоб я в них был. Они верят в меня и хотят, чтобы я был в них. Но это очень редкий случай, а я тем более не Будда, даже не Лао-Цзы, так себе – Игорь Николаевич. Вот и придумывают мне всякие разные клички, чтоб торжественнее звучало: Мокша, что там еще, Шейх, Мастер. Ну что такое Игорь Николаевич?

Но если я Мастер, почему вы у меня не учитесь тому, что я умею? Да, я профи, в некоторых вопросах я – профессионал, я умею это делать. Так почему никто не хочет научиться это делать? Все хотят об этом знать, а потом говорят: “Ну, это еще не известно”. Вот, жалко, нет Константина Викторовича. Я однажды ему показал, что я умею делать в той области, которой он занимается (кун-фу). Он бы подтвердил вам, что я умею. Но никто из тех, кто тогда присутствовал при этом, не захотел научиться. Делать этого никто не хочет. Потому что, чтобы научиться, надо же на время стать студентом. А как же. Студентом, я?

Есть замечательная суфийская притча. Место действия – гробница великого суфийского святого. И паломники, идут, идут, вокруг могилы три раза обходят, молитвы читают, дотрагиваются. Все делают, как положено. Но что-то реальное происходит только с теми, кто заходит в чайхану по соседству и общается с чайханщиком. Оказывается, великий святой оставил свой халат, то есть передал свое бараке именно ему. А в могиле уже ничего нету. Но паломники: “Ну, чайханщик – это что! Вот про святого точно известно – уже умер, поэтому точно известно – великий святой. О!”

Лечу я в самолете. Первый раз был у Мирзабая четыре дня. Ну, там, со всякими приключениями, с поносом на прощание. Наконец добрался до самолета. Рядом со мной сидит почтенный человек, интеллигентного вида, как потом выяснилось – специалист технического профиля. Он меня спрашивает: “Где вы были?” Я говорю: “Был...” – не рассказывать же, что к Мастеру ездил, это неприлично – постороннему человеку рассказывать. Говорю: “Вот, ходил тут, странствовал, в Султан-Баба был, у гробницы”. “А вы знаете, – говорит он мне, – у нас там в Султан-Баба есть такой человек – Мирзабай, у него бараке пророка Мухаммеда”. Потом выяснилось: он – кандидат технических наук. Случайный сосед. А вы говорите – Восток. Ну и что мне после этого было делать, если вот как раз накануне в этой самой Султан-Баба после посещения этой самой гробницы, когда у меня было там видение, я впал в экстаз и стал говорить: “Мирзабай, ты – Бог”, он так надо мной посмеялся, над моими лучшими чувствами. А тут этот, в очках, интеллигент, летит в Москву, в командировку, мне сообщает. Вот и живи после этого в терзаниях. И все это продолжалось, пока я однажды не увидел, как Мирзабай виноградину в пальцах катает во время бурного проявления эмоций. Машет руками, как бы спонтанно, а виноградинка цела остается. Это для меня был субъективный момент истины. И мне стало неважно, какое у него бараке и какое у него звание. Я этому человеку... я увидел.

Если я когда-нибудь научусь этому, если вот этому я научусь, то мне крупно повезет. Восемнадцать лет с ним общаюсь, еще ни разу ни рискнул – боюсь, а потом думаю: ну, восемнадцать, ну, сто восемьдесят, ну, ладно (*смеется*) – боюсь! А что вы думаете? Разным вещам у него уже научился, а вот это проверить – боюсь. Знаю, какое устройство во мне срабатывает, на языке психологии все могу рассказать – почему боюсь, и все равно. Ну теперь я так говорю: не хочу я пробовать, вот не хочу.

Один друг мой говорит мне не так давно: “Ну вот, Игорь, ну почему так, вот тебя все любят, а у меня ну вечно какие-то неприятности?” Ну, не буду же я ему говорить, что он просто не научился у меня это делать. Это можно делать. Скажет: “Искусственно, неестественно”. Я ему рассказал просто эпизод из своей жизни: поехал я с геологами в экспедицию. И вот мы причалили на лодках. И надо было все вещи затащить на косогор, в гору. Я таскал наравне со всеми. Поздно вечером вызывает меня к себе начальник партии, женщина, и говорит: “Игорь, вы знаете, мне сказали, что вы, – и так ищет слово, как бы помягче выразиться, как бы юношу не травмировать, – ну, в общем, сачок”. Я стал красный, белый, опять красный, опять белый. Говорю: “За что?” – “Ну вот вещи со всеми таскали на косогор”. Я говорю: “Я же наравне со всеми!” Она говорит: “И наравне с Валентином Николаевичем?” А Валентин Николаевич – старший геолог, ему было пятьдесят тогда шесть лет. И тут я покраснел окончательно, попросил прощения, и с тех пор я никогда не оглядывался, кто сколько делает. Я делал столько, сколько мог, на максимуме, и через месяц меня геологи простили, приняли в свои. Месяц они еще не могли забыть, как это я наравне со всеми таскал на косогор тяжести. Так и в жизни: если вы будете оглядываться и подсчитывать, кто сколько сделал по сравнению с вами... По максимуму, и не оглядываться. Тогда может что-то получиться.

Вот я сижу дома, здесь. Формально-то у меня работа, если не считать по пространству – один раз в день с вами встретиться. Валяйся на диване, езди на природу, дыши свежим воздухом. А я ничего не вижу, кроме своей квартиры и вот этого зальчика. Или я все рисую, рисую, рисую как сумасшедший. И люди приходят – с ними разговариваю, или рисую, или разговариваю и рисую одновременно. Что меня – заставляет кто-нибудь? Нет. Я уж давно мог лежать на диване и принимать подношения. Я просто знаю, что если я начну оглядываться: я, мол, столько потрудился, могу уже и отдохнуть, – все, конец мне, амба. И никаких указаний я не жду. Нет, бывает, случаются указания, но это не потому, что я сижу и жду указаний. Вон вчера, взяли, на полуслове, можно сказать, песню оборвали, сказали: хватит. Я аж вздрогнул. Да, давно меня так не останавливали. Думаю: да, увлекся, парень. Я имею в виду то, что показывал вам ночью.

Много хороших мудрых мыслей сокрыто в разных текстах. И у Будды, и у Магомета, и у Иисуса, и у пророков, и у мастеров. Но вычитать, вычитать это сложно. Бывает, пройдет несколько лет, и вдруг открывается: а, вот же там о чем! И это нормально. Пока сам не изменишься в эту сторону, конечно, нечем воспринять. Помните: “Как это у них, у ежиков?”

Вы хотя бы анализируете: а чего вас так тянет ко мне? За что вы деньги платите, на что вы время тратите? И слушаете, слушаете, смотрите? Себе самим-то ответили, или боитесь спрашивать себя на эту тему? А то иногда по вашему поведению воинственному мне кажется, что вы и не задумывались над этим. Поэтому у вас такие сложности иногда возникают. Я вот к Мастеру езжу, никогда у меня не было там какой-то агрессии или желания обидеться на него, например. Я знаю, чего я еду к нему, что во мне туда едет, какое место, мне там хорошо! А от вас иногда такие амбивалентные чувства... По-научному – амбивалентные, по-нормальному – противоречивые. Вы вдруг начинаете злиться на то, что вас ко мне тянет, но злитесь вы не на себя, а на меня. Я не соответствую вашим ожиданиям, по-иностранному. По-русски – вашим ожиданиям. В чем проблема? А если соответствую – тогда в чем проблема? Ловите кайф, ловите миг удачи, пусть неудачник плачет, кляня отсутствие денег, которые не позволили ему сюда приехать. Ну он же знает, что я согласен с Гурджиевым: если человек не может решить простые жизненные проблемы, то какой духовностью он может заниматься? Не дорос еще. Так говорил Гурджиев.

“Если ты не можешь заработать денег, чтобы доехать до своего учителя, так что же ты можешь тогда вообще?” Медитируй, медитируй, и рассказывай всем, что ты на расстоянии все слышишь, видишь и ощущаешь. Доказать это ты, правда, не можешь, но если кто усомнится – очень обидишься. Это и будет: “Мамой клянусь”.

Помните, Александр Михайлович рассказал замечательный анекдот: грузинская школа. “Сандро, расскажи теорему Пифагора”. – “Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, учитель”. – “Докажи”. – “Мамой клянусь!”

Иногда люди не из нашего социально-психологического мира спрашивают: “Расскажи про Школу”. Начинаете заученные слова повторять. Вам говорят: “Докажи!” Вы обижаетесь. Многие. Понимаете, обижаетесь на людей за что-то. Они вас просто спрашивают, искренне: объясни! Бе-ме-ме-бе. Верую, потому что не понимаю. Ну, веруй себе на здоровье, что ж ты к другим пристаешь со своей верой? Они не хотят так верить, они хотят по-другому верить: верю, потому что нравится, верю, потому что думаю, что понимаю, и так далее. Вариантов же много. Да, жизнь – вот она, видите, огорчает нас все время своим разнообразием. Только что-то настроишь, выстроишь логическую цепь, и вдруг – блям – да что такое, опять какой-то боковой вариант. Только я создал такой прекрасный мир, все у меня как часики работает, все на своих местах – а мне говорят: бросай! Ну, хорошо – будем бросать. Правда, бросание затянулось. Но как хороший актер я должен три раза выйти на поклон. Что же один раз-то? Столько играл, тридцать лет играл, по одному поклону за каждые десять лет. Немножко оваций. Зато у желающих появляется шанс, даже два шанса: один шанс – наконец-то от меня избавиться, а второй шанс – попробовать-таки пробраться к этому гаду, в логово империализма, и может быть, чему-нибудь научиться, наконец, кроме того, чтобы выполнять указания.

Ох-ох, ребята, ребята! Хорошо. Чего бы еще вам порассказывать?

Биография от Себя, рассказанная Игорем Калинаускасом (он же Николаев, он же Силин)

Я расскажу вам свою биографию. Но не в том смысле – родился, женился, умер. Постараюсь рассказать о тех событиях, переживаниях, которые, как мне видится, были значимыми. А то про мою биографию тоже легенд более чем достаточно. Пора уже... Чего я волнуюсь-то так, а? Наверно, потому, что сама по себе ситуация, конечно, сложная, хочется, с одной стороны, сделать все максимально искренне, с другой стороны, понимаешь, что это невозможно. Мне кажется, когда человек рассказывает свою биографию, это каждый раз немножко другая биография, все зависит от того, что всплывает. В отличие от анкетных данных, которые... и то я помню, что, когда заполнял анкеты, “место работы” каждый раз другой набор был, потому что не умещались на анкете все места работы.

Первый значительный факт, наверно, состоит в том, что до 5 лет я о себе ничего не помню. Вообще ничего. А поскольку мои родители не отличались особой говорливостью на эту тему, то я ничего не знаю ни про то, как они встретились, ни про то, как соединились. Знаю только то, что родился в городе Новгороде, что роддом был в барже, что отец меня оттуда быстро забрал вместе с мамой, потому что там бегали крысы, одному младенцу отгрызли ухо. Ну, это рассказы... Никаких засечек в активной памяти не существует, просто чистый лист, пустое пространство.

Первое воспоминание относится к возрасту 5 лет, оно очень короткое: мы на извозчике едем от вокзала до первой квартиры, на которой мы жили в Вильнюсе. По полуразрушенной улице Шопена. Но я не знал, что это Шопена, потом узнал. Следующие воспоминания относятся... ну, к возрасту где-то пять с половиной лет. Тоже не очень много их. Это вторая квартира, у которой была общая, с кабинетом отца, передняя. Входишь, налево – кабинет прокурора литовской железной дороги, а прямо – вход в нашу квартиру. Стол, под которым мы с братом, младше меня на два года, играли. Потом, это уже шесть лет, весна. Мы греемся на солнышке, загораем на крыше этого дома. С мальчишками. Роман в последней группе детского сада... такой длинный роман был: в детском саду начался, в первом классе закончился. В общем помню, что атмосфера у нас в этом возрасте была очень сексуальная, что касается противоположного пола, такая, я бы сказал, вольная. Что еще... – депо, где мы собирали медную проволоку, какие-то куски меди, сдавали их в утиль и на эти деньги покупали мороженое или ходили в кино. Кинотеатр в один этаж такой, барак. Там я смотрел “Маленький Мук” – фильм такой, который американцы подарили. Будущая моя школа, к которой... это уже осень? Да! Подвозили на лошади с телегой ящики с лимонадом, такие с пробкой фарфоровой бутылки, как сейчас пиво “Гролш”. И мы воровали, выпивали этот лимонад и разбивали бутылки для уничтожения следов. Потом последнее мгновение, несколько минут, перед тем как меня столкнули в лестничный пролет – мы стоим на этой площадке, вниз идет лестница в подвал. Подвал очень глубокий, лестница в два пролета, над первым пролетом окно, заложненное мешком с опилками, и мы из самодельных луков туда стреляем. Кто-то меня толкает. Следующее, что помню: я лежу внизу в подвале, в камерке дворника. На мне разорвана рубаша, и меня поливают водой. Следующее: уже больница. Побег через окно на картофельное поле, картошка в тумбочке. Потом: на улице города попрошайничали. Если бы меня батя застукал, я не знаю, что бы было. Я убрал руку за спину, ребята надели на меня рубашку, сел, положил кепку и так насобирав нам всем на кино и мороженое. Помню тайные свидания с девочкой, с которой был роман в детском саду. Уже в первом классе тайное свидание. Я приходил к ней, когда не было родителей, и мы играли в эротические игры. Помню, как залез в вентиляционную

систему. Это был старый дом, немецкой постройки, вентиляционные шахты, как в американских боевиках. Я пробрался к какому-то окошку в классе, а внизу учительница, класс меня видит, а учительница нет. Я корчил там рожицы, и весь класс начал ржать. В конце концов меня засекли, вызвали, привели к директору, такой суровый мужчина директор, он отправил меня домой за родителями. А мы уже переехали на другую квартиру, от школы довольно далеко. Я шел и думал, как я приду... папа мне... Стою в подъезде, думаю, куда бежать, планы строю, значит. Тут идет директор, видит меня, говорит: “Николаев, ты чего это тут стоишь?” Я говорю: “Да я... представьте себе...” – чего-то я ему там объясняю, как к отцу попаду, что я ему скажу вообще... “Ладно, – говорит, – я тебя прощаю”. Ничего интересного потом, какие-то годы такие... ну разве двор, как там по стене... ну такая, в полкирпича такие выемки, правда до самого чердака, трехэтажного высокого дома. Как мы по этим в полкирпича выемкам залезали на чердак. А, помню, в сарае, который принадлежал нашей квартире, я нашел обойму патронов пистолетных и обойму винтовочных, серебряный крест фашистский и еще два каких-то крестика, награды. Поменял их на марки. А патроны мы разобрали и порох жгли в костре... Огород, где мы таскали помидоры, помню вкус этих помидор. Кладбище, заросшее, старое, на котором мы собирали кленовый сок. В общем, какая-то жизнь такая... Марки собирал, помню... Один раз, помню, мама сгоряча мне сказала: “Домой не возвращайся, если что-то”, – и я не возвращался. Ушел к своему однокласснику. Потом не выдержал, побежал в окно смотреть, увидел, что мама переживает, нервничает.

Пожалуй, самое интересное в эти годы были каникулы, когда мы уезжали к моей бабушке в Новгородскую область. Там у меня был такой дядя Вася – муж моей тети Нюры. Замечательный мужик, хохол. Он был командиром пожарной части. Под его влиянием я гирую двухпудовую таскал... ну, это уже много позже. Вообще там много было – ездил на сенокос, видел настоящую деревенскую драку после танцев, с кольями. Очень много читал, просто запоями читал... странная у меня была способность – я читал очень быстро, и все запоминал при этом. Когда я приезжал на каникулы, мне сначала давали одну книжицу в библиотеке, потом через час я приходил за второй, потом библиотечарша проверяла, запомнил ли я, и давала сразу десять, потом я прочитывал всю полку. Тогда книжки в библиотеках делились по полкам: литература шестиклассников, семиклассников, ну потом она уже не смотрела, я так пачками брал, чтоб не бегать все время в библиотеку.

Первое сильное переживание – это книжка, которую я нашел у бабушки на чердаке, без обложки. Книжка, изданная во время войны, такая желтая, пожелтевшая бумага, и там были такие рассказы о мастерах своего дела. Два рассказа поразили меня на всю жизнь. Один о двух пожилых слесарях. Помню, что они все спорили: кто из них лучший, и весь завод в этом споре участвовал, а происходило все это на Урале во время войны. А моя мама, я выяснил, во время войны была на Урале, на танковом заводе работала. И вот суть дела: они решили устроить соревнования, чтобы выяснить наконец, кто лучше. Жюри там, инженеры всякие, и эти два работяги. Один сделал деталь какую-то сверхсложной конфигурации, которую никто на заводе даже и не взялся бы делать. Полный восторг. Второй достает из кармана небольшой металлический куб. Не помню, то ли восемь на восемь, ну, что-то такое – небольшой металлический куб. Начинают все смотреть, там шлифовка высшего класса, размерность с точностью до микрона, параллельность, ну, а тут все так просто: куб и куб. Там такая деталь, а тут куб. Потом мастер берет этот куб в руки, чего-то там делает, и куб распадается на, скажем, 8 частей сложного профиля. Он говорит: “Пожалуйста, сложите”. И вся эта комиссия пытается сложить. Он никак не складывается, этот куб, он опять берет в руки, раз-раз – складывается. Там была такая степень точности, что только при температуре его рук можно этот куб сложить. Чуть выше, чуть ниже – все, куб не разбирался и не собирался. И я помню, что меня это очень сильно поразило, почему-то. Просто застряло во мне.

Второй рассказ из этой книжки, который я запомнил: танковый завод, привезли с проката броневые листы для танков, и один лист погнут. И пресса такого, чтобы его выпрямить, нет. А война, не выбросишь, и назад не отправишь. И вот там какого-то старичка пенсионера зовут выручить их. К нему приставляют молодого инженера, инженер ходит с кувалдой, а старичок

ходит с молоточком и кусочком мела. Вот он первый день ходит, ходит – там постучит, там постучит, там постучит. Второй день пришел, начал стучать, и уже крестики ставит мелом, а молодой все записывает, фиксирует. На третий день он приходит, в трех местах постучал, одно место показывает, говорит: “Бей сюда, где крестик, кувалдой”. Ну, молодой шмяк по этому месту, и лист как живой завибрировал и выпрямился. Я был просто потрясен. И мысленно все время возвращался к этим рассказам, пытался как-то представить себе, как это... сомневался, это была или сказка. Просто такая вот книжечка про героев тыла. Потом опять так ничего особенного не помню. Потом помню, как в пятом классе осенью пошел в Дом пионеров поступать в драмкружок. Пришел, посмотрел, понял, что рано. Помню эту мысль – рано мне еще. И отложил. Рисовал, фотографировал, чем только не занимался. Учиться мне было легко. В начале учебного года я свежие, пахнущие типографской краской учебники просто читал от корки до корки. Память у меня лошадиная. И все эти годы болела голова. Иногда очень сильно, и тогда приходилось, чтобы воспринимать, что говорит учительница, ставить карандаш острием вверх и упираться в него голову, такую акупунктуру я сам себе делал. Помню, что иногда тихонько стучал головой об стенку, сзади, чтоб незаметно никому было. Но это как-то особенно меня не волновало тогда. В общем, такая серенькая жизнь, после этого впечатлений никаких не помню, сильных впечатлений аж до... Да, по-моему, я заканчивал 7-й класс... нет, это зимой было – я поскользнулся, упал, сломал ключицу. Второй раз, ту же самую, что и тогда. В этот раз все было нормально, уже медицина была более прогрессивная, я был весь в гипсе, вот так рука одна торчала... А, еще стоял на воротах за уличную команду футбольную, сломал кисть, отбивая мяч, приземляясь. Это все такая, серость... серость, жизнь такая, ничего особенного. Потом началось вдруг.

Пошел я в драмкружок, в Дом пионеров, с 7-го класса. И тут началась у меня тяга к совершению всяких антиобщественных поступков. Был у меня приятель, сын директора библиотеки Вильнюсского университета. Юра, звали его Гуля всегда почему-то, Гуля. И вот мы с Гулей занялись таким интересным делом – мы воровали цветы. Единственное, кого мы не трогали, – это сад человека, который выводил разные новые сорта. Его мы никогда не трогали. Мы достигли в этом фантастического совершенства. Вершиной было два поступка. Первый поступок: накануне какого-то школьного вечера я поссорился со своей подружкой – Леной Чистяковой. У нее одна нога была короче другой после полиомиелита. Мы с ней очень дружили, все думали, что у нас роман. А я приходил к ней – мы шли гулять. Она на свидание в одну сторону, я в другую, потом стыкуемся, и я ее сдаю родителям. Очень дружили, и помню, у них был такой домик, сад, под окнами стоял стол для пинг-понга, и мы под оперетты играли в настольный теннис, я тогда наизусть знал огромное количество оперетт. Она очень любила оперетты, проигрыватель стоял на окне, пластинки крутились, а мы играли в пинг-понг. И вот я ее чем-то обидел, мы поссорились, и я думаю: как-то надо извиниться. И мы с Гулей на площади Ленина, напротив КГБ, где в середине постоянно ходил милиционер вокруг памятника, с задней стороны, по-пластунски, с садовыми ножницами, вырезали 56 роз. На следующий день был школьный вечер. И вот когда между танцами пауза, девочки у одной стены, мальчики у другой сидят, Гуля ногой открыл дверь, и я с этим букетом через весь зал прошел, Ленке к ногам это все бросил, встал на колени и сказал: “Прости меня, пожалуйста, я тебе нахамил”, развернулся и ушел.

Надо сказать, что это так подействовало на общественное мнение, что это стало первым серьезным наблюдением моим за жизнью социума. Ни на следующий день, никогда после, даже после того как я закончил школу, вечернюю уже, – ни один учитель, ни один школьник, даже одноклассник, ни разу, никаким образом не упоминал при мне это событие. И я тогда задумался: оказывается, можно совершить действие, которое будет как бы забыто, причем всеми. На следующий день я пришел к Ленке домой, и наша дружба продолжалась. И она ничего не сказала, самое интересное, об этом. Вот не было этого, не было. Вообще с цветами много интересных историй. Я был влюблен в одну девочку старше себя в драмкружке. Она так снисходительно ко мне относилась. А жила она в таком доме, что вот так дом, а вот так горка, т.е. с горки до ее окна было метров пять. Это уже была поздняя весна, тепло, и ночью мы

вырезали пионы около Дома дружбы с зарубежными странами. Но мы все делали культурно – всегда у нас с собой были ножнички, мы ничего не ломали. И я ей в окно спальни через форточку накидал штук тридцать цветов. На следующей репетиции я ждал, естественно, реакции... “Это ты?” – “Может быть...” – гордо ответил я. Все. Это меня очень тоже... почему?

Что еще помню? Помню, как с переломанной кистью... шина была, я носил на повязке... В Доме пионеров должна была быть премьера спектакля “Звездный мальчик”, где я играл злого волшебника, ужасного. А меня закрыли дома. Всего-навсего первый этаж, естественно, я через окно ушел. И что запомнил: стою за кулисами, снимают с меня шину – больно. Выскакиваю на сцену – ничего не болит. Выскакиваю за кулисы – а-а-а-а... Великая сила искусства тогда пронзила меня. Потом как-то мне мама сказала, что когда мне было 4 года, я этого ничего не помню, мы были всей семьей в кино и смотрели фильм какой-то с Игорем Ильинским, и я уже тогда сказал, говорила моя мама, что я буду как Игорь Ильинский. По-прежнему я много читал... ну, это у меня было хобби, я очень любил читать. Из этих времен еще одно воспоминание есть: я дома, никого нет, я лежу на диване – то ли ангина очередная, то ли что, и я вдруг открыл такое замечательное занятие: я какими-то внутренними манипуляциями стал делать так, что стол, который стоял метрах в двух от меня, то уходил далеко-далеко-далеко и становился маленьким-маленьким-маленьким, а то становился огромным, и чуть не на меня залезал. Вот, такое странное развлечение.

Помню, как писал выпускное изложение. По окончании 7-го класса писал я о Мцыри. Писал два урока литературы, потом мне разрешили еще урок химии, потом еще урок физики, там... в общем четыре урока. Я написал целую ученическую тетрадь. Очень мне нравилось... Мцыри. После 7-го класса, на летних каникулах, я пошел через Юрку конечно, с его отцом договорился, пошел поработать, заработать денег. Ах да, там же где-то в 7-м, по-моему, классе было, когда моя мама попала под суд: она была бухгалтером месткома и не умела отказывать начальству, которое так брало деньги “на время,” и накопилась у нее большая сумма, и она пошла к своей подруге – главному бухгалтеру завода, с сыном которой сидели мы как-то на крыше дома на самом краю. Очень любил я по крышам лазить. Пришла мама попросить совета, а на следующий день провела подруга у мамы ревизию. Подруга. Как она объясняла: “Это чтоб тебя, Тоня, спасти”. Ну это был ужасный суд. Мама все взяла на себя, никого не назвала. Страшный приговор, пять лет тюрьмы. Вот отчего жизнь изменилась, да. Потом мама подала на апелляцию. Приехала моя тетя. Талантливейший продавец, она продала все, что было у нас в доме. Отец тут же отселился. Помню, как тетя Нюра стояла перед ним на коленях и просила помочь. Он что-то ей отвечал, типа “не могу, принципы не позволяют”, наверное, “Робеспьер” был по типу информационного метаболизма, он славился своей неподкупностью. Мне в больнице когда-то – я лежал во взрослом отделении всегда, как хулиган и при этом сын прокурора, понимаете. И мужик один выяснил, чей я сын, спросил, как мы живем, а потом сказал мне: “Ну и дурак твой отец – мы ему предлагали – он не взял, ну и что, мы другому дали”. Но я помню, что очень им гордился. Отец никогда ничего не рассказывал. Ну вот, эта неподкупность, и он отселился от нас. Ну как отселился – в этой же квартире, только в отдельной комнате. Маму хороший человек взял на работу, несмотря на то что еще ничего не было известно, она пошла работать секретарем-машинисткой. А я продавал свою коллекцию марок.

И когда я первый раз пришел туда, где филателисты собираются, какой-то мужик меня зацапал, завел к себе домой и забрал у меня по какой-то там официальной стоимости лучшие марки. Потом, видно, совесть его все-таки замучила, и он преподал мне урок. Он мне объяснил, что я ничего в этом не понимаю, достал каталог иностранный, до сих пор помню, как назывался, – “Ивер”, такой французский каталог марок, и объяснил мне, как надо продавать марки, и подарил мне старый прошлогодний “Ивер”. Это был очень знаменитый в городе коллекционер. И вот я регулярно после школы ходил продавать марки и приносил домой деньги. Это был мой первый заработок. Дома было пусто, голо, даже пластинки все тетя Нюра умудрилась продать. Мама внесла все это в погашение растраты, еле набралось (5000 руб.). Простыней было по одной. Я почувствовал себя старшим. Нет, это было в восьмом классе. А

перед этим, после седьмого класса, я работал в университетской библиотеке – там наводили порядок. Там случились со мной два сильных переживания. Я работал быстро: мне давали дневную норму, я быстро ее выполнял, и у меня оставалось время, и я читал подшивки журнала “Знание – сила” за все годы его существования. Читал я, естественно, про психологию, про людей. Именно тогда впервые я прочел, что человек использует возможности своего мозга, как паровоз, – на три процента. И это меня глубоко оскорбило. Это во мне что-то сделало. Очень сильное. Я домой пришел весь под впечатлением, все размышлял – ну как же так, как же так, ну что же это такое?! И вот тогда я себе сказал, что я сделаю все, чтобы превзойти этот показатель.

Потом была эта история с судом, потом маме заменили приговор на 2 года условно. Потом, это 14 лет мне было, по-моему... было у меня такое переживание – сидел я у окна – мы тогда на первом этаже жили, мимо ходили люди, по-моему, была осень... и вдруг у меня в голове возникла такая мысль: нет достойных и недостойных людей, это жизнь людей недостойна. Люди вынуждены жить жизнью, их недостойной. Такая вот была мысль, и она так и осталась со мной.

Учился я легко, кроме английского языка. Я поссорился с учительницей... у нас были сложные отношения. Когда я понял, что как бы я ни учил, больше четверки, а в основном тройки, она все равно мне не поставит, я бросил учить вовсе. А остальные были пятерки. Потом, накануне своего 16-летия, я чуть не уехал на целину. Но меня почему-то не взяли. А через несколько лет мама призналась, что ходила аж в ЦК комсомола...

И вот где-то в 15 лет меня пригласили в Народный театр этого самого завода, на котором я потом работал, в клуб “Заря”. В моей жизни появился Владимир Федорович Долматов, потрясающий человек. Он закончил ФЗУ – фабрично-заводское училище, потом вечерний техникум. Когда я с ним познакомился, он делал надписи на ящиках экспортных через трафарет. Он вырезал эти трафареты и делал надписи, понятно, да? На экспортных, потому что это был военный завод. И при этом он руководил Народным театром, это был очень достойный Народный театр. И вот Владимир Федорович Долматов был моим первым наставником, собственно говоря и отцом, в определенном смысле. А до этого был Владимир Устинович, руководитель нашего драмкружка в Доме пионеров. Он часто приходил к нам в гости, дружил с моей мамой, его знал весь город, потому что он в течение 30 или 40 лет играл Деда Мороза на главных елках города, и фамилия у него была Шальтис – мороз, в переводе на русский язык. У него я получил первые театральные уроки. А Владимир Федорович учил меня не только этому, но и каким-то жизненным принципам.

В неполные 16 лет я пошел работать на завод, учеником слесаря. И продолжал заниматься в Народном театре и тренироваться. Так я стал рабочим. И перешел в вечерку и учился в вечерке. Ну, там опять же обычная жизнь, романы... единственное, что может быть необычного или, там, не совсем обычного по тем временам – я безумно влюбился в женщину старше меня на 8 лет и у нас был очень... знойный роман. Я занимался спортом, неплохо выступал за сборную школьников Литвы, был чемпионом республики, рекордсменом республики, толкал ядро, метал диск. Ездил на соревнования, на сборы... обычная жизнь. А когда начался у меня этот роман, возникла в моей жизни симфоническая музыка. Первое потрясение от симфонической музыки – 6-я симфония Чайковского. Я стал бегать на все концерты в филармонию. Я был на концерте, которым дирижировал Караян. Я был на концерте, на который приезжал знаменитый китайский пианист, выигравший конкурс Чайковского. Я слышал Иму Сумак. Музыка в моей жизни играла очень большую роль. Я помню, был такой кинотеатр – “Хроника”. Там без остановки шли всякие документальные фильмы. И я там посмотрел фильм о Прокофьеве. Мне не очень понравилась его музыка, но в финале фильма исполнялась его симфония, я не знаю даже ее названия, к стыду своему; может быть, вы помните, там, где арфы у него ведут... лейтмотив на арфах... Я помню, что это на меня сильно подействовало. Вот тогда я начал вести дневник, писать стихи. Все как положено в этом возрасте.

А!.. ходили в гости по праздникам. В соседнюю комнату. Отец был такой... вышел уже на пенсию, у него все стены были обвешаны немецкими словами, он совершенствовал свой немецкий язык и занимался философией. Он очень любил философию. И для того чтобы как-то

с ним общаться, я начал читать философскую литературу. Начал я с учебника для сети политпросвещения, помню. Потом прочел Спиркина, потом понял, что надо читать первоисточники. Начал читать Канта, Гегеля, Фейербаха, которого не люблю до сих пор, и всякое другое, Тут же книжки по психологии, и где-то уже в этом возрасте, то есть в районе 16 лет, я составил список: что должен знать режиссер. Это был обширный список.

Такая вот, без особых происшествий жизнь, пока... все это так шло, шло... Закончил я школу, поехал поступать в театральную в Москву – не поступил. Приехал – съездил к бабушке, помню... Короче, мама продала свои часы, и я поехал в Москву на биржу устраиваться актером. Вместо этого встретился там следующий человек в моей жизни – Владимир Александрович Маланкин, делал добор на свой курс в Минск. И он меня взял. Я оказался в Минске, на актерском факультете... Голодали мы страшно. Сквозь десны шла кровь. Воровал в студенческой столовой еду. Потом как-то там, какие-то знакомства организовались, в одной школе вел драмкружок, ставил спектакль, там меня подкармливали. Что я запомнил, как ни странно, вот этот парень, мой приятель... его мама работала в столовой завода “Смена”. И однажды она попросила меня, чтобы я своей рукой переписал жалобу поваров на шеф-повара. И там описывались его махинации. С тех пор я знал, что мы едим в столовых. После этого я воровал в студенческой столовой без зазрения совести. Даже курс подкармливал. Мы там втроем работали. Курс настолько привык, что, когда мы приходили на занятия утром, все говорили: “Ну, где коржтики, давайте коржтики, жрать хочется”. Рекорд был – 63 коржика. Вообще я тогда воровал еду везде, я был большой специалист. Но ничего особенного пока не происходило в моей жизни. Меня вызвали в военкомат и по случаю того, что у меня в анамнезе черепно-мозговая травма какой-то жуткой степени, положили в психушку на обследование, там тоже была пара впечатлений. Одно – это парень, который весь день сидел под одеялом. Какая-то тяжелая форма аутизма. К нему приходил отец, седой весь, руки трясутся, и кормил его, туда, под одеяло, ему передавал. Мать у них умерла, он нам рассказал, с горя. Молодой парень совсем. И второй – мой сосед по койке, бывший фронтовой разведчик, у которого крыша поехала по каким-то причинам, который дразнил санитаров тем, что идеально воспроизводил лай немецкой овчарки. Причем настолько здорово, что если не видишь его лица, то полное ощущение, что в палате где-то собака. И вот регулярно прибегали санитары искать эту собаку, потом на него кричали. Но особенно этот парень мне запомнился. Это для меня было потрясение... человек, живущий под одеялом. И горе его родителей, его отца.

Личность моя была в полном порядке. Я был знаменитый достаточно человек, я играл в Народном театре главные роли наряду со взрослыми. Все мои друзья были, в основном, взрослые люди с завода. Я зарабатывал больше, чем моя мама. Я был довольно известный спортсмен, мои фотографии появлялись в местной прессе регулярно, то очередной рекорд, то победа на соревнованиях. И читал. Читал я запойно, в бешеных количествах. Я не ходил ни на какие танцы-шманцы – это мне было не интересно. Я бегал в филармонию, на тренировки, в Народный театр и на работу. Закончил я школу... и поступил в Минский театральный институт, в Минске тоже ничего. А когда я попал в психушку на обследование, я опоздал на неделю на занятия. Мне пришлось объяснять, что со мной вышло – военкомат меня проверял, признал годным к военной службе. А занимались мы, как бешеные. Мы приходили утром и уходили в 11–12 часов вечера. Владимир Александрович, он был очень талантливый педагог, сразу объяснил, что научить этому делу нельзя, а научиться можно. Он никогда никого не подталкивал. Если проявляешь инициативу – тебя смотрят, то есть твои этюды. А если нет, сиди в углу, ну отчислят потом и все. И вот экзамен, первый курс. Отыграл я свой этюд. Все меня поздравляют, что хорошо, все нормально. Собираемся мы. Владимир Александрович оглашает оценки. Пятерки. Меня нет. Четверки – меня нет. Можете представить мои чувства? Тройки. Меня нет. Мне уже там казалось, что я поседел. Такое поражение, самое серьезное поражение за всю мою жизнь, наверно, никогда такого не переживал. Двойки – и тут меня нет. И потом Владимир Александрович: “Николаев, останься, остальные свободны”. И он мне говорит такие слова, я их слышал тогда как в тумане: “Я не могу брать на себя ответственность, потому что при твоём здоровье тебя выжмут, как лимон, и выбросят. Ты долго не продержишься в актерах.

И я не хочу брать на себя ответственность. Но я могу тебе сказать (он был на моем спектакле в той школе, где я поставил какой-то спектакль, я уже сейчас не помню, про школьников что-то, я там играл “лицо от театра”), я посмотрел – это у тебя очень здорово получается, может быть, ты режиссер по призванию. Не обижайся на меня, но вот так”. Я был в тяжелом состоянии, а наш замечательный педагог по сценречи, такой, благородный, интеллигентной внешности, седой красавец, сделал мне выволочку и говорит: “Если ты ломаешься, значит, действительно, нечего тебе делать в театре”. Ну, в общем так меня поддержал. Проводили меня друзья, приехал я домой... До сих пор, как вспомню этот кусок своей жизни, во многом, может быть, он был поворотным, потому что, если бы я сломался, тогда непонятно, что бы было. Но я очухался. И тут меня “звездануло”. Меня “звездануло”, и я пошел в райком комсомола, весь преисполненный наглости. Что-то произнес об эстетическом воспитании школьников и получил мандат на создание под крышей райкома комсомола театра-студии – “Время”, ни больше ни меньше. Потом это называлось театр-коммуна “Время”. Я прошел по всем школам нашего района, выступил перед всеми старшеклассниками, начиная от восьмого класса. Потом провел вступительные экзамены в три тура, потому что на экзамен пришло 120 человек, из них, естественно, 80 девочек (среди прочих был принят сын режиссера русского драмтеатра Сашка Лурье). И начал вести эту студию. Ничтоже сумняшеся, с полным чувством, что все замечательно. А потом, естественно, папа Лурье заинтересовался: кто его сына обучает актерскому мастерству?.. В это время я вернулся в Народный театр, играл там, а работал старшим пионервожатым в средней школе. И пригласили меня в гости на день рождения Саши. Так я познакомился с Лурье. И он мне говорит: “Я вам помочь не могу, но почему бы вам не попробовать поступить в наш театр? Актером”. А чем черт не шутит?.. И я пошел. И меня взяли! На 55 рублей! Актером! В русский драмтеатр Литовской ССР! Первый мой выход на профессиональную сцену состоялся 7 ноября тысяча девятьсот шестьдесят... третьего года, наверно, да, второго? Шестидесят второго года. В 63-м я уже в армию пошел. И я помню этот ввод, он был 7 ноября, в “Укрощение строптивой”. В “Строптивой” я играл одного из слуг, из четырех слуг Петруччио, и пел квартетом: “Наливать так наливай, хэй ля-ля, хэй ля-ля”. Так я окунулся в театр. Больше всего потрясений я испытал от закулисной жизни, и особенно после премьерных пьянок. Я не пил. Много я насмотрелся. И вот там случилось самое сильное, наверно, из театральных переживаний.

У нас был актер, очень пожилой, 75 лет, у него был юбилей. Он мне надписал программку. “Ничего, Игорь, трудно только первые 30 лет, потом значительно легче”. Шло “Укрощение строптивой”, он играл отца Петруччио. Там есть такая маленькая роль комическая. И у него случился сердечный приступ. Вызвали “скорую”. А он сидел в нашей гримерке, он был рядовой артист, несмотря на свои 75 лет, обычный, играл маленькие роли. Ему делали уколы, а он сидит, очнулся, колют в вену очередной укол. “Где моя цепь, где моя цепь?” Ему подают эту бутфорскую цепь, он надевает. “Все, на выход”. И вот он идет передо мной по коридорчику к сцене, от стенки к стенке. За ним идет врач, медсестра со шприцем на всякий случай. И пока он на сцене играл этот эпизод, так за кулисами и стояла медсестра со шприцем. Это было страшное, ужасное и прекрасное переживание. Для меня в этом был весь ужас и вся прелесть театра. Человек на грани смерти, как выяснилось, у него инфаркт. Или такой, ну, не обширный, а микроинфаркт. Он больше не вернулся в театр после этого спектакля. 75 лет. И вот эта бутфорская цепь.

Параллельно еще у меня жизнь в студии... мы что-то ставим, занимаемся мастерством, сценречью. Время от времени я играю в Народном театре в пьесе Левады “Фауст и смерть”. Играю мужчину, которому надо лететь на Марс, а от него ушла жена. И еще он ведет философские дискуссии, и это все в стихах, философские дискуссии со своим идейным противником, монахом Расстригой. Трагедия, Левада – украинский драматург. И там была такая сцена, я хожу по кабинету и прощаюсь с книгами: “Друзья мои, прощайте, до свиданья, а может быть, прощайте и навек”. До сих пор помню. А было мальчишечке, значит, 17 с половиной. Большой успех был у спектакля и у исполнителей центральных ролей. Нас было трое в центральных ролях. А я мечтаю стать режиссером, подкатываюсь в гостеатре, чтобы меня взяли

ассистентом на спектакль, начать учиться режиссуре. Обещает мне главный режиссер, но выходит приказ весной, распределение ролей, и вместо меня ассистентом другой человек. Я подаю заявление об увольнении, не в силах пережить этот обман. Меня с удовольствием увольняют. Поскольку до этого уже было несколько художественных приказов на мой счет, никто таких выговоров не получал, как я, с большой педагогической преамбулой. Когда я поступал в Москве, то познакомился с Борисом, геологом из Казани. Шлю ему телеграмму: “Боря, возьми меня в экспедицию”. Короче говоря, выезжаю в Москву, из Москвы в Читу и оказываюсь в геологической экспедиции... поисково-съемочная группа, партия №6.

Этот кусочек моей жизни стал большим уроком, в основном по поводу мужских каких-то принципов... Интересные люди. А возил я с собой “Гамлета”, работал над пьесой, с прицелом, что я ее все равно когда-нибудь буду ставить и играть, естественно Гамлета. Мечтал сыграть три роли: Гамлета, короля Лира и Карла Маркса. И вот эта жизнь в экспедиции... Витим... Витим – это та самая Угрюм-река у Шишкова. И помню, у нас камералка – это когда пауза, мы не ходим маршрут, идет обработка данных. Берег Витима, туман, и играют Моцарта. Приемник – поймали Моцарта... темно... где-то вдали сопки, звездное небо, туман...

Я вернулся из экспедиции. Во время экспедиции, из Сибири, я писал письма студийцам. Прямо Константин Сергеевич Станиславский. И мне пришла пора идти в армию. Кем я тогда работал? По-моему, тарщиком или грузчиком... Я уже не помню, кажется на хлебзаводе? На этом заводе в разное время я тарщиком работал, слесарем работал и грузчиком работал. Мама там работала, вот я там и подрабатывал. Тарщик – это тот, кто ящики сколачивает. Я научился забивать гвоздь с двух ударов, выполнять и перевыполнять норму. Пришло время идти в армию. И забрали меня в армию. И отправили в Сибирь. Почти туда же, где я только что был, в город Нижнеудинск. Школа младших авиационных специалистов. Там было три события, которые запомнились.

Первое событие. Все эти годы у меня время от времени приступы случались, 5–6 приступов в год. У меня случился очередной приступ, меня отправили в санчасть, куда я имел неосторожность захватить с собой книгу, которую тогда читал. Это были “Философские тетради” Ленина. Мне очень нравился его темперамент, я представлял, как Владимир Ильич сидит в лондонской библиотеке, в этой тишине, в этой цитадели интеллекта и культуры... и своим почерком пишет: “сволочь идеалистическая!!! пуж-пуж-пуж!!!” – три восклицательных знака. Мне было очень все это любопытно. И майор, начальник санчасти, увидел у меня в руках эту книжку. Это его взбесило. Его просто взбесило, он начал на меня орать, что я тут выпендриваюсь, что тут что-то демонстрирую, что я вообще симулянт и прочее, прочее. Короче говоря, выгнал меня из санчасти, дело было поздним вечером. Я прихожу в казарму. Весь оскорбленный, естественно. А майора роты моей нет, они в карауле. И тут я решаю, что не могу перенести этого оскорбления и надо покончить с собой. Отсюда это очень смешно смотрится. Я на все деньги, которые у меня были, в киоске купил в нашем солдатском печенье, конфеты, обошел все посты, угостил ребят, кто курил, тому сигареты купил, рассказал им, какая сволочь этот майор. Пришел в казарму – там пусто. Но при всем при этом, собираясь красиво умереть, я все-таки в карман шинели положил газеты, потому что знал, где-то читал, что если замерзаешь, то надо в газету ноги закутывать. Было минус 42, ночь. Я перелез через забор и потопал в тайгу. В состоянии полного аффекта, вложил в военный билет записку, попросил прощения у мамы и брата. И в этом состоянии, совершенно невменяемом, я был оскорблен жутко совершенно, почухал я в тайгу. Не знаю, сколько я шел, но постепенно мороз дал о себе знать, головка остыла, и не только остыла, как выяснилось, лицо было обморожено, потом был с черной кожей, как с черной бородой. Ноги уже ледяные. И тут я опомнился. Опомнился, достал газеты, завернул ноги в газеты, потому что портянки совершенно не грели. Надо же выходить из этой тайги как-то. Ну, поскольку я до этого был в экспедиции опять же в тайге, я как-то сориентировался по звездам и понял, что где-то, справа от меня, должна быть железная дорога. И, сориентировавшись на звезды, чтобы кругами не ходить, потепал, потепал и потепал. Но уже ведь не в состоянии аффекта, уже просто тяжело физически, хорошо, что спортсмен, а еще был в полной боевой форме. Короче говоря, я дотепал до дороги, идущей вдоль железной дороги.

Автомобильная колея. Снега по колено, в тайге. Вдали даже огоньки увидел. И вот тут я, еще не зная о правиле последних шагов, расслабился. Поскользнулся и упал на спину. Надо мной потрясающее звездное небо. Я лежу на спине, мне становится тепло, я понимаю, что замерзаю. Я читал, что когда замерзает человек, ему становится тепло... И я думаю знаете о чем? Я думаю – вот теперь я понял, как нужно монолог Гамлета “быть или не быть” играть. Честное слово. Короче, тихо отправляюсь в мир иной. Что меня спасает: по дороге едет машина, грузовик, с включенными фарами. Я лежу, вот моя нога в сапоге, значит, ну вот так 10 сантиметров от колеи. А машина не останавливается. Они проезжают мимо меня. Конечно, они меня видели. Это в Сибири. Может, беглый, может, еще что. И это меня разозлило – ах, сволочи, думаю, солдата не подобрали. Я поднялся и из последних сил дошел до этой станции, вошел в станционное помещение и около печки рухнул на пол. Кто-то прибежал, меня перенесли на лавку, достали военный билет, позвонили в часть. Приехал из части этот же самый майор и еще какие-то два офицера. И майор решил такую психотерапию, как я понимаю, применить. Он ворвался и стал орать на меня матом. И когда я его увидел, я стал кричать просто звериным голосом (“аш игрек”, как сказала бы Ангелина Ивановна). Я уже не мог слышать и видеть его. Я так: ааааааа! – и иду на него. И он мне как врежет. Я спиной в стену, он меня перехватывает, еще раз, я вылетаю в дверь и по откосу вниз. Тут его остановили. Ехал я в часть с командиром своей роты, очень хороший человек, и он говорит: “Почему ты не пришел ко мне, почему ты мне не рассказал, что ж мы, не разобрались бы...” – я мычу только. И меня сразу привезли на гауптвахту, правда всю ночь топили, оставили шинель, в глазок все время смотрели, как я там, не пытаюсь ли продолжить самоубийство, и отправили в госпиталь. В ту же самую Читу. В госпитале... там все очень просто, мне сделали пункцию первым делом. Знаете, что такое пункция, да? Это из спинного мозга берут жидкость. Тебе в спинной хребет вгоняют шприц и вынимают жидкость, на анализ. Если ты откажешься, значит, точно симулянт. Ну, я не отказался, но, слава богу, я что-то еще соображал, более или менее, и понимал, что инструкцию о том, что двигаться нельзя, надо выполнить до конца. Вон у нас один, мой сосед, решил ночью не звать санитарку и сходить в туалет сам. Его согнуло, и он больше не разогнулся.

Отлежал я в госпитале, вернулся в часть... уже мудрым и начал: спорт – самодеятельность, спорт – самодеятельность. Пошла моя жизнь очень хорошо. Ездил на соревнования, ездил с концертами.

Следующим моим событием был Экзюпери. Я по-прежнему много читал, я взял в библиотеке Экзюпери, до этого он мне не попадался. Я слышал про Маленького принца, но меня это не волновало. Так я впервые прочел “Ночной полет” Экзюпери. Что-то со мной случилось, что-то во мне случилось... Моя внутренняя жизнь качественно изменилась. Я не знаю, как это описать словами, но я внутри стал очень спокойным. Как будто моя внутренняя жизнь отделилась от моей внешней жизни.

А третье событие было в том, что я там чуть не женился. Я познакомился с одной девушкой на танцах. Они были сироты, она растила двух маленьких, своих сестренку и братишку. Я стал ходить к ним в гости, копать огород, помогать по хозяйству, детишки ко мне привязались, и я подал заявление, чтобы получить разрешение жениться. А тут закончили мы школу, и отправили меня как можно дальше, хоть я и был отличник боевой и политической подготовки. И отправили меня аж в Уссурийский край, на самый Дальний Восток, в село Галенки. Там я тоже нормально жил, вел драматический коллектив школьный, ездил на сборы, выступал за сборную округа, толкал ядро, метал диск. Как раз тут была годовщина незабвенной Октябрьской революции, я читал “Реквием” Р.Рождественского в Хабаровске на торжественном концерте. Потом я был летом в Хабаровске на спортивных сборах и успел сыграть роль в народном театре гарнизона. Короче говоря, в итоге всяких разных приключений я стал сверхсрочником в Хабаровске и стал руководить этим самым народным театром. Но до этого я чуть не погиб, уже не по своему желанию. Тогда у нас были Миг-17 (семнадцатые), они низкие самолеты были. И крыло самолета, кончик крыла, на высоте пупка. Мы выкатывали самолет из ангара, и я был на конце крыла. А с другой стороны самолета кто-то дал команду – поворачивай. Человек, который правил, он сделал поворот, сзади в это время оказался тоже

самолет, и меня точно между двух крыльев начало сдавливать. Я издал совершенно звериный вопль. Я теперь знаю, что такое животный вопль. А в госпиталь не пошел, поскольку у меня была премьера. Поэтому я три дня, просто как собака, менял все на сахар и питался чаем с сахаром. И все нормально. Ну, в общем, оказался я в Хабаровске, там тоже ничего необыкновенного, кроме одного: я поставил условие, что я к вам перехожу, но вы меня отпускаете поступать на режиссуру. В Щукинское училище, на заочный факультет. И только я приехал в Хабаровск, только оформился. И тут же буквально... ну это все в течение суток, я ничего и не успел: в самолет и лечу я в Москву. И поступаю я на режиссуру с большим успехом, набрав 48 баллов из 50 возможных. По дороге я женился... То есть я в самолете познакомился. Она ехала к себе на свадьбу в Калугу... не доехала. Я послал маме телеграмму: "Поступил, женился. Игорь". Мама срочно, вместе с Колей, из Крыма от тети залетела в Москву, а потом встречала нас в Вильнюсе. Как-то случайно проговорилась моя подруга, что мы познакомились в самолете. У мамы была естественная реакция. Свадебное путешествие было у нас в том, что мы 7 суток ехали на поезде от Вильнюса до Хабаровска. Мой товарищ уже снял там нам пол-избы. Так началась моя семейная жизнь. И все шло нормально, я дружил с ребятами из молодежной газеты, вел на телевидении передачу "В эфире молодость". Там было много разных впечатлений, но обычных, никаких сильных переживаний. Потом у меня случился очередной приступ, я попал опять в госпиталь, опять мне сделали пункцию, вторую, и опять удачно, без последствий, и комиссовали. Я вернулся домой, взял в Щукинском отпуск академический, на один год. И Владимир Федорович, который самоучкой, к тому времени стал ведущим дизайнером завода, начальником отдела, у него в подчинении там были очень образованные люди... Вот за это время с 62-го по 68-й он самоучкой, можете себе представить, стал дизайнером. Потом он поступил в вуз... Министр выяснил, что у него нет высшего образования, заставил его учиться, он поступил в академию, на искусствоведение. Блестяще ее окончил, сделал открытие, в Литве нашел памятник народного творчества, неизвестный. Описал – это была его дипломная работа. Такой замечательный человек Владимир Федорович Долматов. Он отдал мне Народный театр. Так я, вернувшись из армии, стал руководителем Народного театра, закончив к тому времени один курс театрального училища имени Щукина.

И было во мне что-то после армии неуютно. Я не мог никак себя найти. У меня было ощущение, что я как-то подвешен между небом и землей. Внутри... не знаю... Внешняя жизнь-то была бурная: я уже успел и развестись, поскольку мне успели уже наставить рога, всякие были истории смешные. Но у меня театр, все, ну, все хорошо, а вот... Я искал ответа в разных книжках, я перечитал горы книг по психологии... Но что-то не складывалось. И вот я узнаю, что на завод приехала группа социологов из Московского университета. Я иду туда к ним, знакомлюсь, работаю с ними, делаю исследования на тему "Конфликт мастер – рабочий при сдельной оплате труда". Там я знакомлюсь с Аркадием. И однажды Аркадий пригласил меня к себе в гостиницу, я пришел, он мне вручает небольшую пачку машинописных листов и говорит: "Вот здесь информация. Может быть, это будет просто еще одна информация. А может быть, с этого начнется твоя новая жизнь". И я тут же, у него в номере, это читаю.

Вивекананда, вступление... философия раджа-йоги... Полное потрясение. Я выхожу из гостиницы, и у меня переживание, что я вышел в другой город, в другой мир. Все то же самое, и все другое. Так состоялась моя встреча с традицией. Так началась моя более или менее сознательная жизнь. Это произошло в 1968 году.

Потом я был на сессии, познакомился с Борей Тираспольским. Тоже очень интересно. Я поднимаюсь по лестнице, Боря спускается. Мы останавливаемся вдруг на площадках, поворачиваемся, Боря внизу, он говорит: "Это ты про "Дракона" пишешь? Все работы контрольные... (по пьесе Е.Шварца "Дракон"), по режиссуре..." – я говорю: "Я". И мы не расставались трое суток после этого. Так у меня появился первый духовный родственник.

Потом получилось так, что мне предложили студию в Даугавпилсе, чтобы возродить там русский театр, который там когда-то был, и группа моих ребят со мной поехала. Началась жизнь в Даугавпилсе, коммуной, в одной квартире. И там, это уже третий год после встречи с Аркадием, там я впервые начал что-то рассказывать. У нас были такие пятницы: в ночь с

пятницы на субботу мы сидели и говорили, так пришел к нам “Огненный цветок”, метод качественных структур. Там в Даугавпилсе я прочитал, у меня были знакомые такие, хорошая семья, интеллигентная, педагоги, у них я прочел все выпуски журнала “Семиотика” Тартуского университета, потом ездил к Лотману, чтобы проверить себя по поводу метода качественных структур. Потом все это кончилось, поскольку Совет Министров большинством в три голоса отклонил идею возрождения русского театра в городе Даугавпилсе. Мы странствовали, искали место, где бы могли все продолжить... Кончилась эта история тем, что мы оказались на КамАЗе, провели там зиму в одной квартире. Питались так... своеобразно. А, до этого я успел поставить спектакль в Орджоникидзе, ныне Владикавказ. Такая вот жизнь. Но главное все происходило внутри, потому что я учился, и это было для меня самое главное. С тех пор я этим и занимаюсь 32 года уже.

Всю эту жизнь я жил бедно... хотя и не слишком бедно – я получал 125 рублей как режиссер, но не всегда ж была работа. Потом КГБ запретило мне работать в театре. А потом меня не брали на работу в Вильнюсе вообще никуда, даже стрелком пожарной охраны. Как раз Дарька родился, маленький был. Я придумал профессию “интеллектуальная проститутка” – за 10 рублей весь вечер отвечал на любые вопросы. Потом был “кролик”. Я участвовал во всяких экспериментах в качестве испытуемого, там и закончил с темой экстрасенсорики. Потом Киев, потом Чернобыль, потом чернобыльцы, клиника... И замечательный человек – Ангелина Ивановна Нягу, профессор, доктор медицинских наук, невропатолог. У нее я тоже многому научился. Еще в моей жизни были прекрасные люди, которые сыграли в ней очень большую роль: Александр Михайлович Паламишев – мой педагог в Щукинском училище. Владимир Павлович Эфраемсон, основатель медицинской генетики. Человек, сидевший до и после войны, в лагерях. Я имел честь редактировать его рукопись “Пять генетических признаков гениальности”. И Елизавета Людвиговна Маевская, педагог-консультант ВТО. Бывшая актриса МХАТа, отсидевшая 10 лет в лагерях. Петр Михайлович Ершов – театральные педагог, автор потрясающих книг: “Технология актерского искусства” и “Режиссура как практическая психология”. Павел Васильевич Симонов, директор Института высшей нервной деятельности, друг Петра Михайловича. В этом институте я тоже участвовал в различных экспериментах.

Обыгрывал детектор лжи, там... всякие разные другие штучки...

Потом опять меня обманули – обещали прописку и квартиру в Киеве и не дали. Я уволился, уехал в Вильнюс, открыл кооператив по оказанию психологических услуг. Потом опять Киев, театрик, “Зикр”, потом Питер.

В 1985 году состоялась моя встреча с Мастером. Это было главное событие после встречи с Учителем, потому что благодаря Мастеру и всему тому, что вокруг было, и всей этой истории, закончившейся так трагично, – это были большие уроки. А с помощью ребят питерских, которые сделали фирму, мы вписались в капитализм. Сначала у меня появилась первая в моей жизни своя квартира в Киеве. Это мне сколько было? 45, что ли, или 47 даже. Потом у меня появилась квартира в Питере и, в общем, зажил я припеваючи.

Когда отец умер, это было тоже в 1968 году, я узнал из бумаг его биографию. Оказывается, у меня отец был с очень интересной биографией, а мне никогда об этом не рассказывал. Потом эти бумаги сжег Коля во время одного из своих приступов. Так что остались у меня только отцовские награды, и все. Из вещей, я имею в виду.

Вот такая биография. Я очень счастливый и везучий человек. Мне повезло, что черепно-мозговая травма не сделала меня инвалидом 2-й группы, как должно было быть по всем медицинским показателям. В силу какого-то стечения обстоятельств, наоборот, это активизировало мои интеллектуальные возможности, а головная боль, которая до 1985 года была фоном моей жизни, и приступы, которые начали учащаться до восьми в год, и я возил уже с собой шприц и ампулы, потому что таблетки не помогали. А вылечил меня Мирзабай за один заход, и с тех пор я просто не знаю этой проблемы – видите, опять повезло. Мне везло на людей, на очень интересных людей, умных, образованных, интеллигентных, мудрых, видевших жизнь в таких страшных ее проявлениях, что после этого у меня не возникало мысли переживать по поводу своих болячек. Я понимал, что на этом фоне это все так мелко. Мне

повезло, потому что я был дерзким человеком, наверно потому, что было защищенное детство, защищенное с двух сторон: отец был прокурором литовской железной дороги. И плюс я был еще травмирован, и меня нельзя было особо наказывать. В результате я был очень дерзким и не боялся социума, не боялся общественного мнения. Я позволял себе жить так, как хотел. Мне всегда было жить интересно. И это был мой главный критерий, очень многие годы. И до сих пор это один из важных критериев – чтобы было интересно жить. Поэтому я легко бросал карьеру, материальные блага, уходил, странствовал. И как-то не искал гарантированного будущего. Легко осваивал всякие разные профессии. Одни чуть-чуть, другие более основательно. У меня прекрасная память – опять же благодаря травме. Я не помню до 5 лет, а дальше все довольно прилично, во всяком случае, что стоило помнить. Я очень быстро читаю. И при этом помню то, что прочитал. В борьбе с головными болями я открыл массу медитаций. Я, например, на уроке делал так: давал себе задание: сначала видеть только лицо учителя, потом только рот говорящий, потом только слышать, с открытыми глазами, потом только воспринимать содержание, не слыша голоса и не видя, при этом глаза открыты, уши не заткнуты. Такие упражнения делал. Сам придумал. И у меня это получалось. Когда я готовился к экзамену в Минске по зарубежному театру, я за два часа в библиотеке публичной, в читальном зале, прочел 8 пьес Шекспира. И одна из них мне попала в билет.

Конечно, главное – люди. Самое главное, мне везло на интересных людей, у которых было чему поучиться. Поэтому я не был такой уж оболваненный совсем. Довольно рано я стал разбираться в истинной природе советской власти, в Иосифе Виссарионовиче Сталине и к 25 даже во Владимире Ильиче Ленине.

Я застал Щукинское училище в период расцвета: параллельно со мной, на дневном факультете учились все звезды теперешнего театра, будущие звезды театра и кино. Начиная от Насти Вертинской и кончая, ну, кем закончить, я не знаю... Михалков... Костя Райкин и так далее. Я видел массу интересного в своей жизни. Мне всегда были интересны люди, и их было очень интересно впитывать в себя. Разные способы жить, разные способы видеть и объяснять мир, разные способы думать, разные способы чувствовать. Мне люди были всегда интересней, чем я сам. Ну и главное – мне повезло – я встретил традицию, которую полюбил с самого начала и которую люблю до сих пор. Я перепробовал почти, наверно, все, кроме телекинеза и левитации. Этим я не занимался. Хотя я слышал про себя, что я якобы левитирую, – нет, телекинезом и левитацией не пробовал даже. Все остальное пробовал, кое в чем были очень приличные результаты, но, слава богу, я вовремя понял, что это баловство и к существу дела не имеет отношения. Я много чего умею делать руками, никогда не боялся, что останусь без средств к существованию, потому что всегда можно найти какую-то работу или придумать, как заработать денег на хлеб. Наверно, я не очень хороший семьянин. То есть, не наверно, а наверняка, потому что я бродяга и волк-одиночка. Но я всегда старался быть искренним в своих отношениях с людьми, потому что очень давно, году этак в 70-м – 72-м, я окончательно пришел к выводу, что высшая ценность в человеческих отношениях – это искренность. Я никогда не верил в то, что детей своих надо воспитывать. Я всегда верил в то, что все, что я могу дать своим детям, – это мир, в котором я живу, и поэтому руководствовался в отношениях с детьми тем же принципом – искренность, больше ничего. И я не изменил своего убеждения в том, что люди вынуждены жить жизнью, их недостойной. Я старался не осуждать никого и делил людей не на достойных и недостойных, а на тех, с кем мне интересно, и на тех, с кем мне не интересно. Я был очень жесткий лидер, азартный, сам от себя требовал по максимуму и также требовал от тех, кто работал со мной, пока однажды не понял, что это не совсем правильно, скажем так.

Я никогда не хотел уехать ни в Гималаи, ни в Америку, хотя у меня были такие возможности, даже при советской власти. Я никогда не занимался политикой – мне это не интересно, и до сих пор не интересно. Постольку и поскольку она отражается в жизни людей или отдельного человека, и не больше. Как профессия – это мне не интересно. А болтать об этом на уровне, так сказать, кухни, мне это не интересно. Это дело сложное, и нужно, если уж этим интересоваться, то надо более или менее профессионально, конечно.

Мне, по-прежнему, интересно жить. Очень интересно. И я с полной ответственностью перед высшими сферами, если они существуют, неоднократно заявлял – я готов воплощаться, воплощаться и воплощаться здесь, в мире людей. У меня нет никакой мотивации переместиться в какие-нибудь там высшие миры, совершенно никакой. Во всяком случае пока не было никогда. Мне безумно интересно здесь.

Мне кажется, что я живу очень, очень долго. В моей жизни было много-много всего разного... и это мне нравится. И я готов жить еще очень долго.

Если это будет, мне не надоест.

Твое Лицо.

Ты смотришь на меня

Так просто и спокойно.

То ли ты моя проекция,

То ли я Твоя.

Где-то затерялся последний ответ.

Иерусалим. 6 января 2000 г. –

С.-Петербург. 6 января 2001 г.